

Министерство образования и науки Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«НИЖЕГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. Н.А. Добролюбова»

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного
лингвистического университета
им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 18

Нижний Новгород

2012

*Печатается по решению редакционно-издательского совета
ФГБОУ ВПО «НГЛУ»*

УДК 81'1:008+82(091)+378.14+1(091)

Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. Выпуск 18. – Нижний Новгород: ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2012. – 216 с.

ISSN 2072-3490

Главный редактор

Б.А. Жигалев

Редакционная коллегия:

Е.С. Гриценко (*зам. главного редактора*), Е.В. Плисов (*отв. секретарь*), М.К. Бронич, В.М. Бухаров, М.А. Викулина, М.А. Грачев, Е.Н. Дмитриева, В.Г. Зусман, В.И. Карасик (Волгоград), З.И. Кирнозе, Л.П. Крысин (Москва), Е.В. Курбакова, М.М. Лебедева (Москва), Л.А. Львов, М.И. Никола (Москва), О.Г. Оберемко, Е.Р. Поршнева, М.С. Ретунская, Е.П. Савруцкая, Т.Н. Синеокова, В.В. Сдобников, О.Н. Сенюткина, В.М. Строгеецкий, А.А. Сергунин (Санкт-Петербург), С.В. Устинкин, Э.Д. Фролова (Санкт-Петербург), А.Н. Шамов, Л.Е. Шапошников, Д. Боксэ (США), Д. Марке (Бельгия), Д. Мийе-Жерар (Франция), У. Реннер-Хенке (Германия), М. Руэп (Германия), К. Флидль (Австрия), С. Фрилз (США)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-32158 от 07.06.2008г.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК РФ с 19.02.2010 г.

ISSN 2072-3490

© ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2012

Ministry of Education and Science of the Russian Federation

NIZHNY NOVGOROD LINGUISTICS UNIVERSITY

VESTNIK
of Nizhny Novgorod Linguistics University

Issue 18

Nizhny Novgorod

2012

**Vestnik of Nizhny Novgorod Linguistics University. Issue 18. –
Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Linguistics University, 2012.
– 216 p.**

ISSN 2072-3490

Editor-in-Chief

B. Zhigalev

Editorial Board:

E. Gritsenko (*Deputy Editor-in-Chief*), E. Plisov (*Executive Secretary*),
M. Bronich, V. Bukharov, M. Vikulina, M. Grachev, E. Dmitryeva, V. Zusman,
V. Karasik (Volgograd), Z. Kirnoze, L. Krysin (Moscow), E. Kurbakova,
M. Lebedeva (Moscow), L. Lvov, M. Nikola (Moscow), O. Oberemko,
E. Porshneva, M. Retunskaya, E. Savrutskaya, T. Sineokova, V. Sdobnikov,
O. Senyutkina, V. Strogetsy, A. Sergunin (St-Petersburg), S. Ustinkin,
E. Frolova (St-Petersburg), A. Shamov, L. Shaposhnikov, D. Boxer (USA),
D. Markey (Belgium), D. Millet-Gérard (France), U. Renner-Henke (Germany),
M. Ruep (Germany), K. Fliedl (Austria), S. Freels (USA)

ISSN 2072-3490

© ФГБОУ ВПО «НГЛУ», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

О.П. Бурканова (<i>Саранск</i>), Е.В. Плисов (<i>Нижний Новгород</i>) Структурные особенности хиазма и параллелизма в немецком религиозном тексте	11
А.В. Жиганова (<i>Нижний Новгород</i>) Переключение языкового кода как средство конструирования социальной идентичности	19
И.Н. Кабанова (<i>Нижний Новгород</i>) Политические крылатые выражения: лингвистический статус и функционирование	27
К.В. Кемова (<i>Нижний Новгород</i>) Медиадискурс как объект междисциплинарного исследования	34
О.В. Кирьякова (<i>Саранск</i>), В.М. Бухаров (<i>Нижний Новгород</i>) Классификационные критерии и речеактовый потенциал перформативных глаголов (на материале современного немецкого языка)	43
Ю.О. Кудрявцева (<i>Воронеж</i>) Фразеологические единицы как средство объективации концепта «Sonne» (солнце) в немецкой языковой картине мира	53
И.В. Матвеева (<i>Нижний Новгород</i>) Семантическая структура синтаксической категории лица ...	62
Е.А. Пантелеева (<i>Нижний Новгород</i>) Образ современной политической России в англоязычном медийном дискурсе: идеологический аспект	69
Н.А. Романова (<i>Нижний Новгород</i>) Морфологические изменения арготизмов при переходе в общенародный язык (на материале русского языка)	78
М.В. Сергеева, В.В. Денисова (<i>Нижний Новгород</i>) Изучение семантической просодии слова на базе анализа корпусов	86

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

- Н.М. Ильченко** (*Нижний Новгород*)
Цветочная и растительная символика в творчестве немецких и русских романтиков 92
- К.Ю. Кашлявик** (*Нижний Новгород*)
«Письма к провинциалу» Блеза Паскаля в русле интеллектуальной прозы XVII века 104
- Г.И. Родина** (*Арзамас*)
Русская театральная рецепция пьес Г. Зудермана 113
- А.С. Ручкин** (*Нижний Новгород*)
Образ города в лирике Г.Гейма 121
- А.Н. Таганов** (*Иваново*)
Российский миф в раннем творчестве Андрея Макина 128

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

- Е.Н. Баранова** (*Нижний Новгород*)
Компетентностный подход в контексте гуманистической парадигмы образования 139
- Е.Ф. Глебова** (*Нижний Новгород*)
Функционально-коммуникативный аспект обучения фразеологии русского языка студентов-журналистов лингвистического вуза 150
- Н.В. Литонина** (*Нижний Новгород*)
Совершенствование учебно-познавательной компетенции студентов-лингвистов в условиях очно-заочного обучения 159
- О.Г. Оберемко** (*Нижний Новгород*)
Соотношение межкультурной и межэтнической коммуникации в преподавании иностранных языков 168

В.П. Фурманова (*Саранск*), **А.Н. Шамов** (*Нижний Новгород*)
Мотивация как основа успешного овладения иностранным
языком в школе 177

А.А. Шолин (*Нижний Новгород*)
Некоторые аспекты педагогического обеспечения
профессионального становления личности будущего
специалиста технического профиля 189

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.В. Богомолов (*Нижний Новгород*)
Проблема небытия в философии Платона и Аристотеля:
сравнительный анализ 197

В.Н. Казакова (*Нижний Новгород*)
Процесс глобализации как угроза православному образу жизни 206

CONTENTS

LANGUAGE AND CULTURE

Oksana Burkanova (<i>Saransk</i>), Evgeny Plisov (<i>Nizhny Novgorod</i>) Structural Features of Chiasmus and Parallelism in the German Religious Text	11
Anna Zhiganova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Code-Switching as a Means of Constructing Social Identity	19
Irina Kabanova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Political Catchphrases: Linguistic Status and Usage	27
Kseniya Kemova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Media Discourse as an Object of Interdisciplinary Research	34
Olga Kiryakova (<i>Saransk</i>), Valery Bukharov (<i>Nizhny Novgorod</i>) Classification Criteria and Speech-Act Potential of Perlocutive Verbs in Modern German	43
Julia Kudryavtseva (<i>Voronezh</i>) Phraseological Units as a Means of Objectivization of the Concept “Sonne” (Sun) in the German Linguistic Picture of the World ...	53
Irina Matveyeva (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Semantic Structure of the Syntactic Category of Person	62
Elena Panteleyeva (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Portrayal of the Contemporary Political Situation in Russia in the English Language Media Discourse: An Ideological Perspective	69
Natalia Romanova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Morphological Alterations of Argotic Expressions in Their Transition to Normative Russian	78
Marina Sergeyeva, Vera Denisova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Corpus Analysis as a Source of Determining Semantic Prosody of a Word	86

CROSS-CULTURAL ASPECTS OF LITERARY DISCOURSE

Natalya Ilchenko (<i>Nizhny Novgorod</i>) Floral Symbolism in the Works of German and Russian Romantics	92
Kira Kashlyavik (<i>Nizhny Novgorod</i>) Blaise Pascal's "Provinciales" in the Context of the 17 th Century Intellectual Prose	104
Galina Rodina (<i>Arzamas</i>) Reception of H. Sudernman's Plays in the Russian Theater	113
Alexander Ruchkin (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Image of the City in the Lyric Poetry of G. Heym	121
Aleksandr Taganov (<i>Ivanovo</i>) The Russian Myth in the Early Works by Andreï Makine	128

CROSS CULTURAL COMMUNICATION AND FOREIGN LANGUAGE TEACHING. TOPICAL ISSUES IN EDUCATION

Elena Baranova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Competence Approach in the Context of the Humanistic Paradigm in Education	139
Elena Glebova (<i>Nizhny Novgorod</i>) Functional and Communicative Aspects of Teaching Phraseology to Journalism Students at a Linguistic University	150
Nadezhda Litonina (<i>Nizhny Novgorod</i>) Improving Cognitive Competence in University-Level Evening Language Courses	159
Olga Oberemko (<i>Nizhny Novgorod</i>) Correlation Between Cross-Cultural and Cross-Ethnic Communication in Foreign Language Teaching	168

Valentina Furmanova (<i>Saransk</i>), Aleksandr Shamov (<i>Nizhny Novgorod</i>) Motivation as Foundation for Successful Foreign Language Learning in Secondary Schools	177
---	-----

Artyom Sholin (<i>Nizhny Novgorod</i>) Providing Pedagogical Support for the Professional Development of Engineering Specialists	189
--	-----

CURRENT ISSUES IN PHILOSOPHY, HISTORY AND SOCIAL COMMUNICATION

Aleksey Bogomolov (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Problem of Non-Being in Plato's and Aristotle's Philosophy: A Comparative Analysis	197
---	-----

Victoria Kazakova (<i>Nizhny Novgorod</i>) The Process of Globalization as a Threat to the Russian Orthodox Way of Life	206
---	-----

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

УДК 811.112.2'42:27-535

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ХИАЗМА И ПАРАЛЛЕЛИЗМА В НЕМЕЦКОМ РЕЛИГИОЗНОМ ТЕКСТЕ

О.П. Бурканова

*Мордовский государственный педагогический институт
им. М.Е. Евсевьева, Саранск*

Е.В. Плисов

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье на материале немецких псалмов анализируются различные модели хиазма и параллелизма, исследуются их функции в богослужебных песнопениях, на основе этих фигур устанавливается поступательное и концентрическое смысловое развитие текста псалма.

Ключевые слова: хиазм, параллелизм, модель, псалом, Псалтирь.

Structural Features of Chiasmus and Parallelism in the German Religious Text

Oksana Burkanova, Evgeny Plisov

The article analyzes different models of chiasmus and parallelism in German psalms, investigates how these figures of speech function in liturgical chants, and shows their role in progressive and concentric semantic development of a psalm's text.

Key words: chiasmus, parallelism, model, psalm, Psalter.

В последнее время внимание ученых привлекает один из самых многообещающих подходов к чтению и пониманию текстов Священного Писания, который включает так называемый «хиастический анализ». Этот подход позволяет выявить в библейских текстах «концентричный параллелизм». Как отмечает Джон Брек, библейские авторы строили свои произведения не только как повествование, они также развивали свою мысль концентрично, помещая основную тему в центр отрывка, так как библейский текст, как правило, развивается от начала к концу. Однако хиастические конструкции доносят смысл до читателя посредством концентрического развертывания, которое ведет от краев отдельного отрывка к середине, к «концептуальному центру» [1. С. 5].

В процессе творчества авторы библейских книг обращались к различным литературным формам, в большей части которых присутствовала некая симметрия, приводившая в стройность или «параллелизм» отдельные элементы литературного произведения. Именно параллелизм исследователи называют самой характерной чертой библейской литературы. Как отмечает А. Десницкий, «отталкиваясь от поверхностного определения “одно и то же говорится два раза”, ученые пришли к глубинному пониманию многих особенностей библейских текстов, причем не только на уровне формальных приемов организации текста, но и на уровне способа мышления и картины мира библейских авторов» [2. С. 9].

Таким образом, хиазм и параллелизм – одни из наиболее распространенных и важных стилистических приемов в Ветхом и Новом Заветах. Подлинный хиазм представляет собой сбалансированные предложения, выстроенные симметрично вокруг центральной идеи в прямом, обратном или антитестическом параллелизме [1. С. 26]. Параллелизмом изначально было принято называть фигуру речи, объединяющую два высказывания, выстроенные по единому образцу. Однако есть и другие определения, вводящие семантическую составляющую в понимание природы параллелизма: «своеобразное сочетание предложений, при котором один и тот же предмет описывается разными путями, но с одним и тем же смыслом; когда одно и то же описывается разными словами или различное выражается в сходных по форме словах; когда равное соотносится с равным, а противоположное – с противоположным» [2. С. 40].

Цель настоящей статьи заключается не только в том, чтобы показать широкое распространение хиастических и параллельных структур в немецком религиозном тексте, но и в том, чтобы выделить отличительные особенности этих приемов. Фактическим материалом исследования послужили немецкоязычные псалмы из сборника «Stundenbuch» (Der Vier-Wochen-Psalter) [3].

Псалмы, или духовные песни, входят в состав любого христианского богослужения и составляют отдельную книгу церковного обихода Псалтирь. Авторство псалмов традиционно приписывается царю Давиду (около 1000 до н. э.) и нескольким другим авторам. По мнению многих исследователей, большинство псалмов обладают четкой структурой: провозглашение, обобщение,

исторический экскурс, изложение, обет, хвала [4. Р. 167]. Если говорить о структуре Псалтири в целом, то уже давно было замечено, что она органично делится на пять больших разделов: I (Пс. 1-40), II (Пс. 41-71), III (Пс. 72-88), IV (Пс. 89-105), V (Пс. 106-150). Хотя четкой симметрии между этими разделами нет, но в целом для Псалтири характерен переход от скорби и жалоб к восхвалению и благодарению.

Стоит также отметить, что поэтический текст, в отличие от прозаического, нелинеен: он излагает те же самые события гораздо более избирательно и менее последовательно в отличие от прозаического текста. Нелинейность, или дискретность, характерна для псалмов. Литературные достоинства Псалтири заключаются в обилии, разнообразии и некоторой изощренности приемов изобразительности и выразительности, обилии и разнообразии поэтических средств. К таким поэтическим средствам относятся хиазм и параллелизм, являющиеся, как отмечалось выше, одними из характерных черт библейской литературы в целом.

Простейшая форма хиазма – это хиастическое одностишие, одна строка, в которой три элемента расположены согласно схеме А:В:А. Данную форму можно увидеть в 57-м псалме: *Sei mir gnädig, o Gott, sei mir gnädig*. В этом примере в центре прошения находится имя Божие. Двойной императив *sei mir gnädig* выражает напряжение и пламенность молитвы Давида, который говорит, что надеялся только на одного Бога и поэтому просит Его о помиловании.

В следующем примере, выявленном в том же псалме, третий элемент завершается дополнительным определением: *Mein Herz ist bereit, o Gott, mein Herz ist bereit: ich will dir singen und spielen*. Дополнительное определение *ich will dir singen und spielen* иллюстрирует нарастающий параллелизм. Центральной темой в этом примере является обращение Давида к Богу, который говорит, что его сердце готово принять и воспевать Его. Метонимическое иносказание в параллельных структурах и манифестируемая готовность к действиям в отношении Адресата расшифровываются в приложении к хиастической структуре.

В 117-м псалме можно увидеть также пример хиастического одностишья: *Du bist mein Gott, dir will ich danken; mein Gott, dich will ich rühmen*. Данные строки служат примером так называемого прямого или синонимичного параллелизма. Мысль первой строки

модифицируется во второй посредством глаголов *danken* – *rühmen* (благодарить – прославлять, превозносить). Главной темой здесь является исповедание Бога, благодарность Ему.

Форму А:В:А' Джон Брек называет «чистым» или «зеркальным» хиазмом, поскольку она содержит дословный повтор тех же слов в обратном порядке [1. С. 42]. Пример такого хиазма представлен в 66-м псалме: *Die Völker sollen dir danken, o Gott, danken sollen dir die Völker alle*. В данном примере хиазм фокусирует внимание на осевой теме В – благодарность Богу за спасение. Отрывки А и А' являются зеркальным отражением друг друга.

Все вышеприведенные примеры можно назвать настоящим или подлинным хиазмом, так как в них выявляется осевой центр – так называемый «понятийный центр» (Дж. Брек), средоточие значения всей строфы.

Гораздо более распространенная форма хиазма – хиастическое пятистишие. Такое пятистишие, представленное формулой А:В:С:С':В':А', можно наблюдать в 117-м псалме. Вокруг концептуального центра С:С' выстроены двустишья А:В и В':А'. Чтобы описать концентричный аспект хиастического параллелизма, представляется уместным говорить о феномене спирали, которая, с одной стороны, производит фокусирующее движение от строки к строке и от строфы к строфе, с другой – сообщает смысл всему отрывку, фокусируя внимание на его тематическом центре, С:С':

А: In der Bedrängnis rief ich zum Herrn;

В: der Herr hat mich erhört und mich frei gemacht.

С: Der Herr ist bei mir, ich fürchte mich nicht.

С': Was können Menschen mir antun?

В': Der Herr ist bei mir, er ist mein Helfer.

А': ich aber schaue auf meine Hasser herab.

В данном отрывке можно увидеть, что нарастание или фокусирование достигается между параллельными двустишьями. Здесь первый стих А-В получает развитие и уточнение в последнем В'-А': А-В: от скорби Давид призвал Господа – Господь услышал и дал ему покой и свободу; В'-А': Господь с Давидом, Он его спаситель – а Давид будет смотреть на падение врагов своих. Но все обретает смысл, соотносясь с центром С:С': Господь является спасителем и поэтому Давиду нечего бояться. Анализ концентричного хиазма позволяет использовать нелинейное прочтение текста и увидеть те

смысловые фрагменты, которые важны для автора произведения. «Сильной позицией» становятся не только начало и конец текста, но смысловая ось, участвующая в создании хиазма.

Пятичастную модель мы наблюдаем и в начале 51-го псалма. Отрывок из этого псалма можно представить с помощью формулы A:B:A':B':C:

A: Was rühmst du dich deiner Bosheit, du Mann der Gewalt, was prahlst du allzeit vor den Frommen?

B: Du Ränkeschmied, du planst Verderben; deine Zunge gleicht einem scharfen Messer.

A': Du liebst das Böse mehr als das Gute und Lüge mehr als wahrhaftige Rede.

B': Du liebst lauter verderbliche Worte, du tückische Zunge.

C: Darum wird Gott dich verderben für immer, dich packen und herausreißen aus deinem Zelt, dich entwurzeln aus dem Land des Lebenden.

Как отмечалось выше, поступательное, повествовательное развитие хиастической модели дополняется концентрическим витком: трехмерной спиралью, которая движется по нарастающей вокруг центральной оси. В данном примере C является тематическим центром, который придает всему движению в целом смысловую завершенность. В псалме четко просматривается пророческая линия, и концентричный хиазм выполняет при этом важную роль:

A → A': Was rühmst du dich deiner Bosheit, du Mann der Gewalt, was prahlst du allzeit vor den Frommen? → Du liebst das Böse mehr als das Gute und Lüge mehr als wahrhaftige Rede (клеветник Иуда настолько был преисполнен злом, что предал своего Учителя и Благодетеля → он любит больше зло, нежели добро и больше ложь, чем правду).

B → B': Du Ränkeschmied, du planst Verderben; deine Zunge gleicht einem scharfen Messer → Du liebst lauter verderbliche Worte, du tückische Zunge (клевета и предательство Иуды действуют как острая бритва → язык предателя всегда говорит неправду народу).

C: Darum wird Gott dich verderben für immer, dich packen und herausreißen aus deinem Zelt, dich entwurzeln aus dem Land des Lebenden (за все злодеяния и клевету Иуды Бог накажет его и исторгнет весь род его).

В этом примере представлен синонимичный нарастающий параллелизм, где А усиливает и дополняет А', В – В' и весь этот параллелизм восходит к смысловому центру С.

Необходимо также подчеркнуть важность для параллельных структур инклюзии. Инклюзия, известная также как «эффект обрамления», создается параллельностью первого и последнего элемента отрывка. Этот прием характерен для поэтических текстов, прежде всего для псалмов. Так, инклюзию можно отметить в 117-м псалме:

Danket dem Herrn, denn er ist göltig, denn seine Huld wahrt ewig!

So soll Israel sagen: Denn seine Huld wahrt ewig.

So soll das Haus Aaron sagen: Denn seine Huld wahrt ewig.

So sollen alle sagen, die den Herrn furchten und ehren: Denn seine Huld wahrt ewig.

Как видно из приведенного примера, фраза *denn seine Huld wahrt ewig* повторяется четыре раза. Это говорит о том, что инклюзия может встречаться не только в начале и в конце текста, но и повторяться несколько раз на протяжении всего отрывка. Данный прием А. Десницкий называет рефреном – повтор через равные промежутки одного и того же фрагмента. Рефрены могут быть более или менее регулярными, более или менее точными (дословный или вариативный повтор), более или менее обширными [2. С. 298]. Так, в вышеприведенном выражении *denn seine Huld wahrt ewig* инклюзия создается повтором темы милости Господней, которая во все времена является во всей своей славе.

В этом же псалме в середине текста мы наблюдаем повторяющийся три раза рефрен *ich wehre sie ab im Namen des Herrn*:

Alle Volker umringen mich; ich wehre sie ab im Namen des Herrn.

Sie umringen, ja, sie umringen mich; ich wehre sie ab im Namen des Herrn.

Sie umschwirren mich wie Bienen, wie ein Strohfeuer verloschen sie; ich wehre sie ab im Namen des Herrn.

Приведенный пример показывает наличие синонимичного нарастающего параллелизма. В этом отрывке Давид показывает, какую великую и удивительную силу имеет имя Божие, которое избавляло его от неизбежной и неминуемой беды со стороны окружавших его врагов. Рефрен *ich wehre sie ab im Namen des Herrn* служит здесь для того, чтобы повторить заявленную в начале тему,

сфокусировать на ней внимание. Наличие параллельного рефрена придает тексту псалма особое ритмизированное звучание. Наряду с содержательной основой стихотворный, песенный характер явился причиной заимствования текста в состав современного немецкого богослужения [5. С. 97].

Инклюзию, где строки начинают и заканчивают текст, можно встретить в 103-м псалме *Lobe den Herrn, meine Seele!* Бог ли благословляет человека, человек ли Бога – и то и другое полезно только человеку, так как Божество ни в чем не нуждается. Инклюзия в данном псалме служит для того, чтобы отметить начало и конец законченного смыслового отрывка.

Как видим, рефрен может иметь разнообразные функции: он структурирует текст, выделяет основную мысль, подчеркивает кульминационные моменты, придает завершенность и полноту.

Таким образом, исследование структурных моделей хиазма и параллелизма, функционирующих в религиозном тексте, а именно в псалмах, позволяет сделать следующие выводы. Хиазм и параллелизм – одни из основных особенностей библейского языка, играющие ведущую роль в передаче смысла Священного Писания.

Основными формами хиазма являются хиастическое одноштишье, трехштишье, самой распространенной формой служит хиастическое пятиштишье. Хиазм может встречаться с эксплицитно выраженным понятийным центром и без него, однако настоящий хиазм всегда имеет в центре некий третий элемент. Среди главных приемов, характерных для хиазма и параллелизма, можно назвать инклюзию: псалом или фрагмент псалма обрамляется в начале и в конце одинаковыми высказываниями или темами. Разнообразны функции рефрена, который структурирует текст и выделяет его основную мысль. Характерный признак хиазма составляет концентричный параллелизм, используемый особенно в тех случаях, когда нужно нечто подчеркнуть; эффект достигается повтором ключевых выражений или гармоничным расположением связанных синтаксических элементов.

Основу развития хиастической модели составляет двойное движение: поступательное и концентрическое. Анализ примеров хиастического и параллельного построения показал, что движение по нарастающей вокруг центральной оси означает прогрессию мысли к

усилению, уточнению или дополнению, тем самым, оно помогает привлечь внимание читателя к буквальному смыслу текста.

Библиографический список

1. Брек Джон, протоиерей. Хиазм в Священном Писании. М., 2004. 352 с.
2. Десницкий А. Поэтика библейского параллелизма. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2007. 554 с.
3. Stundenbuch. Zweiter Band. Fastenzeit und Osterzeit / hrgs. im Auftrag der Deutschen und der Berliner Bischofskonferenz, der Österreichischen Bischofskonferenz, der Schweizer Bischofskonferenz, sowie der Bischöfe von Luxemburg Bozen-Brixen, Lüttich, Metz und Straßburg. Wien: Herder; Salzburg: St. Peter; Linz: Veritas, 2008. 1391 S.
4. Watson W.G.E. Classical Hebrew poetry: A Guide to its Techniques. JSOTSup 26. Sheffield, 1986.
5. Плисов Е.В. Языковые особенности употребления Ангельской песни в немецком богослужении // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2011. №4(20). С. 93-99.

Сведения об авторах

Бурканова Оксана Петровна
аспирант кафедры немецкого языка
МГПИ им. М.Е. Евсевьева
E-mail: burkanovao@mail.ru

Плисов Евгений Владимирович
кандидат филологических наук, доцент,
зав.кафедрой немецкой филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: plisov@lunn.ru

УДК 811.111'27:81.246.2

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ ЯЗЫКОВОГО КОДА КАК СРЕДСТВО КОНСТРУИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

А.В. Жиганова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В данной статье рассматривается роль переключения кода в процессе конструирования социальной идентичности. Анализируется, как вербальное поведение и языковой выбор помогают билингам обозначить свои социальные характеристики. Особое внимание уделяется символической и экономической ценности английского языка в условиях глобализации.

Ключевые слова: переключение кода, социальная идентичность, билингвизм, английский язык, глобализация, социолингвистика.

Code-Switching as a Means of Constructing Social Identity

Anna Zhiganova

The article examines the role of code-switching in the process of constructing social identity. It analyzes how verbal behavior and language choice help bilinguals highlight their social characteristics. Particular attention is given to the symbolic and economic value of the English language in the context of globalization.

Key words: code-switching, social identity, bilingualism, English, globalization, sociolinguistics.

Явление переключения кода, заключающееся в использовании двух или нескольких языков в рамках одного коммуникативного акта, вызывает интерес не только как специфический лингвистический феномен, но и как явление, с помощью которого можно объяснить и глубже понять социальную реальность: «Всё более интенсивно в науке – и это свидетельствует об усилении социологического и психологического “акцента” – язык обсуждается как составляющая сознания и составляющая социальных процессов» [1 С. 31]. В настоящее время внимание исследователей сосредоточено на социальной значимости переключения кода в целом и его роли в процессе конструирования идентичности в частности.

Во многом необходимость такого подхода к рассмотрению языковой ситуации связана с процессом глобализации, которая вызывает «формирование новой реальности – в значительной мере через изменение языковой картины мира, перестраиваемой для

фиксации новых явлений и создания связей между семантическими областями, для обслуживания новых социальных институтов и т.д.; усиливается роль языковых идеологий, активизируются механизмы социального конструирования; ускоряется динамика языковых изменений» [1. С. 31]. Особенно заметными и значимыми эти изменения становятся в контексте современных социолингвистических и социоэкономических тенденций, таких как создание общества потребления, развитие медиатехнологий, формирование новых общественных коалиций, транснациональная миграция [2]. На настоящем этапе языковые манифестации уже не имеют фиксированного места во времени и пространстве [3. С. 21]. Как известно, в современном мире скорость, темпы и масштабы языковых контактов растут с невиданной ранее быстротой [4. С. 513]. В многоязычной среде выбор языка зачастую несет социальное значение.

Переключение кода следует рассматривать не как дополнительное, периферийное поведение или исключительную способность, которая присуща билингвам, но как общую характеристику языка, показатель его *вариативности и гибкости*. Для людей, владеющих несколькими языками, лингвистические ресурсы являются неотъемлемой частью их коммуникативных практик, играют большую роль в выстраивании отношений с окружающим миром, создании и преодолении социальных барьеров [5. С. 52]. Более того, именно язык, по мнению Мэри Бухольц и Киры Холл, среди прочих символических средств, доступных для конструирования идентичности, является наиболее подвижным и убедительным ресурсом [6. С. 369]. Исследование Анеты Павленко показывает, что писатели из восточной и южной Европы, приехавшие в США на пороге XX века, создали в своих текстах новый образ американского иммигранта, который благодаря их работам стал восприниматься значительно шире и перестал ассоциироваться исключительно с англо-саксонским протестантизмом [7].

Социолингвистические характеристики, такие как возраст, статус, этническая принадлежность создаются и транслируются во многом через вербальное поведение индивида. Переключение кода позволяет проявлять вариативность: говорящий выбирает с помощью имеющегося в наличии лингвистического репертуара определенный способ достижения речевой цели, принимает на себя некоторые роли,

варьируя коммуникативное поведение в зависимости от обстоятельств и условий взаимодействия. Анета Павленко и Эдриан Блэкледж приводят пример из статьи Д. Хоффмана об иранских иммигрантах в США, которые, демонстрируя высокий уровень компетенции в английском языке и высокую степень социальной ассимиляции, тем не менее, не идентифицируют себя с американским обществом. Для них английский язык не маркер “американской идентичности”, а средство коммуникации, с помощью которого они выполняют свои профессиональные обязанности. Аналогично, во многих постколониальных контекстах мировые языки, такие как французский, английский, португальский используются как способ выражения новых национальных, социальных, этнических идентичностей, а не в целях связи с бывшими колониальными державами [2. С. 5-6].

Лингвистическое поведение представляет собой набор *актов идентификации (acts of identity)*, с помощью которых говорящие осуществляют некоторые социальные роли в соответствии с коммуникативной стратегией и требованиями ситуации [8. С. 14]. Идентичность является частью *структуры интеракции*, то есть задается условиями разговора и является *высоко подвижной* [9. С. 479]. То, что конструирование идентичности имеет динамическую, а не статическую природу, становится особенно очевидным в настоящее время, когда в условиях меняющейся социальной реальности привычные локальные маркеры класса и социальной принадлежности стали неоднозначными [10; 11]. Сегодня, в эпоху глобализации, английский язык является основным языком международного общения и люди воспринимают свои идентичности не как гомогенные, неизменные конструкты, определяемые исключительно одной страной и одним языком, а как неоднородные и имеющие подвижную природу. Таким образом, идентичности создаются, активируются в разговоре и становятся релевантными в нём, и переключение кода позволяет билингвам использовать находящийся в их распоряжении широкий спектр лингвистических средств. Подобное поведение в большой степени характерно для мигрантов, которые, сменив место проживания, как правило, ассоциируют себя с двумя или более культурами.

Посредством переключения кода на первый план могут выдвигаться различные аспекты идентичности, один из которых –

этничность. Так, например, на сайте газеты “Amerika Woche” (Die Deutsche Zeitung für Amerika) в разделе “Письма читателей” (Leserbriefe) иммигрантка из Германии, проживающая в США, высказывает свое возмущение статьей об американских девушках немецкого происхождения:

Ja, ich sehne mich manchmal dorthin, wo ich geboren bin, aber Deutschland ist ja nicht mehr das Land, welches meine Generation kannte. Grow up, Renata, and write again when you better understand that Amerika is made up of hundreds of different cultures (Magdalene Krause) (<http://www.amerikawoche.com>, дата обращения: 20.03.12).

Переключаясь с немецкого на английский язык, читательница подчеркивает свою принадлежность к обеим странам, представляется носителем как немецких, так и американских культурных ценностей. Смена языка помогает ей четче выразить свою позицию и повысить воздействующий потенциал сообщения.

С уверенностью можно сказать, что миграция, интернет-общение, развитие экономики, возрастающая роль науки и технологий, рост капитала, расширение сферы услуг способствуют уплотнению межнациональных отношений и языковые ресурсы, имеющиеся в распоряжении говорящих, приобретают определенную символическую и экономическую ценность [12]. Особая роль в этих процессах отводится английскому языку, который позволяет артикулировать динамику процессов глобализации, создавать новую гибридную идентичность в современном контексте культурного взаимодействия. При использовании английского языка активизируется его символический потенциал, что помогает передать ассоциируемые с ним культурные значения и идеологии. Переключение кода на английский язык отражает соотношение между глобальными и локальными тенденциями и предлагает новое выражение социальной и культурной идентичности.

В работах ряда социолингвистов (Gal 1989; Heller 1992; Woolard 1985) подчеркивается необходимость исследования вопросов мультилингвизма и языкового выбора в тесной связи с социальным, политическим, экономическим и культурным контекстом. Во многом на формирование подобных представлений оказали влияние труды французского социолога Пьера Бурдьё (1977), рассматривавшего языковой выбор как средство символического капитала, который может быть преобразован в экономический и социальный капитал и

неравномерно распределен внутри сообщества. Таким образом, переключение кода может служить как маркером этнической и национальной идентичности, так и формой лингвистического капитала, средством социального контроля, а в некоторых случаях эти роли переплетены и взаимосвязаны [13]. Фактор символического доминирования связан с принятием ценности и престижа определенного языка, а не с количественным соотношением преобладающей и второстепенных групп [14].

Экономическая ценность языка связана с большими возможностями в образовании, бизнесе или трудоустройстве [15. С. 9]. В контексте лингвистического разнообразия создание интернационального имиджа корпораций и крупных организаций достигается в подавляющем большинстве случаев посредством использования английского языка [16. С. 89].

Так, работодатели немецких компаний конструируют образ современного сотрудника, прибегая к переключению кода на английский язык при указании должности и описании обязанностей, что помогает подчеркнуть *профессиональные качества* требуемого специалиста.

*Wir suchen Sie als **Teamlead Accounting & Finance (m/w)***

*In Ihrer Verantwortung liegen die konzernweite operative Betreuung des externen und internen Rechnungswesens. Sie übernehmen Aufgaben im Bereich **Konzern-Treasury-Management** wie zum Beispiel Liquiditätssteuerung* (<http://fazjob.net>, дата обращения: 20.03.12).

Переключение на английский язык создает образ глобальной корпорации, которой необходим специалист, отвечающий требованиям международного уровня.

На сайте немецкой газеты “Frankfurter Allgemeine” в рубрике “Arbeitgeber-Services” объявление о работе также содержит англоязычные вкрапления:

*"An einer guten Sache mitwirken, als Teil einer motivierten Mannschaft, in einer Branche mit viel Potenzial - so stelle ich mir einen attraktiven Arbeitsplatz vor." Solar is **Future** - willkommen in unserer Gegenwart* (<http://fazjob.net>, дата обращения: 20.03.12).

Наличие подобного слогана подчеркивает престижность предлагаемой вакансии, ее международный статус, а также помогает обозначить *возрастные параметры* будущих сотрудников и обратиться, главным образом, к молодой современной аудитории.

В свою очередь, желающим трудоустроиться предлагают среди прочих следующий образец заявления:

Personalleiter/HR-Manager

– 38 J., 10-jährige Tätigkeit in leitenden HR-Funktionen für Handel, Logistik, IT und Vertrieb

– *operativ und strategisch versiert in Personal- und Organisationsentwicklung, Recruiting, Personalmanagement und -betreuung, Compensation u. Benefits*

– *Restrukturierungs- und Integrationsprojekte / Change-Management / Management Development / Performance-Management / Retention sucht Leitungsfunktion* (<http://fazjob.net>, дата обращения: 20.03.12).

Переключение кода подчеркивает, что соискатели работы должны владеть необходимой терминологией, предполагающей использование английского языка как показателя квалификации и статуса. Таким образом, выбор языка становится частью процесса социального действия, способа влияния людей друг на друга и позиционирования себя в обществе.

Библиографический список

1. Кирилина А.В. Перевод и языковое сознание в динамической синхронии: психические границы языка (на материале русского языка Москвы) // Вопросы психолингвистики. 2001. 1. № 13. С. 30-39.
2. Pavlenko A. & Blackledge A. Introduction: New Theoretical Approaches to the Study of Negotiation of Identities in Multilingual Contexts // Negotiation of Identities in Multilingual. Sydney: Multilingual Matters Ltd, 2006. P. 5-27.
3. Blommaert J. The Sociolinguistics of Globalization. Cambridge University Press: NY, 2010. 230 p.
4. Bhatia T.K. & W.C. Ritchie. Bilingualism in Media and Advertising // The Handbook of Bilingualism. Blackwell Publishing Ltd, 2004. P. 513-546.
5. Franceschini R. Code-switching and the Notion of Code in Linguistics: Proposals for a Dual Focus Model / Auer P. // Code-switching in Conversation: Language, Interaction and Identity. London: Routledge, 1998. P. 51-74.

6. Bucholtz M. & K. Hall. Language and Identity / Duranti A. // *A Companion to Linguistic Anthropology*. Malden, MA: Blackwell, 2004. P. 369–394.
7. Pavlenko A. In the World of the Tradition, I was Unimagined: Negotiation of Identities in Cross-cultural Autobiographies // *International Journal of Bilingualism*. 2001. Vol.5. № 3. P. 317-344.
8. Page R.B. Le & Tabouret-Keller A. Introduction: Acts of Identity: Creole-based Approaches to Ethnicity and Language. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. P.1-16.
9. Antaki C., Condor S. and Levine M. Social Identities in Talk: Speakers' Own Orientations // *British Journal of Social Psychology*. 1996. Vol. 35. №4. P. 473-492.
10. Hall S. New Ethnicities / Morley D. & Chen K.H // *Critical Dialogues in Cultural Studies*. London: Routledge, 1996. P. 441–449.
11. Taylor C. Modernity and Difference / Gilroy P., Grossberg L. and McRobbie A. // *Without Guarantees: In Honour of Stuart Hall*. London: Verso, 2000. P. 358–363.
12. Heller M. The Politics of Codeswitching and Language Choice / Eastman C. // *Codeswitching. Clevedon: Multilingual Matters*, 1992. P. 123-142.
13. Piller I. Identity Construction in Multilingual Advertising // *Language in Society*. 2001. Vol.3. № 2. P. 153-186.
14. Woolard K.A. Language Variation and Cultural Hegemony: Toward an Integration of Sociolinguistic and Social Theory // *American Ethnologist*. 1985. Vol. 12. №4. P. 738–748.
15. Tollefson J. Policy and Ideology in the Spread of English / Hall J. & G. Eggington // *The Sociopolitics of English Language Teaching*. Clevedon, UK: Multilingual Matters, 2000. P. 7-29.
16. Kelly-Holmes H. Advertising as Multilingual Communication. New York: Palgrave MacMillan, 2005. 206 p.

Сведения об авторе

Жиганова Анна Владимировна
аспирант кафедры английской филологии,
ассистент кафедры иностранных языков
факультета международных отношений, экономики и управления
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: ann-zhil@yandex.ru

УДК 811.111'42:82-84:32

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КРЫЛАТЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ СТАТУС И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ

И.Н. Кабанова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается лингвистический статус крылатых выражений в сравнении со смежными языковыми явлениями – фразеологизмами, пословицами, афоризмами и цитатами. В отдельную группу выделяются политические крылатые выражения, на материале современного американского политического дискурса выявляются некоторые специфичные функции данных единиц.

Ключевые слова: крылатое выражение, политическое крылатое выражение, афоризм, политический дискурс.

Political Catchphrases: Linguistic Status and Usage

Irina Kabanova

The article looks at the linguistic status of catchphrases, differentiating them from phraseological units, proverbs, aphorisms and familiar quotations, singling out political catchphrases as a separate group, and analyzing their special functions in modern American political discourse.

Key words: catchphrase, political catchphrase, aphorism, political discourse.

Проблема крылатых выражений относится к числу недостаточно исследованных в современной лингвистике, следствием чего является значительное количество определений самого термина, а также отождествление единиц данного типа с рядом схожих явлений. Косвенным свидетельством неизменного интереса исследователей к указанной проблематике следует признать и введение в лингвистический обиход термина «крылатика» (термин предложен отечественным лингвистом, специалистом в области фразеологии В.М. Мокиенко), наряду с существующим «крылатология», для обозначения сравнительно новой области языкознания, предметом которой являются крылатые слова и выражения.

Традиционно крылатые выражения трактуются как «устойчивые, афористичные, обычно образные выражения, вошедшие в речевое употребление из определенного фольклорного, литературного, публицистического или научного источника, а также

речения выдающихся исторических деятелей, получившие широкое распространение» [1. С. 267].

Нередко, однако, этот термин толкуется более широко и используется для обозначения «цитат и афоризмов, получивших широкое распространение в живой речи» [2. С. 5], «пословиц и поговорок, которые передаются из уст в уста, делаясь достоянием народной речи» [3. С. 15], народных присловий, всевозможных образных выражений, возникших ... в быту, - из народных обычаев и верований, терминологии различных ремесел [4. С. 7].

Однако рассмотрение крылатых выражений в плане выявления их индивидуальных характеристик в сравнении со смежными явлениями позволяет утверждать, что крылатые выражения представляют собой отдельную группу языковых единиц, которая не может быть по ряду типологических свойств причислена к собственно фразеологизмам, пословицам, поговоркам, афоризмам и цитатам.

Крылатые выражения – это лаконичные, меткие, а потому легко запоминающиеся фразы, которые, являясь индивидуально-авторскими образованиями, не обладают идиоматичностью и устойчивостью, признающимися типологическими признаками *фразеологизмов*, не носят морализаторский, назидательный характер, что типично для *пословиц*.

В отличие от *афоризма*, сжато и емко выражающего законченную мысль, крылатые выражения часто не содержат законченного умозаключения. Афоризм всегда эквивалентен одному или нескольким предложениям: Power tends to corrupt and absolute power corrupts absolutely (John Emerich Edward Acton, 1st Baron Acton, English historian) [5. С. 8]; Politics is supposed to be the second oldest profession. I have come to the conclusion that it bears a very close resemblance to the first (Ronald Wilson Reagan, 40th U.S. President) [5. С. 165]. Крылатые выражения могут быть представлены не только предложениями, но и словосочетаниями разных типов: the wind of change (Maurice Harold MacMillan, British Conservative politician, Prime-minister), civil disobedience (Henry David Thoreau, American author and philosopher), balance of power (Robert Walpole, First British Prime Minister), affluent society (John Kenneth Galbraith, Canadian-born American economist, diplomat, author), а также часто эквиваленты отдельным словам: muckrakers (Theodore Roosevelt, 26th U.S. President), normalcy (Warren Gamaliel Harding, 29th U.S. President) [5].

Крылатое выражение не имеет самостоятельного автономного значения и всегда ассоциируется с ситуацией, в которой было первоначально употреблено, и которая помогает более полно раскрыть его смысл, хотя авторство часто является утраченным, требующим восстановления путем воспроизведения первоначального контекста, указания или на первоисточник, или на автора-популяризатора. Например: *melting-pot* (Israel Zangwill, British novelist, playwright and journalist, Jewish spokesman) – первоначально было употреблено в следующем контексте: «America is God's crucible, the great Melting-Pot where all the races of Europe are melting and reforming!» [5. С. 214]; *iron curtain* (Winston Leonard Spenser Churchill, British Conservative politician, Prime Minister) – первоначальным источником выражения является телеграмма президенту Трумэну 12 мая 1945 г.: «An iron curtain is drawn down upon their front» [5. С. 52]; *cold war* (Bernard Mannes Baruch, American businessman and presidential adviser) – первым случаем употребления выражения, придуманного спичрайтером Б.Баруха Гербертом Своупом, считается речь перед законодателями Южной Каролины 16 апреля 1947 г.: «Let us not be deceived – today we are in the midst of cold war» [5. С. 23].

Такие функциональные характеристики, как выразительность, экспрессивность, содержательная, ассоциативная, коннотативная емкость и образность сближают крылатые выражения и цитаты. Однако, в отличие от *цитат*, снабжаемых кавычками, шрифтовым выделением и ссылкой на источник, и *текстовых аппликаций* [6. С. 64], или текстовых реминисценций, при употреблении которых осуществляется отсылка к опорному тексту или тексту-ассоциату, крылатые выражения возникают спонтанно, при этом отсылка осуществляется к ситуации в целом, но не к конкретному дословному воспроизведению.

Примером может служить следующий фрагмент выступления Б. Обамы в Берлине 24 июля 2008 г., в котором он высказывает свое мнение по поводу международной ситуации в мире: «The walls between races and tribes; natives and immigrants; Christian and Muslim and Jew cannot stand. These now are the walls we must tear down» (<http://my.barackobama.com>). В данном случае используется отсылка на изречение Рональда Рейгана, произнесенное им в Берлине в 1987 году: «Mr Gorbachev, tear down this wall!» Тогда речь шла о железном занавесе и о берлинской стене как символе противостояния Запада и

Востока. В современном контексте Б. Обама также имеет в виду разрушение преград между народами и государствами, но уже делает упор на необходимость поддержания дружеских отношений между США и странами Европы.

Политические крылатые выражения выделяются в отдельную группу, прежде всего, в силу *специфической тематической отнесенности*, поскольку затрагивают различные стороны жизни общества и государства – проблемы войны и мира, власти и общества, международные отношения, парламентскую деятельность, роль средств массовой информации, экономическую, финансовую сферы и т.д. С другой стороны, политические крылатые выражения обособляются на основании *источника* – они принадлежат крупным политическим и общественным деятелям, главам государств, дипломатам, военачальникам, историкам, философам и журналистам, а также на основании *функциональной принадлежности* – употребляются в политическом дискурсе.

Анализ крылатых выражений политической тематики демонстрирует значительное преобладание единиц коммуникативного характера, что, вероятно, объясняется их большей информативностью, способностью обогащения речи дополнительными коннотациями и образными приращениями, при этом выделяются как вопросительные (1), побудительные (2), восклицательные (3), так и повествовательные (4) предложения.

(1) Crisis? What crisis? – выражение, традиционно приписываемое Джеймсу Каллагэну, премьер-министру Великобритании (1976-1979), на самом деле представляет собой заголовок статьи в газете «Сан», где описывалась реакция Каллагэна на волну забастовок, проходивших в то время в Великобритании [5. С. 38].

(2) Read my lips: no new taxes – это обещание, данное Джорджем Бушем во время избирательной кампании 1988 года, было нарушено после прихода политика к власти, поэтому в современном политическом дискурсе данное крылатое выражение часто используется как ироническое обозначение невыполненных / невыполнимых обещаний [5. С. 37].

(3) It's the economy, stupid! – надпись в штаб-квартире Билла Клинтона во время избирательной кампании 1992 г. В современном политическом дискурсе часто подвергается различным лексическим

деформациям и модификациям: ‘It’s foreign policy, stupid!’, ‘It’s the deficit, stupid!’ [5. С. 43].

(4) Wars begin in the minds of men – авторство этого выражения приписывается графу Эттли, премьер-министру Великобритании (1945-1951), который впервые употребил его в речи на учредительной конференции ЮНЕСКО в ноябре 1945 г. Данное изречение вошло в Устав ЮНЕСКО (Since wars begin in the minds of men, it is in the minds of men that the defences of peace must be constructed) [5. С. 18].

В целом, политическая афористика и крылатика представляют собой знаковый феномен, отдельную подсистему знаков, выполняющих ряд специфичных для политического дискурса функций. Крылатые выражения могут служить целям самопрезентации отправителя сообщения, что особенно релевантно для предвыборного дискурса. Так, одним из слоганов предвыборной кампании Б. Обамы 2008 стало выражение «It’s time for us to change America». Общеизвестно, что тема перемен максимально эксплуатируется Б. Обамой: страна нуждается в серьезных реформах в различных областях общественной жизни, с другой стороны, изречение «Yes, we can», авторство которого также приписывается президенту США, манифестирует имидж немногословного, надежного политика, способного осуществить необходимые коренные изменения.

Излюбленным крылатым изречением Б.Обамы следует признать выражение «The American dream» (<http://obamaspeeches.com/E03-Barack-Obama-Potomac-Primary-Night-Madison-WI-February-12-2008.htm>) автором которого является американский историк Джеймс Адамс (The American Dream. Epic of America, 1931.) [5. С. 11]. Это выражение принадлежит знакам интеграции [7], интенцией которых признается сплочение, воодушевление приверженцев общей идеи, поскольку общеизвестен повышенный культурно-специфичный статус данной единицы, традиционно относимой к базовым ценностям американского народа, отражающим национальную психологию, культуру, мировоззрение.

Особый интерес представляют крылатые выражения, включенные в политический дискурс в форме аллюзивных отсылок при деформации прецедентного текста: «It’s not just about what I will do as President, it’s also about what you, the people who love this country, can do to change it» (<http://www/barackobama.com>). Высказывание

Б. Обамы построено на аллюзии на широко известное крылатое выражение, автором которого является 35-й президент США Джон Кеннеди, впервые оно было употреблено в инаугурационной речи 20 января 1961 г.: «And so, my fellow Americans: Ask not what your country can do for you; ask what you can do for your country. My fellow citizens of the world, ask not what America will do for you, but what together we can do for the freedom of man» [5. С. 111]. В целом, подобные трансформации прецедентных крылатых выражений, адекватное декодирование которых требует соответствующего запаса фоновых знаний, ассоциаций культурно-исторического характера, свидетельствуют о высоком общекультурном уровне отправителя сообщения, его эрудированности, что положительно сказывается на имидже политика, располагает к себе аудиторию. С другой стороны, ссылка на авторитет делает аргументы более весомыми, внушающими доверие, создается ощущение преемственности и исторической ценности, значимости слов политика.

Базовые характеристики крылатых выражений – широкая распространенность, массовая воспроизводимость, многозначность, применимость в различных ситуациях благодаря стилистической и морфологической гибкости, предельная лаконичность, смысловая емкость, коннотативная и ассоциативная насыщенность – позволяют им служить конденсатом сложных образов и ассоциаций, обеспечивают их повышенную коммуникативную значимость, способность выступать катализатором воздействующей функции, центром коммуникативно-прагматического напряжения политического дискурса.

Библиографический список

1. Словарь лингвистических терминов. М., 2001. 626 с.
2. Василевский Арк., Василевский Ал. Крылатые слова. Изречения и мысли о военном деле: Словарь-справочник. М.: Консалтбанкир, 1999. 368 с.
3. Бабичев Н.Т., Боровский Я.М. Словарь латинских крылатых слов. М.: Русский язык, 2008. 994 с.
4. Максимов С.В. Крылатые слова: По толкованию С. Максимова / Послесл. и примеч. Н.С. Ашукина. М.: Гослитиздат, 1955. 448 с.

5. Клюкина Т.П., Клюкина-Витюк М.Ю., Ланчиков В.К. Политика и крылатика. Высказывания видных государственных и общественных деятелей Великобритании, Ирландии, США и Канады (Англо-русский справочник-пособие). М.: Р. Валент, 2004. 232 с.
6. Москвин В.П. Цитирование, аппликация, парафраз: к разграничению понятий // Филологические науки. 2002. №1. С. 63-70.
7. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: Монография. М.: Гнозис, 2004. 326 с.

Сведения об авторе

Кабанова Ирина Николаевна,
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой английской филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: kabanova@lunn.ru

УДК 81'42:070

МЕДИАДИСКУРС КАК ОБЪЕКТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

К.В. Кемова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье раскрывается содержание понятия «медиадискурс» с точки зрения прагмалингвистики, психолингвистики и лингвостилистики, выявляется соотношение между медиадискурсом и медиатекстом, определяются сходства и различия между этими понятиями, приводится определение понятия «медиадискурс», основанное на данном междисциплинарном подходе.

Ключевые слова: медиалингвистика, медиадискурс, медиатекст, прагмалингвистика, психолингвистика, лингвостилистика.

Media Discourse as an Object of Interdisciplinary Research Kseniya Kemova

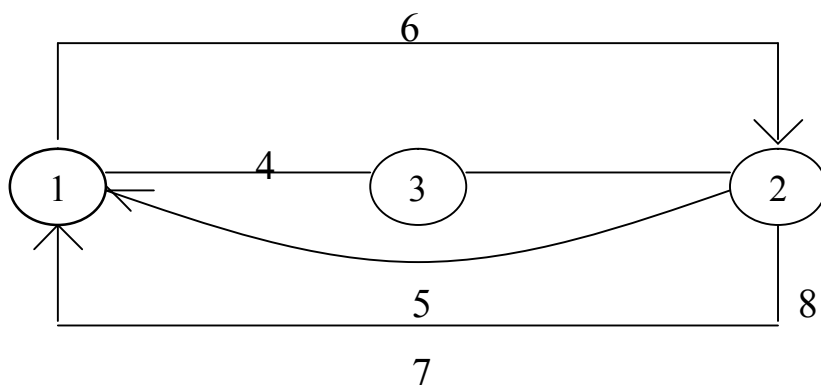
The article unpacks the concept of media discourse from the perspective of linguistic pragmatics, psycholinguistics and linguistic stylistics and investigates correlation between media discourse and media text, showing similarities and differences between the two notions. The article also gives a definition of media discourse based on this interdisciplinary approach.

Key words: media linguistics, media discourse, media text, linguistic pragmatics, psycholinguistics, linguistic stylistics.

Рассматриваемые в данной статье понятия «медиадискурс» и «медиатекст» являются ключевыми в новом направлении лингвистики, посвященном изучению функционирования языка в сфере массовой коммуникации – медиалингвистике. В российском научном обиходе термин «медиалингвистика» появился сравнительно недавно в работе Т.Г. Добросклонской, которая в качестве главной теоретической составляющей медиалингвистики предложила «концепцию медиатекста как многослойного, многоуровневого явления, реализующегося в диалектическом единстве языковых и медийных признаков, и приоритетный анализ синтагматики как такого уровня описания, на котором в наиболее полной форме выражены все основные свойства текстов массовой информации» [1. С. 7].

Нагляднее всего сходство и различие между понятиями «текст», «медиатекст» и «медиадискурс» можно продемонстрировать с

помощью ключевой для изучения коммуникационной модели, сложившейся к концу XX века [2]. Она учитывает такие базовые компоненты, как отправитель сообщения (1), его получатель (2), канал (4), обратная связь (5), само сообщение (3), процессы его кодирования и декодирования (6,7), ситуация общения или контекст (8).

На основе данной модели можно сказать, что текст – это сообщение, медиатекст – это сообщение плюс канал (в устном медиадискурсе – акустический, в письменном – визуальный), а медиадискурс – это сообщение в совокупности со всеми прочими компонентами коммуникации [3. С. 22].

Если в рамках традиционной лингвистики текст определяется как «объединённая смысловой связью последовательность знаковых единиц, основными свойствами которой являются связность и целостность» [4. С. 507], то при переносе в сферу масс медиа понятие «текст» расширяет свои границы. Выходя за пределы вербального уровня, медиатекст приобретает ярко выраженный креолизованный характер и представляет собой «сложное текстовое образование, в котором вербальные и невербальные элементы образуют одно визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое, нацеленное на комплексное воздействие на адресата» [5. С. 181]. Медиатекст может представлять последовательность знаков различных семиотических систем – языковых, графических, звуковых, визуальных. Специфика сочетания этих систем обусловлена конкретным каналом массовой информации.

Большое внимание проблеме изучения медиатекстов уделяли Т. ван Дейк, М. Монтгомери, А. Белл, Н. Фейерклаф, Р. Фаулер, которые рассматривали тексты массовой информации с точки зрения

самых различных школ и направлений: социолингвистики, функциональной стилистики, теории дискурса, контент-анализа, когнитивной лингвистики, риторической критики. В отечественной науке значительный вклад в становление и развитие теории медиатекста, а также методов его изучения внесли С.И. Бернштейн, Т.Г. Добросклонская, В.Г. Костомаров, Е.С. Кубрякова, Ю.В. Рождественский, Г.Я. Солганик, Д.Н. Шмелёв.

Концепция медиатекста как объёмного многоуровневого явления дополняется устойчивой системой параметров, которая позволяет дать предельно точное описание того или иного медиатекста с точки зрения особенностей его производства, канала распространения и лингвоформатных признаков. Система этих параметров выглядит следующим образом: способ производства текста (авторский – коллегиальный); форма создания (устная – письменная); форма воспроизведения (устная – письменная); канал распространения (СМИ – носитель: печать, радио, телевидение, Интернет); функционально-жанровый тип текста (новости, комментарий, публицистика, реклама); тематическая доминанта или принадлежность к тому или иному устойчивому медиатопику [З. С. 25]. Значение данных параметров велико, поскольку они служат основой для лингвистического анализа медиадискурса. Лингвистические особенности каждого отдельного медиатекста как единицы медиадискурса во многом обусловлены тем, как данный текст создаётся и воспроизводится, по какому каналу СМИ распространяется, к какому функционально-жанровому типу принадлежит и какую тематику освещает.

С позиций *прагмалингвистики* медиадискурс можно трактовать как продукт речевой деятельности, совокупность совершенных речевых актов. При этом наряду с такими компонентами, как говорящий, слушающий, высказывание, обстоятельства, модель коммуникативной ситуации включает также цель и результат речевого акта. Подход к речевому акту как к способу достижения участниками коммуникации в сфере масс медиа определенных целей и рассмотрение под этим углом зрения используемых ими языковых средств дает возможность понять, каков именно механизм использования языка для реализации возникающих в ходе социального взаимодействия людей коммуникативных задач. Следовательно, при порождении высказываний в СМИ продуцент

руководствуется целью, обусловленной ситуацией, что в конечном итоге влечет за собой определенный перлокутивный эффект. В частности, в процессе создания печатных медиатекстов авторы зачастую прибегают к использованию прямого цитирования и косвенной речи с целью повысить убедительность и вескость преподносимой информации. Подобное обращение к цитации, с одной стороны, частично снимает с адресанта ответственность за сказанное, с другой стороны, позволяет эффективнее осуществить фокусировку настроения читателя в определенном ключе, пробудить в нем соответствующие эмоции, что впоследствии приводит к созданию определенного образа денотата.

Реализация автором коммуникативных задач происходит также на уровне формальной семантики. Объектом изучения в данной области лингвистики является значение предложения, а основной проблемой выступает проблема композициональности, т.е. выводимости значения предложения из значений составляющих его слов. По мнению И.М. Кобозевой, в значении каждого предложения есть так называемый прагматический слой, или компонент, несущий информацию о том, для достижения каких коммуникативных целей оно предназначено. При этом несомненно, что значение единиц более высокого уровня выводится из значений единиц более низкого уровня [6. С. 51]. Следовательно, понимание смысла целого медиатекста опирается на понимание составляющих его предложений, а понимание предложения опирается на знание значений составляющих его слов. Одним из компонентов значения слова также является прагматический слой, который содержит информацию об отношении человека, использующего данное слово, к обозначаемому словом объекту или к адресату сообщения. Так, например, автор одной из статей, посвященных вооруженному конфликту в Ираке в 2003 году, подчеркивает агрессивный характер действий американцев. Назывное предложение “The ruthless U.S. tactics” в сочетании с эпитетом “ruthless” (безжалостный, беспощадный), характеризующим действия США, имеет очевидную прагматическую направленность и однозначно раскрывает критическое отношение адресанта к денотату. В данном случае автор, несомненно, стремится создать отрицательный образ американцев.

Психолингвистика – область лингвистики, изучающая язык прежде всего как феномен психики, а поскольку язык – это знаковая

система, обслуживающая социум, то психолингвистика входит также в круг дисциплин, которые исследуют социальные коммуникации, в том числе оформление и передачу знаний в процессе социального взаимодействия участников коммуникации в масс-медийном пространстве. Однако помимо передачи знаний СМИ также выполняют функцию воздействия на получателя информации. Речевое воздействие – определенная организация деятельности людей. При воздействии на аудиторию или реципиента выделяются факторы, влияющие на эту деятельность. Очевидно, что при таком понимании психологическое воздействие не является пассивным подчинением чужой воле: оно предполагает борьбу и сознательную оценку значимости мотивов, более или менее осознанный выбор из ряда возможностей. Речевое воздействие служит для облегчения осознания ситуации, ориентировки в ней, подсказывает реципиенту известные основания для выбора, осуществляет сдвиг в его системе ценностей, убеждений и социальных установок. Одним словом, оно осуществляет изменения в деятельности через изменения в личности [7].

Для рассмотрения способов речевого воздействия А.А. Леонтьев вводит два понятия:

Поле значений реципиента или аудитории – это структура усвоенного человеком общественного опыта, та объективная «сетка», через которую он воспринимает мир, расчленяет и субъективно интерпретирует его.

Смысловое поле реципиента или аудитории – это соотнесенность системы значений с выраженными в них мотивами, включенность значений в систему личности и деятельности реципиента.

В качестве первого способа воздействия предлагается ввести в поле значений реципиента новые, сообщить ему такие знания о действительности, на основе которых он изменит свое поведение или, по крайней мере, свое отношение к ней. Это воздействие через информирование. Здесь адресант сообщает реципиенту о новых для него событиях (например, о вторжении сил США и их союзников в Ирак в марте 2003 года).

Второй способ воздействия имеет целью изменить поле значений реципиента без новых элементов, т.е. изменить понимание реципиентом событий и их взаимосвязи. Это тоже информирование,

но на другом уровне, когда событие уже известно, но благодаря воздействию оно интерпретируется реципиентом по-другому. Например, когда сообщается о том, кто именно ответственен за гибель мирных жителей на территории Ирака, сам факт этой гибели уже известен, известно и о ряде необдуманных и плохо спланированных действий со стороны американских войск; новой является только их связь друг с другом.

Третий способ воздействия заключается в отсутствии какой-либо новой информации об элементах поля значений (о событиях) или об их взаимосвязи, но адресантом осуществляется попытка изменить отношение реципиента к этим элементам или событиям. Это *воздействие через убеждение*. Мы не сообщаем реципиенту ничего, чего бы он уже не знал, но то, что он знает, представляем в новом свете. Например, мы можем связать известную ему информацию с системой ценностей и убеждениями, характерными для структуры его личности. Так, в частности, если адресант подчеркивает, что при проведении военных действий в Ираке США отвергает всякую поддержку извне для решения внешнеполитических проблем государств, в территориальные границы которых ими осуществлено вторжение, адресат может заключить, что данное поведение объясняется явным стремлением американцев свести помощь союзников к минимуму и впоследствии занять лидирующую позицию. Следовательно, читатель может воспринять такую информацию негативно, поскольку для любого современного человека международное сотрудничество представляется важным, особенно в контексте глобального мира, где границы между национальными и общемировыми проблемами всё чаще становятся трудноразличимыми.

Успех воздействия через убеждение связан с моделированием смыслового поля реципиента. Адресант должен представить себе смысловое поле реципиента в момент воздействия и после него, характер и направление тех изменений в смысловом поле реципиента в результате воздействия. Изучение роли и механизмов такого моделирования в процессах массовой коммуникации является самостоятельной и чрезвычайно важной научной задачей.

Таким образом, речевое воздействие в психолингвистическом плане состоит в том, что на основе двойного моделирования смыслового поля реципиента (наличного и желаемого его состояния)

и представления о соотношении смыслового поля и поля значений адресант кодирует желаемые изменения в смысловом поле реципиента в виде языкового сообщения, в частности, медиасообщения, рассматриваемого в данной работе. Реципиент же, воспринимая это сообщение, декодирует его и «извлекает» из него скрытую глубинную информацию, значимую для его личности и деятельности.

С точки зрения *лингвостилистики* медиадискурс – особая сфера общения, функциональный стиль языка – газетно-публицистический стиль, в котором доминируют информативная и волюнтаривная функции и которые при этом являются одинаково релевантными. Однако вторая функция средств массовой информации, в частности прессы, не получила однозначной трактовки в лингвистике. Большинство отечественных исследователей (В.Ю. Голубев, В.Г. Костомаров, Е.М. Чекалина, А.В. Швец) признают, что медиасообщения имеют целью не столько информирование читателя о событиях общественной жизни, сколько влияние на мнение читателя, формирование у него определенного взгляда на происходящие события, таким образом, они выделяют воздействующую функцию. В свою очередь, В.Л. Наер в качестве второй основной функции прессы выделяет функцию оценки. В отечественной лингвистической традиции также представлены термины «аналитическая функция», «функция комментирования фактов», «языковая манипуляция». Но при этом все авторы указывают на стремление создателей медиасообщений стимулировать предметную и духовную деятельность адресата, что свидетельствует об их намерении воздействовать на получателя информации.

В зарубежной лингвистике принята несколько иная классификация: функция распространения новостей противопоставляется функции распространения мнений. Согласно этой концепции, существует четкое разделение прессы на две категории – пресса новостей и пресса мнений и текстов – на преимущественно объективные и преимущественно субъективные [8. С. 30]. Однако любые медиатексты из этих категорий несут в себе частицы как информативной, так и воздействующей функций. Подобная трактовка объединяет представителей отечественной и зарубежной лингвистики.

Основными стилеобразующими чертами газетно-публицистической речи, неразрывно связанными с базовыми экстралингвистическими факторами, являются яркая оценочность, мягкая стандартизованность и общепонятность используемых в газете материалов. Журналист не только информирует читателя о социально значимых фактах, событиях и явлениях действительности, но также дает оценку сообщаемому. Конечно, не все газетные жанры одинаковы в плане использования в них информативных и оценочных средств, но одновременная ориентация на информативность и оценочность свойственна всем типам газет, всем материалам СМИ.

Таким образом, на основе проведенного теоретического исследования представляется возможным предложить следующее определение медиадискурса: медиадискурс – тематически сфокусированная, коммуникативно и социокультурно обусловленная речемыслительная деятельность в масс-медийном пространстве, нацеленная на передачу адресантом определенных знаний, оценок, объектов и их образов адресату посредством креолизованного медиатекста, в котором совокупность собственно лингвистических и паралингвистических средств способствует более эффективному воздействию на реципиента.

Библиографический список

1. Добросклонская Т.Г. Вопросы изучения медиатекстов. М.: МГУ, 2000. 240 с.
2. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации. М.-К.: Рефл-бук, Ваклер, 2000. 528 с.
3. Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского университета. Сер.10. Журналистика. 2006. № 2. С. 20-33.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
5. Ворошилова М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения // Политическая лингвистика. Вып. 20. Екатеринбург, 2006. С. 180-189.
6. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика: Учебник. М.: КомКнига, 2007. 352 с.
7. Леонтьев А.А. Основы психолингвистики: Учебник. М.: Смысл, 1999. 287 с.

8. Пьянзина И.Н. Прагматика оценки в субъязыке британской прессы (на материале публицистического очерка): Дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2000. 186 с.

Сведения об авторе

Кемова Ксения Викторовна
аспирант кафедры английской филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: kemovaks@rambler.ru

УДК 811.112.2'367.625

КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ КРИТЕРИИ И РЕЧЕАКТОВЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ПЕРФОРМАТИВНЫХ ГЛАГОЛОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

О.В. Кирьякова

*Мордовский государственный педагогический институт
им. М.Е. Евсевьева, Саранск*

В.М. Бухаров

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматриваются вопросы, связанные с определением классификационных критериев и описанием речеактового потенциала перлокутивных глаголов на материале современного немецкого языка. На основе анализа языковых данных делается вывод, что в структуре значения перлокутивного глагола присутствует сема перлокутивного эффекта, устанавливаются виды семантических связей между перлокутивными глаголами в немецком языке и их отдельными лексико-семантическими вариантами, характеризующие богатый речеактовый потенциал анализируемого класса глаголов в немецком языке.

Ключевые слова: теория речевых актов, речевой акт, перлокутивный речевой акт, перлокуция, перлокутивные глаголы.

Classification Criteria and Speech-Act Potential of Perlocutive Verbs in Modern German

Olga Kiryakova, Valery Bukharov

The paper considers issues related to defining criteria for classifying perlocutive verbs in modern German and to describing their speech-act potential. Analysis of language data shows that the value component of perlocutive effect is present within the semantic structure of performative verbs as their classification criterion, and demonstrates the rich speech-act potential of performative verbs in German.

Key words: theory of speech acts, speech act, perlocutive speech act, perlocution, perlocutive verbs.

Современная лингвистическая прагматика накопила большой опыт исследования речевого акта как основной единицы коммуникации (Н.Д. Арутюнова, И.М. Кобозева, В.В. Богданов, Н.И. Формановская, В.З. Демьянков, Д. Вундерлих, К. Бринкер, С. Штаффельд и др.). Однако целый ряд проблем, касающихся функционирования и языкового воплощения данного лингвистического феномена, ещё остаётся на повестке дня

современных языковедов. В частности, до настоящего времени нельзя назвать полностью решенной проблему выявления и описания на материале различных языков перлокутивных значений речевого акта, которые связаны со сложностью детерминации феномена перлокуции и наличием в лингвистической литературе различных дефиниций указанного термина. Традиционно перлокуция определяется как «воздействие речевого акта на чувства, мысли, или действия аудитории, говорящего или других лиц» [1. С. 88]. При этом некоторыми исследователями не разграничиваются понятия перлокутивного акта и перлокутивного эффекта, данные явления рассматриваются в совокупности. В частности, А. Буркхардт исследует перлокутивный акт и сопутствующий ему перлокутивный эффект как «воздействие (или намерение осуществить воздействие) на реципиента» [2. С. 148-149].

Б. Шлибен-Ланге имеет в виду «не абсолютно случайные эффекты, оказываемые на слушающего, а такие, которые в определенном отношении могут быть осознанно направлены и рассчитаны» [3. С. 87].

Акцент на перлокутивном эффекте речевого акта при рассмотрении категории перлокуции делается в работах А.А. Киселевой, М.К. Гусаренко, Г.Г. Кларка, Т.Б. Карлсон и др. В этом случае перлокуция трактуется языковедами как достигнутая цель, результат речевого воздействия и т.п.

Некоторые лингвисты связывают при этом понятия перлокуции и обратной реакции реципиента. Например, О.И. Москальская дает определение перлокутивного компонента речевого акта как «программирование говорящим реакции адресата речи» [4. С. 63]. В этом случае оказание определенного воздействия на реципиента, ведущее к достижению желаемого перлокутивного эффекта, возможно только в случае заложенного в интенции речевого акта эмитента стремления к тому, чтобы вызвать ответную реакцию реципиента в виде действия и / или речевого акта.

Указанное интенциональное состояние отражается в значении вербальных единиц различных уровней прежде всего в значении глаголов, служащих в языке для обозначения речевых актов. Учитывая, что лексические единицы указанного морфологического класса отражают основные параметры перлокутивных актов, в их семантической структуре не могут не содержаться компоненты

значения (семы), указывающие на перлокутивный эффект обозначаемого лексемой речевого акта. Выявление таких сем в процессе компонентного анализа глаголов – номинаторов речевых актов – может послужить основой для выявления класса перлокутивных глаголов, в частности, в современном немецком языке. Отсутствие в современной германистике трудов, посвященных данной проблематике, подтверждает актуальность обозначенной темы научного поиска.

С целью подтверждения высказанной гипотезы авторами статьи проводился компонентный анализ глаголов, которые служат в немецком языке для обозначения речевых актов, имеющих перлокутивный эффект. Изначально делалось предположение, что в структуре значения перлокутивных глаголов или их отдельных лексико-семантических вариантов (ЛСВ) должен содержаться компонент, фиксирующий стремление эмитента вызвать ответную реакцию реципиента в результате речевого акта. На примере анализа отдельных глаголов покажем истинность данной гипотезы.

Так, например, в структуре значения ЛСВ глагола *bestätigen* «für richtig, zutreffend erklären» при проведении семного анализа обнаруживаются следующие минимальные компоненты значения:

- Prozessualität im weiten Sinne
- Handlung
- Sprechhandlung
- illokutionär (stellt die Tatsachen fest)
- initiativ
- als richtig erweisen.

Результаты компонентного анализа показывают, что вышеуказанный ЛСВ глагола *bestätigen* является иллокутивным, поскольку не содержит компонент значения, указывающего на имеющийся перлокутивный эффект речевого акта.

ЛСВ глагола *warnen* «auf eine Gefahr hinweisen» обнаруживает следующий состав минимальных компонентов значения:

- Prozessualität im weiten Sinne
- Handlung
- Sprechhandlung
- mit einem perlokutionären Effekt (beeinflusst weitere (auch sprachliche) Handlungen des Rezipienten)
- initiativ

- Warnung äußern.

Очевидно, что анализируемый глагол содержит компонент значения, указывающий на перлокутивный эффект обозначаемого речевого акта. Следовательно, глагол warnen (в его ЛСВ «auf eine Gefahr hinweisen») является перлокутивным.

Обращение к следующему глаголу aufmuntern в его ЛСВ «aufheitern» показывает, что он имеет в своей семантической структуре следующие компоненты значения:

- Prozessualität im weiten Sinne
- Handlung
- Sprechhandlung
- mit einem perlokutionären Effekt (beeinflusst den seelischen Zustand des Rezipienten, seine weitere Handlungen)
- initiativ
- mit dem Zweck, die Laune des Rezipienten verbessern.

Наличие в структуре данного глагола семы перлокутивного эффекта позволяет отнести его к группе глаголов, обозначающих перлокутивный акт.

Результаты проведенного анализа семантической структуры глаголов – номинаторов речевых актов в немецком языке – свидетельствуют о том, что значение перлокутивного эффекта речевого акта фиксируется в структуре значения обозначающей его лексической единицы посредством семы перлокутивного эффекта.

Под семой перлокутивного эффекта следует понимать компонент лексического значения глагола, заложенный в его семантической структуре и обеспечивающий реактивность номинируемого им речевого акта. Авторы настоящей статьи считают возможным использование критерия «наличие семы перлокутивного эффекта в значении лексемы» как основы для выявления корпуса перлокутивных глаголов в современном немецком языке.

Данный корпус был выявлен с использованием вышеуказанного критерия на основе сплошной выборки глагольных лексем из толкового словаря современного немецкого языка «Duden Deutsches Universalwörterbuch» под редакцией Г. Дроздовского и включает более двухсот глаголов, обозначающих перлокутивный речевой акт в современном немецком языке. Поскольку наличие семы перлокутивного эффекта в значении лексемы является признаком ее перлокутивности, за основу было принято рабочее определение

перлокуции как вида речевого акта, направленного на достижение заданного перлокутивного эффекта.

Все выявленные перлокутивные глаголы были разделены на четыре основные группы в зависимости от способности обозначать различные виды и типы речевого акта, имеющего перлокутивный эффект. Первую группу, как показали результаты исследования, составляют глагольные лексемы, в структуре которых содержатся только ЛСВ с семой перлокутивного эффекта (чистые перлокутивы). К ним, например, относятся такие глагольные лексические единицы, как *abbringen*, *aufhetzen*, *aufschwätzen*, *einreden*, *erflehen*, *ersuchen*, *zuraten*, *zusichern* и др.

Для иллюстрации семантической структуры глаголов, составляющих данную группу, проанализируем один из них. Глагол *aburteilen* имеет в своей семантической структуре два ЛСВ. Для первого ЛСВ «[in einer Gerichtsverhandlung] verurteilen» характерно неременное наступление перлокутивных последствий, поскольку решение суда обязательно для исполнения и для осужденного непременно ведет к изменениям в окружающем мире: *Der Verbrecher wurde vom Schwurgericht abgeurteilt*.

Второй ЛСВ «*verdammten*» также является перлокутивным, так как в его семантике присутствует сема перлокутивного эффекта. На том основании, что оба ЛСВ являются перлокутивными, можно сделать вывод, что глагол *aburteilen* относится к группе чистых перлокутивов.

Вторую группу перлокутивов в современном немецком языке составляют глаголы, в лексико-семантической структуре которых перлокутивные значения сочетаются с иллокутивными. В данную группу входят, например, глаголы *aburteilen*, *anfechten*, *beschwören*, *besprechen*, *spotten*, *versichern* и др.

В частности, семантическая структура глагола *anfechten* включает два ЛСВ. Первый ЛСВ со значением «*die Richtigkeit, Rechtmäßigkeit von etw. nicht anerkennen, bestreiten, angreifen*» является иллокутивным, поскольку номинируемое им действие обозначает субъективную точку зрения эмитента, например: *einen Vertrag anfechten*.

Второй ЛСВ анализируемого глагола со значением «*beunruhigen, bekümmern*» обозначает речевой акт, ведущий к изменению эмоционального состояния реципиента, и, следовательно,

является перлокутивным, например: *Das ficht mich nicht an*. Анализ семантической структуры показывает, что приведенный глагол относится в немецком языке к группе перлокутивно - иллюкутивных.

Третья группа перлокутивных глаголов в немецком языке формируется глаголами, в семантической структуре которых перлокутивные ЛСВ сочетаются с локутивными значениями. В качестве примера можно указать на следующие лексические единицы в немецком языке: *aufdrängen, befremden, beurlauben, fordern, nötigen*, и др.

При компонентном анализе значения глаголов данной группы заметим, что семантическая структура глагола *betrüben* состоит из двух ЛСВ. С позиции теории речевых актов они могут характеризоваться по-разному. Первый ЛСВ эксплицирует значение «*traurig machen, traurig stimmen, bekümmern*», который является перлокутивным, оказывая воздействие на мысли и чувства реципиента, например: *mit einer Nachricht, durch sein Verhalten betrüben*.

Второй ЛСВ *betrüben sich* – «*(sich) über etwas traurig werden*» - отображает субъективные реакции человека, не обладая коммуникативной направленностью, является, следовательно, локутивным.

Таким образом анализ семантической структуры глагола (*sich*) *betrüben* указывает на принадлежность данного глагола к группе перлокутивно-локутивных.

К четвертой группе относятся глаголы, в семантической структуре которых наряду с перлокутивными находятся иллюкутивные и локутивные ЛСВ, например: *anvertrauen, befragen, bestellen, erlauben, mitteilen* и др.

Семантическая структура глагола *hinweisen* состоит из трех ЛСВ, первый из которых имеет значение «*in eine bestimmte Richtung, auf etwas zeigen*», и является локутивным: *das Schild weist auf den Parkplatz hin*.

Второй ЛСВ со значением «*jmds. Aufmerksamkeit auf etwas lenken*» является перлокутивным, поскольку подразумевает реакцию реципиента в виде привлечения его внимания к указанному предмету: *durch eine Äußerung auf etwas hinweisen*.

Третий ЛСВ имеет значение «*etwas anzeigen, auf etwas schließen lassen und [jmdn.] darauf aufmerksam machen*» и характеризуется, с

точки зрения теории речевых актов, как иллокутивный: ссылаясь на что-то, эмитент лишь сообщает информацию, констатирует факты, не добиваясь при этом обратной реакции реципиента, например: *alle Umstände weisen darauf hin, daß...* Следовательно, анализируемый глагол относится к группе перлокутивно – иллокутивно – локутивных.

Таким образом, перлокутивные глаголы в современном немецком языке способны обозначать, наряду с перлокутивным актом, также и другие аспекты речевого действия, обладая богатым речеактовым потенциалом.

При анализе семантической структуры глагольных лексем, составляющих корпус перлокутивных глаголов в немецком языке, выяснилось, что она включает, как правило, несколько ЛСВ, находящихся в отношениях пересечения. Существующие внутри семантического пространства лексической единицы отношения определяет и усложняет существенным образом то, что один форматив (слово) может иметь два или несколько перлокутивных ЛСВ. Например, глагол *ansprechen* имеет следующие ЛСВ: 1) «заговаривать, обращаться» - *Worte an jmdn. richten, mit jmdm. ein Gespräch beginnen*; 2) «обращаться определенным образом» - *in einer bestimmten Weise anreden*; 3) а) «обращаться к группе» - *sich an einer Gruppe wenden*; б) «обращаться по определенному случаю» - *sich in einer bestimmten Angelegenheit an jmdn. wenden*; 4) «выносить на обсуждение» - *zur Sprache bringen, behandeln*; 5) «обозначать, представлять» - *als etwas bezeichnen, ansehen*; 6) а) «узнавать животное» - *(Jagdsw.) ein Wild erkennen und beurteilen*; б) «описывать» - *(Milit.) beschreiben, genau anmachen*; 7) «одобрять, нравиться» - *einen bestimmten positiven Eindruck hinterlassen, gefallen, anrühren*; 8) а) «положительно реагировать» - *in positiver Form reagieren, eine Reaktion zeigen*; б) «иметь влияние» - *Wirkung haben, wirken*; 9) «звучать» - *(Musik) zum Klingen gebracht werden*.

Результаты компонентного анализа данной лексической единицы показывают, что ЛСВ 1, 2, 3 а, 3 б, и 5 содержат в своей семантике схему перлокутивного эффекта, а, следовательно, являются перлокутивными.

Различные ЛСВ одной глагольной лексической единицы могут обладать очень схожими значениями, быть синонимичными друг другу. В качестве примера можно рассмотреть семантическую

структуру перлокутивного глагола anbieten: 1) а) «предлагать, предоставлять» - jmdn. erkennen lassen, daß man bereit ist, ihm etwas zur Verfügung zu stellen; б) «предлагать» - (sich) sich für einen bestimmten Zweck bereit halten; в) «предлагать еду, напитки» - (einen Gast) zum Essen, Trinken o.ä. reichen; д) «предлагать» - zur Wahl stellen, bereithalten; 2) а) «предлагать, побуждать» - vorschlagen, anregen; б) «предлагать, поставлять» - einen Handel vorschlagen, ein Warenangebot machen; в) «предлагать должность» - ein Amt antragen; 3) «лежать на поверхности, напрашиваться» - (sich) а) in Betracht kommen, naheliegen; б) «подходить» - geeignet sein zu etwas.

В структуре значения лексической единицы можно наблюдать несколько ЛСВ, обладающих схожим, близким значением «предлагать». Это ЛСВ 1а, 1б, 1с, 1д, 2с, которые являются синонимичными. При анализе семантического пространства перлокутивного глагола anbieten данные ЛСВ могут быть отнесены к одной семантической группе. Данная группа предположительно включает не только синонимичные перлокутивные ЛСВ глагола anbieten, но и другие перлокутивные глаголы и их ЛСВ, обладающие аналогичным значением. Кроме того, другие ЛСВ анализируемого глагола имеют семантические связи с глаголами и ЛСВ глагольных лексем других семантических групп, с которыми они также состоят в отношениях синонимии (bereitstellen, bieten, darbieten, hinhalten, empfehlen, aufdrängen и др.).

Только учитывая связи, существующие между ЛСВ каждой лексической единицы, и внешние связи, которые возникают между ЛСВ глаголов, составляющих одну семантическую группу и пересекающиеся с ЛСВ глаголов разных семантических групп, представляется возможным смоделировать семантическое пространство отдельного перлокутивного глагола, в частности, и лексико-семантического поля перлокутивных глаголов в немецком языке в общем.

Проиллюстрируем данный тезис на примере глагола bitten, который имеет следующие ЛСВ: 1) а) «высказывать просьбу» - eine Bitte aussprechen; б) «обращаться к к-либо с к-либо просьбой» - sich wegen etwas mit einer Bitte an jmdn. wenden; в) «выпрашивать» - betteln; 2) «ходатайствовать» - Fürsprache einlegen; 3) а) «приглашать» - einladen; б) «вызывать» - jmdn. auffordern, wohin zu kommen. Все приведенные ЛСВ содержат в своей семантике сему перлокутивного

эффекта, т.е. являются перлокутивными. ЛСВ 1a, 1b, 1c синонимичны, обладают общим значением «просить». Такой вид синонимии ЛСВ предлагаем называть *внутренней синонимией* лексической единицы. Второй ЛСВ семантически близок вышеперечисленным, поскольку ходатайство предполагает обращение с определенной просьбой.

ЛСВ 3a и 3b также являются очень близкими по значению и могут быть отнесены к одной группе с глаголом *einladen* в значении «приглашать» и его синонимами. Внутри указанной группы рассматриваемые ЛСВ глагола *bitten* имеют синонимические связи с ЛСВ других глаголов, входящих в эту группу (*anbieten, bestellen, verlangen, auffordern, laden, beordern, bescheiden* и др.). Описываемое явление в данной работе может именоваться *внутригрупповой синонимией*.

Кроме того, каждый из ЛСВ глагола *bitten* имеет синонимические связи с другими перлокутивными глаголами и их отдельными ЛСВ, составляющими совершенно другие семантические группы, которые также могут быть связаны между собой (*внешняя синонимия*).

Все указанные виды семантических отношений между перлокутивными глаголами и их отдельными ЛСВ образуют сложную сеть отношений между перлокутивными глаголами немецкого языка, состоящую из фрагментов семантического поля перлокутивных глаголов в немецком языке. Их описание позволяет раскрыть речеактовый потенциал немецких перлокутивных глаголов и их лингвокультурную специфику.

Библиографический список

1. Остин Дж. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. Москва: Издательство «Прогресс», 1986. С. 22-129.
2. Burkhardt A. Soziale Akte, Sprechakte und Textillokutionen // Reinachs A. Rechtsphilosophie und die moderne Linguistik. Tübingen: Niemeyer, 1986. 466 S.
3. Schlieben-Lange B. Für eine historische Analyse von Sprechakten // Sprachtheorie und Pragmatik. Tübingen: Niemeyer, 1976. 119 S.
4. Москальская О.И. Грамматика текста. Москва: Издательство «Высшая школа», 1981. 183 с.

Сведения об авторах

Кирьякова Ольга Васильевна
ассистент кафедры немецкого языка
МГПИ им. М.Е. Евсевьева
E-mail: kirjakova82@mail.ru

Бухаров Валерий Михайлович
доктор филологических наук,
профессор кафедры немецкой филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: bucharov@lunn.ru

УДК 811.112.2'37

**ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ КАК СРЕДСТВО
ОБЪЕКТИВАЦИИ КОНЦЕПТА “SONNE” (СОЛНЦЕ) В
НЕМЕЦКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

Ю.О. Кудрявцева

*Воронежский государственный архитектурно-строительный
университет, Воронеж*

В данной статье исследуется гелиоцентрический концепт в немецкой языковой картине мира, объективируемый фразеологическими единицами с компонентом «Sonne». Анализируется структура концепта с доминантными фреймами (антропологическим, философским, социально-политическим, натуроморфным), выявляются когнитивные слоты, формирующие архитектуру концепта «Sonne».

Ключевые слова: концепт, семантико-когнитивный анализ, концептуальная структура, фрейм, когнитивный слот, немецкая языковая картина мира, фразеологическая единица, солнце.

**Phraseological Units as a Means of Objectivization of the Concept “Sonne” (Sun) in the
German Linguistic Picture of the World**

Julia Kudryavtseva

The article investigates the heliocentric concept, objectified by the phrasal units with the component “Sun,” within the German linguistic picture of the world. It analyzes the concept’s structure, constituted by the dominant frames (anthropological, philosophical, socio-political, nature-morphic), and defines cognitive slots that form the concept’s architectonics.

Key words: concept, semantic-cognitive analyses, concept structure, frame, cognitive slot, German linguistic picture of the world, phrasal unit, Sun.

Система культурных стереотипов всякой цивилизации упорядочивается с помощью языка, выражающего данную цивилизацию (Э.Сепир). Язык приобретает все большую значимость как руководящее начало в научном изучении культуры. Концепт как «сгусток культуры» [1. С. 40-42] имеет разноуровневую представленность в языке. Наиболее информативным с этой точки зрения является лексический уровень. Опираясь на этот уровень исследования возможно выявить набор групп признаков, которые формируют структуру того или иного концепта [2. С. 176]. Одним из основных фиксаторов сведений о культуре и менталитете народа являются фразеологические единицы (ФЕ), в которых сконцентрированы и закреплены представления народа о мифах,

обычаях, обрядах, традициях, ритуалах, привычках, морали, поведении, а также стереотипы и социально-исторические факты. В.Н. Телия пишет, что фразеологический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует своё национальное самосознание» [3. С. 82]. Фразеологизмы обладают не только культурно-национальным колоритом, но и культурно-национальной коннотацией. Я.И. Рецкер отмечает, что «даже стилистически-нейтральные фразеологизмы отличаются национальным своеобразием и могут приобретать экспрессивное значение в контексте» [4. С. 145].

Цель исследования заключается в изучении немецкой языковой картины мира, а также культурно-специфической составляющей в жизни, быте и культуре немецкого народа, в выявлении способов репрезентации ФЕ с компонентом «Sonne». Как известно, ФЕ наиболее ярко и репрезентативно раскрывают этноспецифические характеристики культурно-бытовой жизни народа.

Материалом для изучения концепта «Sonne» послужили немецкие ФЕ, выступающие в качестве вербальных манифестаторов исследуемого феномена. Согласно словарной дефиниции лексемы «Sonne» в словаре Гюнтера Варига (2006 г.), номинирующей одноименный концепт, выделяются следующие базовые семемы исходной единицы:

Sonne – 1) (Astron.) 1.1. selbstleuchtender, kugelförmiger, aus Gas bestehender Himmelskörper, um den sich die Planeten drehen; 1.2. der zentrale Fixstern unseres Planetensystems; 2) Sonnenschein, Sonnenlicht; 3) (fig.; umg.) Wärme, Licht, etwas Strahlendes, Helles, Schönes [5. С. 1373].

В немецком толковом словаре «Langenscheidt» (2003 г.) приводится следующее толкование лексемы «Sonne»: 1) der große Stern am Himmel, den man am Tag sieht und von dem die Erde Wärme und Licht bekommt; 2) das Licht und die Wärme der Sonne; 3) ein Platz mit dem Licht der Sonne; 4) ein Stern, um den die Planeten kreisen [6. С. 945].

Анализ семем лексемы «Sonne», выступающих вербальными манифестаторами одноименного концепта, показал, что Солнце – это прежде всего физическое светящееся небесное тело, вокруг которого вращаются планеты; Солнце – это главная звезда системы планет. Солнце, согласно словарным статьям, представляет собой, главным

образом, физическую субстанцию, звезду на небе, от которой Земля получает свет и тепло в дневное время. Согласно третьей семеме, по Валигу, «*Sonne*» ассоциируется с теплом, со светом и миром Прекрасного.

Исследование концепта «*Sonne*» в других специализированных словарях (астрономических, мифологических и др.) показало, что Солнце, прежде всего, – это центральная звезда Солнечной системы, символ высшей космической силы, единица исследования астрономии и других естественных наук. В астрономии символами Солнца являются: вращающееся колесо; диск; круг с центральной точкой; круг в окружении лучей; свастика; лучи, как прямые, так и волнистые, символизирующие как свет, так и жар. В мифологии Солнце – это сияющие колесницы с солнечными богами, управляющими белыми или золотыми конями, или пересекающими мир в солнечных ладьях; лицо в окружении лучей; глаз; бронзовый человек; паук в центре своей паутины с исходящими от него во все стороны лучами; солнечные птицы и животные, такие как орел, ястреб, лебедь, феникс, петух, лев, баран, белый или золотой конь, крылатый или хохлатый змей, китайский дракон. В астрологии Солнце – это жизнь, живучесть, воплощенный характер личности.

Концепт «*Sonne*», вербализованный в немецком языке ФЕ, служит в известной степени инструментом познания человека, в частности черт его характера, физической и ментальной деятельности и т.п. По нашим наблюдениям, когнитивная структура вербализованного концепта «*Sonne*» конституируется следующими фреймами, включающими, в свою очередь, системообразующие и сущностно-значимые слоты:

- 1) антропологический фрейм (7 ед.):
 - 1.1 темпорально-кондициональный слот (4 ед.);
 - 1.2 характерологический слот (3 ед.);
- 2) натуроморфный (2 ед.):
 - 2.1. метеорологический слот (1 ед.);
- 3) философский фрейм (2 ед.);
- 4) социально-политический фрейм (1 ед.).

Один из самых структурированных фреймов – антропологический (6 ФЕ), для которого релевантной является идентификация объектов физической и виртуальной действительности, формирование которого обусловлено стратегиями

сравнения и отождествления. Когнитивными составляющими анализируемого фрейма являются *кондициональный слот* (4 ФЕ), характеризующий физические и эмоциональные состояния человека, и *характерологический слот*, посредством которого эксплицируются качества, характеристики человека (2 ФЕ).

В рамках кондиционального слота объективируются различные *типы состояния* человека, в частности: 1) состояние *неуверенности, смущения, смятения*: *wie Butter an der Sonne* – разг. растеряться = стоять как потерянный [7. С. 113]; 2) состояние *недолговечности, мимолетности чувств*: *wie Butter an (in) der Sonne (zerschmelzen)* – мгновенно проходить (о каком-либо чувстве) [7. С.113].

Последняя фразеологическая единица выражает (в метафорической перспективе) состояние краткосрочности какого-либо чувства, которое испытывает человек. В процесс метафоризации вовлечен «образ масла», и соотнесение его характеристик с воздействием солнца. Немаловажную роль при создании метафорического образа состояния мимолетности играет также глагол *zerschmelzen* (*ganz schmelzen flüssig werden*) [5. С.1693]. Таким образом, причинно-следственная парадигма «*Sonne – Butter – zerschmelzen*» служит когнитивным основанием для создания метафорического образа состояния мимолетности / недолговечности чувства: *солнце* – небесное тело, излучающее тепло, под воздействием которого масло превращается в жидкую, текучую массу; *масло* – субстанция; *плавится* – предикат, функция которого – довести некую субстанцию до текучего состояния. Итак, в процессе данной метафоризации «областью-источником» [8. С. 11] послужило солнце как источник тепла, т.е. в процессе метафорической проекции профилируются функциональные характеристики солнца. В данном случае речь идет о когнитивной метафоре «солнце – разрушительная (губительная) сила». Масло в данном случае выступает прототипом человека, который под воздействием определенных эмоциональных факторов теряет чувство уверенности, испытывает потрясение, смятение. Когнитивная метафора «солнце – разрушительная (губительная) сила» актуализирует семы мимолетности и недолговечности человеческих чувств.

Для фразеологизма *wie Butter an (in) der Sonne (zerrinnen)* – разг. быстро таять, исчезать, переводиться [7. С. 113] процесс когнитивной метафоризации также является релевантным. В данном случае

следует обратить внимание на отношения следующих составных частей ФЕ «*Sonne – Butter – zerrinnen*». Дифференциальным для анализируемого фразеологизма является предикат *zerrinnen* (1. *auseinanderrinnen*, *langsam zerfließen*, *schmelzen*, 2. *sich in nichts auflösen*) [5. С.1693]. Исследуемая когнитивная метафора актуализирует сему «состояние мимолетности / недолговечности».

Небезынтересен также тот факт, что глаголы *zerschmelzen*, *zerrinnen* имеют идентичную приставку *zer-*, которая включает сему разрушения (*zer-* Vorsilbe zur Bezeichnung der Zerstörung, Auflösung, Trennung [5. С.1693]).

При рассмотрении ФЕ *wie der Schnee an der Sonne* – мгновенно таять (улетучиваться) [7. С. 520], в которой отмечается когнитивное соотношение «*Sonne – Schnee*», а также анализе толкования лексемы *Schnee* (aus gefrorenem Wasser bestehender, fester, flockenförmiger Niederschlag [5. С. 1306]), делается вывод, что снег как замерзшая субстанция может быть превращен в текучее состояние под воздействием солнца. Итак, в данном фразеологизме «солнце» рефлектируется как тепло, как субстанция, способная влиять на окружающий мир. Следовательно, в анализируемом фразеологизме присутствует метафорический образ «солнце – тепло».

Можно сделать вывод о том, что «солнце», являясь «областью-источником» для метафоризации действительности, репрезентирует агенс, т.е. силу, которой подвластно все.

Через образы «текучести», «летучести», «изменчивости состояния» на примере физических субстанций («масла», «снега») под воздействием солнца имплицитно выражается идея «мимолетности», «недолговечности», «текучести» времени, человеческой жизни, чувств, настроений и т.п.

Анализируем характерологический слот антропологического фрейма, который репрезентирован ФЕ *j-d ist nicht wert, dass ihn die Sonne bescheint; j-d hat Sonne im Herzen; die Sonne bringt es an den Tag*. Известно, что солнце, чаще всего, ассоциируется с положительными эмоциями. ФЕ *j-d ist nicht wert, dass ihn die Sonne bescheint* [7. С. 520] актуализирует сему «свет», «божественный свет», но не каждый человек достоин того, чтобы его освещало солнце. Важно заметить, что отрицательные качества человека в анализируемой ФЕ выражены имплицитно. В исследуемом фразеологизме актуализируется сема солнца «всевидящее око», «божественное око». Появление солнца -

это видимый образ Божественной благодати, трансцендентный архетип Света. Нет ничего доступного взору во всем мире, что было бы более достойно служить символом Бога, нежели Солнце, которое проливает свет видимой жизни сначала на себя, а затем и на все небесные и земные тела [9].

Солнце является дневным светилом, которое излучает свет. Как известно свет у человека всегда ассоциируется с положительными эмоциями, радостью. И если человек в любых жизненных ситуациях в сердце сохраняет солнце, т.е. свет, то он светлый человек, такого человека можно назвать добродетельным, «хранящим в сердце солнце, свет, а значит радость». Таким образом, фразеологизм *j-d hat Sonne im Herzen* [7. С.520] актуализирует семы «светлый» «излучающий Добро и Прекрасное», «радостный человек», «добрый человек», т.е. характеристики, свойственные человеку, способному светиться «божественным светом» солнца.

Следующий фразеологизм, конституирующий характерологический слот антропологического фрейма *die Sonne bringt es an den Tag* – шила в мешке не утаишь; как веревочке не виться, а концу быть [7. С. 520]. Важно отметить когнитивную метафору «солнце – оповещение», заключенную в исследуемой ФЕ. Здесь актуализируется сема «свет», а именно «дневной свет», т.е., как известно, солнце является светилом дневным, а значит все то, что кто-то хотел утаить ночью, станет известным и раскрыто днем, когда солнце «встанет» и осветит все своими лучами. Исследуемая ФЕ характеризует деятельность человека с отрицательной стороны – «желание что-то утаить, обмануть и т.д.».

Натуроморфный фрейм. Исследуемый фрейм анализируется в рамке «солнце – биофакты», т.е. как солнце может непосредственно воздействовать на саму природу, окружающий мир. Солнце, как составляющая естественной природы, экзистенция, существующая независимо от человеческой жизнедеятельности. Наши исследования показали, что натуроморфный фрейм структурируется одной номинацией и репрезентируется *метеорологическим слотом*: *Sonne zieht Wasser* – по солнцу видно, что будет дождь [7. С. 520].

Данная ФЕ связана с народными приметами. Об изменениях погоды можно узнать не только из метеосводок, но и взглянув на небо. ФЕ *Sonne zieht Wasser* репрезентирует «солнце» как некий барометр, определяющий погоду. Данное наблюдение подтверждает

множество народных примет, которые являются результатом наблюдений многих поколений. С древнейших времен известно, что для определения своего положения во времени и в пространстве человечество пользовалось самыми разнообразными природными ориентирами – от далеких звезд, Солнца и Луны до полевого цветка. Оно учит ориентироваться без специальных приборов в любых природных условиях, днем и ночью, в разное время года, независимо от погоды. Например: «Wenn die Sonne schwarz untergeht abends, gibt's am nächsten Tag Regen» [10].

Таким образом, с солнцем человек связывал всю земную жизнь: хороший урожай, свое здоровье и природную благодать, то есть он чувствовал, что существует живая, нерушимая связь между Светилом и Землей.

Интересным для анализа представляется **философский фрейм** вербализованного концепта «Sonne», который включает 2 номинации.

ФЕ *Es gibt nichts Neues unter der Sonne* – ничто не ново под солнцем [7. С. 520] репрезентирует «солнце» как *всевидящее божество*, для которого нет ничего нового, меняются лишь поколения, а основополагающие законы жизни остаются на века.

Корни ФЕ *Geh mir aus der Sonne* – 1) уйди, не засти свет; 2) разг. уходи с глаз долой [7. С. 521] – берут свое начало в легенде о Диогене – древнегреческом мудреце и Александре Македонском, а именно в словах, которые сказал Диоген знаменитому молодому царю, когда он спросил у него, может ли Александр услужить чем-нибудь Диогену. Ответ древнегреческого мудреца со временем стал фразеологизмом: «Если хочешь оказать мне услугу, - говорил Диоген, - отойди от солнца, не затемняй его свет и теплоту, оно так приятно греет мое старое тело» [11]. В данной ФЕ репрезентируется третье значение лексемы «Sonne» согласно словарю Варига: тепло, радость, свет, излучение, если человек видит его свет, чувствует его тепло – значит он жив. Древнегреческий мудрец Диоген указывает на то, что иногда человек нуждается в малом для того, чтобы быть счастливым, в данном случае – это «ощущать солнце, его тепло, его излучающие свет лучи».

ФЕ, структурирующие данный фрейм, берут свое начало глубоко в истории, можно предположить, что в данных ФЕ заложены «архетипические образы», «архетипические символы» [12], следовательно, исследуемые фразеологизмы будут являться

универсальными и отражать как культуру немецкого народа, так и других этносов.

Социально-политический фрейм представлен ФЕ *ein Platz an der Sonne* (букв.: место под солнцем) – место под солнцем [7. С. 440]. В общем значении: «право на существование».

Выражение «место под солнцем» возникло после того, как немецкий государственный секретарь, а позже канцлер Германии Бернарда Бюлов выступил 6 декабря 1897 года с речью о колониальной политике, он, в частности, сказал: «Мы никого не хотим оставить в тени, мы требуем нашего места под солнцем». Выражение «борьба за место под солнцем» в сущности означало «борьба за передел мира». Из анализа лексикографических источников можно предположить, что, если «солнце» рассматривать как «тепло, свет, что-то излучающее, прекрасное», то «место под солнцем» может быть идентифицировано как выгодное для человека место, где возможно добиться успеха.

Таким образом, концептуальная структура гелиоцентрического концепта, вербализованного немецкими фразеологическими единицами, гетерогенна и включает ряд фреймов (антропологический, философский, натуроморфный, социально-политический), которые, в свою очередь, конституируются системообразующими слотами. Важно отметить, что во многих фразеологических единицах заключен метафорический образ солнца, например, «солнце – разрушительная (губительная) сила», «солнце – тепло», «солнце – оповещение». Исследование концепта «*Sonne*», вербализованного ФЕ, является способом познания человека. Характеристики Солнца проецируются на человека. С одной стороны, посредством гелиоязыка репрезентируются пейоративные характеристики человека и его деятельности: «желание утаить, скрыть что-либо», с другой – мелиоративные: «радостный, светлый человек».

Во ФЕ как «в зеркале народа» отражаются связи с культурой, религией, цивилизацией. В анализируемых фразеологизмах просматривается специфика небесного светила, рефлексированного в немецком языковом сознании. Происхождение некоторых ФЕ непосредственно связано с немецкой литературой, политическими событиями, религиозными явлениями. Таким образом, солнце выступает неким гелиоцентрическим метаязыком, через который

эксплицируются антропоморфные, натуроморфные, этические, культурные коды немецкого этноса.

Библиографический список

1. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
2. Пименова М.В. Принципы категоризации и концептуализации мира. М.: Гнозис, 2006. 364 с.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
4. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения, 1974. 216 с.
5. Wahrig Deutsches Wörterbuch / G. Wahrig. Wissen Media Verlag GmbH, 2006. 1728 S.
6. Langenscheidt Großwörterbuch Deutsch als Fremdsprache. Berlin; München: Langenscheidt, 2003. 1249 S.
7. Немецко-русский фразеологический словарь / Сост. Л.Э. Бинович, Н.Н. Гришин. М.: Изд-во «Русский язык», 1975. 656 с.
8. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 256 с.
9. Мир словарей // Электронный ресурс Интернет: http://mirslovarei.com/content_sim/Solnce-814.html
10. Deutsche Welle - Deutsche im Alltag – Alltagsdeutsch. Bauernregeln // Электронный ресурс Интернет: <http://www.podcast.de/episode/257051/Bauernregeln>.
11. Бирюков П.И. Греческий мудрец Диоген // Электронный ресурс Интернет: http://az.lib.ru/b/birjukow_p_i/text_0030.shtml.
12. Юнг К.Г. Архетип и символ. СПб.: Изд-во «Ренессанс», 1991. 208 с.

Сведения об авторе

Кудрявцева Юлия Олеговна
аспирант кафедры иностранных языков
Воронежского государственного
архитектурно-строительного университета
E-mail: uskova86@gmail.com

УДК 811.112.2'366.56

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА СИНТАКСИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ ЛИЦА

И.В. Матвеева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье проводится исследование значений определенности, неопределенности и обобщенности как компонентов семантической структуры предложения. Устанавливается, что данные значения связаны не с категорией субъекта, а с категорией агенса, при этом агент может быть субъектом или компонентом семантического предиката.

Ключевые слова: категория лица, субъект, агентивное значение, определенно-личные предложения, неопределенно-личные предложения, обобщенно-личные предложения.

The Semantic Structure of the Syntactic Category of Person

Irina Matveyeva

The article considers values of definiteness, indefiniteness and generality as components of the semantic structure of a sentence and sees them as connected not with the category of the subject, but with category of an agent, with the said agent being either the subject or a component of the semantic predicate.

Key words: category of person, subject, agentive value, definite-personal sentences, indefinite-personal sentences, generalized-personal sentences.

В синтаксической литературе неоднократно отмечалось, что выделение классов предложений по значению определенности, неопределенности, обобщенности не характеризуется строгой грамматической регулярностью. Это обстоятельство побуждает к исследованию данных значений в сфере семантической структуры предложения. Данные значения следует рассмотреть на базе синтаксической категории лица, которую Г.А. Золотова понимает как «соответствие субъекта – носителя действия, состояния, признака, о котором сообщается в предложении, одному из трех лиц участников – неучастников общения» [1. С. 158]. Такое понимание категории лица расширяет сферу выражения значений персональности, поскольку учитывает те типы конструкций, которые не могут быть объяснены на основе морфологической категории лица. Определяя субъект как носитель действия Г.А. Золотова понимает его как агент,

отражающий широкий семантический диапазон категории лица. Встречаются и другие термины, характеризующие свойство субъекта управлять процессом. И.Е. Ким, анализируя понятие активности, использует термин агентивность по отношению к субъекту, характеризуя его как прикладывающего усилия для совершения действия [2. С. 20]. Таким образом, в лингвистической литературе субъект и агенс отождествляются.

Необходимо разграничить грамматический и семантический уровни. Семантическое пространство агентивности традиционно связывается со значением «действующего лица», однако данные семантического синтаксиса показывают, что категория «действующего лица», являясь центральной для категории агентивности, отнюдь ее не исчерпывает:

Er gibt die Prüfung ab.

Der Professor examiniert ihn über einen Stoff.

Der Professor hat ihm eine Fünf gegeben [3. С. 56].

В приведенных примерах семантический класс «лицо» константен для потенциального участника «er» в любой материальной элементарной ситуации, а семантическая роль субъекта меняется от ситуации к ситуации. В первом случае для интерпретации используются ингерентные свойства участников. Во втором случае речь идет о реляционных и переменных свойствах, поскольку участники приобретают их в зависимости от отношений, в которые они вступают в конкретной элементарной ситуации. В значении субъекта включена семантика той падежной формы, которая в семантической структуре предложения оказывается в позиции субъекта. На этом основании система значений субъекта может быть описана в терминах субъекта-агенса, то есть субъекта-производителя действия (*ich tanze*), субъекта-реципиенса, то есть субъекта - адресата (*Karla kauft ihrer Tochter ein Kleid*), субъекта-пациенса, то есть субъекта, испытывающего воздействие агенса (*Das Haus wurde von uns gebaut*), субъекта-обладателя (*Das Boot gehört ihnen*) [4. С. 77].

Агенс – это всегда субъект, а субъект – не всегда агенс. Это положение ведет к тому, что субъект в предложении не везде имеет одинаковые оттенки агентивного значения. Функционируя как субъект *weg*, агенс имеет наивысшую степень агентивности, он антропоцентричен. В других случаях, во всех дополнениях и

обстоятельствах агентивное значение теряется и переходит, таким образом, из сферы имени к содержанию сказуемого.

Агенса может быть выражен трояко: в рамках местоимений может быть выражена определенноличность, неопределенноличность и обобщенноличность. Агент способен проявить себя в структуре предложения как обозначенный, явный, эксплицированный субъект, либо может быть имплицированным, скрытым.

В определенно-личных предложениях предикативный признак соотнесен с конкретными лицами, притом – только с теми, которые являются участниками коммуникативного акта. В этом случае агент может замещать позицию субъекта (*Ich gieße die Blumen*) и может входить в состав семантического предиката (*Die Blumen werden von mir gegossen*). Значение определенности может быть свойством простых эксплицированных или имплицированных субъектов с агентивным значением, противопоставленных по лицу:

1) субъекта – авторизованного агенса, соотнесенного с 1-м л. ед.ч.: *Ich lese. „Der Film war interessant“ – „Finde auch“. „Entschuldige! – War es nicht dein Wunsch so, bei meinem Lebenswandel?!“* [5. С.9];

2) субъекта – комплексного агенса, соотнесенного с 1-м л. мн.ч.: *Wir sind stolz auf unser Land* [6. С. 3];

3) субъекта-агенса-адресата, соотнесенного со 2-м л.: *Entbehren sollst du! sollst entbehren* [7. С. 44];

4) субъекта-агенса-неучастника речи, соотнесенного с 3-м л.: *Sie kommen an diesen Ort jedes Jahr: mögen diese Stelle* [6. С. 3].

Значение определенности может быть свойством эксплицированных или имплицированных субъектов сложной семантики, включающей значение агенса: 1) субъекта-реципиенса: *Karla kauft ihrem Kind einen Ball. Das missfällt ihm. Was ist mit ihm los? – Grippe* [8. С. 5].

Неопределенно-личные предложения характеризуются коммуникативным вниманием к факту действия безотносительно к конкретному его исполнителю. *An der Front wurde er verletzt. Das Haus wurde abgebaut* [6. С. 1]. Имплицитно неопределенно-личные предложения часто предполагают хотя и неконкретизируемый, но «когнитивно-ясный» тип субъекта. Значение неопределенности реализуется скрытым агентом разной семантики. Это значение может быть свойственно предложениям, в которых позицию субъекта замещает скрытый агент-неучастник речи: *Im Nebenzimmer spielt*

jemand Klavier. Jemand singt im Garten. Gestern hat man sein Auto gestohlen [9. С. 246].

В предложении *Im Nebenzimmer spielt jemand Klavier* отмечено скрытое отношение к субъекту-агенсу, а в предложении *Im Nebenzimmer spielt das Mädchen Klavier* – его открытое отношение.

Значение неопределенного субъекта-агенса может сигнализироваться при поддержке контекста: (*Woher hast du das Buch bekommen?*) – *Geschenkt bekommen* [10. С. 161].

Апеллируя к адресату речи, обобщенно-личные высказывания обязательно включают семантический компонент личной причастности говорящего к выражаемому обобщению, наблюдению, переживанию:

Wer echter Jeansträger ist, weiß, welche ich meine [5. С. 27].

Значение обобщенности стирает различия между разными типами субъекта-агенса и формирует значение субъекта – всеобщего агенса.

Так, для выражения значения обобщенного лица в распоряжение говорящего поступают альтернативы: *Ich=du=wir=man*:

(1) *Wenn ich etwas von anderen verlange, muss ich auch selbst dazu bereit sein* [11. С. 322].

(2) *Wenn du etwas von anderen verlangst, musst du auch selbst dazu bereit sein.*

(3) *Wenn wir etwas von anderen verlangen, müssen wir auch selbst dazu bereit sein.*

(4) *Wenn man etwas von anderen verlangt, muss man auch selbst dazu bereit sein.*

Все четыре варианта служат для выражения обобщенно-личности, все приведенные выражения выступают денотативными синонимами. В то же время они не взаимозаменяемы. Другими словами: денотативная синонимия данных вариативных форм как репрезентантов различных звеньев категории лица оказывается относительной, поскольку они по-разному квалифицируют коммуникативную значимость текста. Данный постулат У. Винтер аргументирует двумя факторами:

1. В каждом отдельном случае актуализированное толкование текста восстанавливает «запасные» варианты, которые выявляются с каждым трансформированным высказыванием из произведения

Бределя «Auf den Heerstraßen der Zeit». В данном случае речь идет о вторичных номинативных значениях местоимений.

2. Внешние условия коммуникативной ситуации определяют выбор определенных средств для актуализации того или иного значения с учетом прагматической условности, то есть мир имеет границы своего распространения и формальные ограничения [12. С. 144].

Так, вторая трансформа (2), несмотря на присущее обобщенно-личное значение, связана с установленными отношениями между коммуникантами (обуславливающими употребление *du*) на социальном уровне. Данная фраза несет стилистическую разговорную окраску. Для конструкций в первом лице множественного числа (3), выражающих значение обобщенного лица, возможна стилистическая/прагматическая маркировка. Характер употребления в языке данной формы зависит не от передаваемого содержания, а от коммуникативного намерения, ситуации. Несомненно, нейтральный способ выражения значения обобщенно-личности представлен в последнем случае (4), так как *man + V 3.Pers.Sg.* является непосредственным и немаркированным его выразителем по отношению к первым трем случаям. Что касается употребления первого лица единственного числа (1), то все случаи его употребления связаны с его основным значением.

Употребление первого лица единственного числа в значении обобщенного лица встречается довольно редко. В этом случае сообщаемая информация имеет философский фактор, характер пословицы.

По признаку «отношение к лицу» личным предложениям противопоставляются безличные конструкции. Однако термин «безличное предложение» следует считать условным, так как полной безличности нет. Безличная конструкция для обозначения природно-атмосферных явлений, для обозначения времени считается вполне уместной. Исследуя безличные предложения в разных языках, некоторые лингвисты высказывали предположение о том, что первоначально все глаголы, обозначающие природные явления, были личными, так как каждое такое явление представлялось как результат деятельности какого-то божества. [13. С. 76-81] Здесь наблюдаются взаимодействия языковых и логических категорий: *Mich friert*. В данном случае есть указание на логическое проявление лица, но

отсутствует агентивная характеристика. Описываемое состояние человека не зависит от самого действующего лица. В данном случае речь идет о влиянии действия на человека Сверхсилы. Данная структура может грамматикализироваться и употребляться в языке с полной агентивностью. Агентивное начало в семантике субъекта-реципиенса подтверждается тем, что предложениям типа *mich friert* в конструкциях с номинативной формой субъекта соответствуют предложения с агентивным значением субъекта – *Es friert mich = Ich friere*.

Библиографический список

1. Золотова Г.А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М.: Наука, 1982. 368 с.
2. Ким И.Е. Теория референции: Материалы к спецкурсу // Референция и кореферентность. Вып.1. Красноярск: Красноярск. гос. ун-т, 1995. 38 с.
3. Абрамов Б.А. Теоретическая грамматика немецкого языка. Сопоставительная типология немецкого и русского языков. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. 285 с.
4. Eisenberg P. Grundriss der deutschen Grammatik. Der Satz. Stuttgart, Weimar, 1999. 458 S.
5. Plenzdorf U. Die neuen Leiden des jungen W. Rostock: Hinstorff Verlag, 1976. 148 S.
6. Das Parlament. 2006. № 42. S. 1-3.
7. Fandrych Ch. Klipp und Klar. Übungsgrammatik. Stuttgart: Ernst Klett International, 2000. 245 S.
8. Hohlbein W. Majestic – Die Saat des Todes. München: Heyne Verlag, 1997. 348 S.
9. Birkenhof G.M. Übungsbuch zur deutschen Grammatik. М.: Verl. für fremdsprachige Literatur, 1963. 287 S.
10. Brigitte. Das Magazin für Frauen. Hamburg. 2003. № 14. 270 S.
11. Bredel W. Auf den Heerstraßen der Zeit. Erzählungen. Berlin: Aufbau-Verlag, 1957. 571 S.
12. Winter U. Zum Problem der Kategorie der Person im Russischen. München, 1987. 337 S.
13. Кукушкина А.Т. О спорном в теории валентности // Разноразные характеристики лексических единиц. Смоленск, 2001. С. 76-81.

Сведения об авторе

Матвеева Ирина Владимировна
кандидат филологических наук
доцент кафедры немецкой филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: Iramatweewa@yandex.ru

УДК 811.111'42:070:32(47)

**ОБРАЗ СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОССИИ В
АНГЛОЯЗЫЧНОМ МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ:
ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Е.А. Пантелеева

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

На основе политических ценностей носителей английского языка рассматривается англоязычный медиадискурс в идеологическом аспекте путём выявления определённых идеологических компонентов, репрезентируемых с помощью средств идеологической оценки. Исследуется их приоритетная роль в моделировании и формировании образа современной политической России.

Ключевые слова: идеологичность, идеологическая оценка, медийный дискурс, образ России.

**The Portrayal of the Contemporary Political Situation in Russia in the English
Language Media Discourse: An Ideological Perspective**

Elena Panteleyeva

The article looks at the English language media discourse from an ideological perspective, singling out certain ideological elements, based on British political values and represented by various types of ideological evaluations. The research reveals the crucial role these ideological components have in creating the image of the contemporary political situation in Russia.

Key words: ideological elements, ideological evaluations, media discourse, image of Russia.

Общеизвестно, что, начиная со второй половины XX века, усиливается интерес к такой сфере речеупотребления, как массовая коммуникация, происходит становление понятия, определение свойств и функций «языка массовой коммуникации», среди которых значительную роль играет идеологическая функция, так как медийный дискурс в современном мире призван не столько изображать действительность, существующую объективно, сколько интерпретировать события с целью формирования у адресата определённых ценностных ориентиров и приоритетов.

Понятию «идеология», проблемам её взаимодействия с языком учёные уделяют внимание давно. В настоящее время в рамках когнитивной теории распространённым является определение Теуна ван Дейка, согласно которому идеология это основа представлений о

социальном устройстве членов социальной группы. Идеология имеет социокогнитивную природу, так как апеллирует идеями, когнитивными структурами, которые представляют интересы какой-либо социальной группы [1. С. 8].

Затрагивая вопрос о взаимосвязи языка и идеологии, некоторые авторы (Г.-Д. Вулф, Ф. Польценгаген, Р. Фаулер) полагают, что текст не может быть неидеологизированным [2. С. 249; 3. С. 66]. Это утверждение основывается на соответствии между стилем и идеологией: если любой текст стилистически маркирован, значит, он идеологичен. Думается, что данное положение обосновано, если под текстом понимается, в частности, фрагмент медийного дискурса. По справедливому замечанию Р. Тайво, ни одна новостная статья не может быть неидеологичной, нейтральной. В рамках его теории идеология относится к отношениям, убеждениям, ценностям и доктринам с обращением к религиозной, политической и экономической жизни, которые формируют мировосприятие человека или какой-либо группы и через которые конструируется и интерпретируется реальность [4. С. 221].

Вышеизложенное позволяет сформировать представление о феномене «идеологичность» применительно к медийному дискурсу, который можно определить как разновидность оценки, основанной на определённых политических ценностях и выявляемой путём лингвистического анализа. Представляется возможным выделить следующие средства и приёмы выражения идеологической оценки:

- оценочные лексические единицы (идеологемы, нейтральная лексика, употребляемая в определённом контексте);
- семасиологические средства (сравнение, метафора, эпитет, оксюморон, аллюзия);
- средства синтаксического уровня (анафора, эпифора);
- фонетические средства (аллитерация, рифма);
- интертекстуальные средства (цитация);
- смешение стилистических регистров.

При этом перечисленные средства выражения оценочности несут идеологическую нагруженность, при условии, что объектом оценки является политическая сфера жизни общества и её компоненты.

Традиционно в структуре идеологической оценки выделяются субъект, объект и основание [5. С. 332]. При анализе идеологической

составляющей медиадискурса субъектом следует считать автора статьи / редакцию газеты, объектом – политическую деятельность России, её государственный аппарат, представителей власти и их деятельность, а также деятельность государственных институтов. Основанием оценки является система политических взглядов британцев как отправная точка процесса оценивания. К политическим ценностям британцев традиционно относят следующие (К. Хьюитт, К. Фокс, Э. Сэмпсон):

- уважение монархической формы правления;
- почитание законов, а значит, и власти;
- справедливость;
- демократичность, включающую свободу слова, соблюдение прав человека, политическую свободу, доверие к власти [6. С. 168, 188; 7. С. 404, 405, 407; 8. С. 32, 43].

Именно эти политические взгляды и идеологические ценности лежат в основе оценки событий и явлений политической жизни России, отражённых в англоязычной качественной прессе. В рамках проведённого исследования анализировались новостные и аналитические статьи, отобранные из *The Guardian*, *The Economist*, *The Daily Mail*, вышедшие в декабре 2011 года. В результате представляется возможным вычленил следующие идеологические компоненты.

1. Компонент «диктатура».

В современном мире, стремящемся к демократическому политическому укладу, феномен «диктатура» воспринимается резко негативно. Сама лексема несёт отрицательное значение, так же как и лексемы “*the dictator*”, “*an autocrat*”, “his [Mr Putin’s] *strongman rule*” (the Guardian, December 9, 2011), “a period when he [Mr Putin] grew more *authoritarian*” (the Guardian, December 7, 2011), “*the pressure the Kremlin can apply to damp down dissent*” (the Daily Telegraph, December 3, 2011), “*regime*” (the Economist, December 10, 2011). Очевидно, что читатель видит российскую политическую систему давящей, несправедливой, репрессивной, а атмосферу в обществе – удушающей, о чём свидетельствует и метод правления, названный “a combination of more *repression* and *scapegoating*” (the Guardian, December 7, 2011). У адресата создаётся впечатление, что в России царит атмосфера сталинской эпохи, ассоциирующаяся с репрессиями, преследованиями, тоталитаризмом, отсутствием свобод. Ярким

примером служит употребление *аллюзии* в контексте анализа результатов парламентских выборов: “But after a long delay the result came in at 46.5%, supporting *Stalin’s famous maxim* that it is the counting rather than the voting that matters” (The Economist, December 10, 2011).

Многократное употребление в качестве синонимов к Mr Putin *перифрастических номинаций* “the former/ex- KGB agent / spy / man / officer” обращает читателей к стереотипному образу сотрудника КГБ, указывая на такие качества, как «работа на систему, против простых людей», «хитрость», «скрытность».

2. Компонент «монархия».

Общеизвестным является тот факт, что британцы, несмотря на кажущуюся архаичность этой формы правления, с уважением относятся к монархии, считая, что такое государственное устройство способствует прогрессивному развитию страны. Однако, сравнение российского премьер-министра, а ранее президента, с монархом на страницах британских газет несёт ироническую или презрительную окраску. Это связано с тем, что феномен «монархия» в контексте описания политической жизни России сопряжён с диктатурой и репрезентируется как авторитарная, тоталитарная форма правления.

Резко отрицательный аксиологический компонент содержится в следующем фрагменте: «... the elite are thinking ahead to their retirement and *lining* their children *up* for their positions” (the Guardian, December 6, 2011). Действие по передаче власти выражено *глаголом* “to line up”: 1) to form a row or arrange people or things in a row; 2) to make arrangements so that something will happen or that someone will be available for an event [9. С. 825]. Очевидно, что в данном контексте реализуется второй ЛСВ глагола line up: представители власти (элита) «греют места» для своих последователей с целью материального обогащения, обеспечения безбедного будущего своих детей.

В заголовке “Don’t bet on a *falling tsar*” (the Economist, December 10, 2011) лексема “tsar” относится к тематическому полю «монархия» и несёт эксплицитную пейоративную окраску, которая усиливается в сочетании с *метафорическим эпитетом* “falling”, несущим негативную оценку; статья посвящена сомнительной победе партии «Единая Россия», нисходящей популярности В.В. Путина и росту недовольства граждан, т.е. сам контекст обуславливает негативное восприятие как политической ситуации в стране в целом, так и отдельных представителей власти.

3. Компонент «однопартийность».

Европейцы, в частности жители Великобритании, положительно оценивают многопартийность как свойство здорового демократического государства. На страницах британских газет Россия представлена как страна с однопартийной системой, несмотря на заявленный статус развивающегося демократического общества, что вызывает резкую критику со стороны как субъекта идеологической оценки, так и адресата.

Данный идеологический компонент выражается, к примеру, в сочетании “*de facto one party state*” (the Daily Telegraph, December 5, 2011), в котором *определение de facto* подчёркивает авторитарный режим власти, не предполагающий наличие оппозиции. Актуализация компонента «однопартийность» происходит благодаря *модальному элементу* глагола “to allow” (“No serious opposition candidate *has been allowed to emerge*” (the Guardian, December 5, 2011), глаголу с пейоративным значением “to look down” (“in a state [Russia] that *looks down on opposition*” (the Guardian, December 5, 2011).

В следующем примере автор теряется в догадках, что из себя представляет баллотирующийся в президенты Михаил Прохоров, и проводит аналогию с политическим балетом, тщательно отрежиссированным для создания видимости существующей в России оппозиции: “One possibility is that Prokhorov is part of an *elaborately choreographed political ballet to create the illusion of a genuine opposition.*” (the Guardian, December 13, 2011).

Тот факт, что весомо большее представительство голосов в нижней палате имеет правящая партия, препятствующая принятию предлагаемых другими партиями законов, подтверждается *цитатным фрагментом*: “Gryzlov ... is notorious for inadvertently exposing the body’s *rubber-stamp* approach to politics by once publicly stating that “the Duma is not a place for discussion” (the Guardian, December 15, 2011). Приведённая в качестве доказательства тому, что законы в Думе «штампуются» без обсуждения, цитата придает вескость и убедительность информации, при этом снимая с автора ответственность за сказанное.

4. Компонент «отсутствие свободы слова».

Данный компонент вербализуется в том числе посредством идеологически заряженной *лексической единицы* “state-run” (“state-run media”, “state-run television”). Интересен *оксюморон* “stifling

independent media” (the Guardian, December 5, 2011). Прилагательное “independent” («независимый») в сочетании с интенсификатором “stifling” («удушающий») приобретает ироническое, даже саркастическое звучание, подчёркивая видимость свободы слова. Цензура, ангажированность, тенденциозность СМИ репрезентируются *образным оценочным средством* “the dead hand of the Kremlin censor” (the Daily Telegraph, December 3, 2011).

Свобода выражения мнения и информации – общепризнанное в Европе право человека, поэтому тот факт, что аудиовизуальные СМИ контролируются властью, подвергается критике в англоязычном медийном новостном и аналитическом дискурсах.

5. Компонент «коррупция».

Об актуализации этого идеологического компонента свидетельствует высокая частотность лексем “corrupt” (“corrupt regime / prosecutors”), “corruption”. Явный негативный аксиологический потенциал имеют следующие типично функционируемые в качестве определений к существительному corruption *прилагательные* “rampant” («бесконтрольный»), “ingrained” («укоренившийся»), а также экспрессивный гиперболический *эпитет* “egregious” («вопиющий»), используемый при описании нарушений при проведении парламентских выборов: “one egregious case of corruption” (the Guardian, December 7, 2011). В целом, ситуация в стране характеризуется сочетанием “with corruption rife”, которое отличается высокой степенью экспрессивности (if something bad or unpleasant is rife, it is very common [9. С. 1220]). Целям актуализации данного идеологического компонента служит употребление ЛЕ «slew», относящейся к разговорному стилю (*informal* a large number of), – “a slew of corruption scandals”. При этом *смешение стилистических регистров* усиливает негативный прагматический эффект.

6. Компонент «недоверие к власти».

Выделенный компонент содержится в существительных “rebuke”, “wrath”, “indignation”, “contempt”, дающих характеристику отношения граждан к своему правительству. Британцы отличаются весьма высоким уровнем доверия к власти, и противоположное отношение вызывает критику и неодобрение с их стороны. Следующий пример иллюстрирует негативное отношение российских граждан к премьер-министру: “Mr Putin was booed at a martial arts

contest” (the Economist, December 10, 2011) – “to boo” – to show that you *do not like* a person, performance, idea etc. [9. С. 138].

Интересным с точки зрения экспрессивной и идеологической маркированности является заголовок “Mr Putin: gremlin in the Kremlin” (the Daily Telegraph, December 5, 2011). Коммуникативно-прагматический потенциал этого шуточного, поддразнивающего *прозвища* можно объяснить посредством дефиниционного анализа лексемы gremlin: an imaginary evil spirit that is blamed for problems in machinery, especially when no scientific explanation can be found [9. С. 624]. *Аллитерация* (gr, kr) и *рифма* (gremlin-Kremlin) усиливают ироническую прагматическую заряженность номинации. Важно отметить, что статья посвящена анализу причин падения популярности В.В. Путина при кажущемся прогрессивном развитии страны. Автор статьи пытается объяснить причины существующего на момент парламентских выборов недоверия к власти следующим образом: если в период политического, экономического и социального подъёма страны успехи ассоциировались с В.В. Путиным, то и сбой в механизме работы Кремля граждане связывают с ним же. Таким образом, обвинения премьер-министра в имеющихся неудачах не обоснованы.

7. Компонент «притворство, игра».

Наличие этого компонента можно продемонстрировать следующими фрагментами, характеризующими парламентские выборы. Авторы актуализируют *метафорическую модель* «Политика – это театр», проводя параллель между политическими событиями и театрализованными действиями. Это подтверждает следующая развёрнутая *метафора*: “Was it a genuine example of the *Petrushka effect*, when a puppet rebels against puppet master? Or was it a part of another, and yet *unpublished script*?” (the Guardian, December 13, 2011). В данном контексте независимый кандидат М. Прохоров сравнивается с марионеткой, тогда как В.В. Путин – с кукловодом.

В целом, проводимая В.В. Путиным и партией «Единая Россия» политика вообще и предвыборная кампания в частности сравниваются с шоу, о чём свидетельствует употребление словосочетания “the Putin show” и других единиц лексико-семантического поля «театральная игра»:

- “300-minute long *spectacle*” (the Guardian, December 15, 2011) о беседе В.В. Путина с избирателями в прямом эфире;

- “actor”, “play” о М. Прохорове и предвыборной гонке: «The principal actor of this shadowy play is expected to be Mikhail Prohorov” (the Guardian, December 15, 2011);

- линия политики, которой придерживаются президент и премьер, сравнивается со сценарием, запрограммированным и предсказуемым ходом событий: “The plot looked like it could have a different ending”(the Daily Telegraph, December 5, 2011).

Проведённый анализ показал, что медийный дискурс всегда идеологичен, при этом автор оперирует стилистическими средствами и приёмами, репрезентирующими его мировоззренческую позицию и оценку происходящему в политической жизни той или иной страны. Таким образом реализуется мировоззренческая функция медийного дискурса, способствующая отражению системы политических ценностей автора и представляющая аудитории видение событий сквозь призму его идеологических ориентиров. С другой стороны, средства и приёмы идеологической оценки имеют мощный прагматический потенциал и способствуют выдвиганию и актуализации манипулятивных характеристик медийного дискурса, конструирующих в сознании реципиента заданную автором картину событий.

Библиографический список

1. Teun A. van Dijk. Ideology. A Multidisciplinary Approach. London, Thousand Oaks, New Delhi: SAGE Publications Ltd, 1998. 365 p.
2. Wolf H.-G., Polzenhagen F. Conceptual Metaphor as Ideological Stylistic Means: an exemplary analysis // Cognitive Linguistics Research. Cognitive Models in Language and Thought: Ideology, Metaphors and Meanings. Berlin: Walter de Gruyter GmbH&Co, 2003. P.246-276.
3. Fowler R. Language in the News: Discourse and Ideology in the Press. London: Routledge, 1991. 264 p.
4. Taiwo R. Language, Ideology and Power Relations in Nigerian Newspaper Headlines // Nebula 4.1, March 2007. P.218-245.
5. Ретунская М. С. Английская аксиологическая лексика: Дис. ... докт. филол. наук. СПб., 1998. 440 с.
6. Хьюитт К. Понять Британию. Реальность западной культуры для озадаченного гостя из России / Пер. с англ. Пермь: Книжный мир, 1992.

7. Fox K. *Watching the English. The Hidden Rules of English Behaviour*. London: Hodder, 2005. 264 p.
8. Sampson A. *Who Runs this Place? The Anatomy of Britain in the 21st Century*. London: John Murray (Publishers), 2004. 418 p.
9. *Longman Dictionary of Contemporary English*. Pearson Education Limited, 2000. 1764 p.

Сведения об авторе

Пантелеева Елена Алексеевна
аспирант кафедры английской филологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: elen20607@mail.ru

УДК 811.161.1'366:81'276.45

**МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ АРГОТИЗМОВ ПРИ
ПЕРЕХОДЕ В ОБЩЕНАРОДНЫЙ ЯЗЫК
(на материале русского языка)**

Н.А. Романова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье представлены результаты изучения морфологических особенностей перехода арготизмов в общенародный язык. Анализ морфологических изменений бывших арготизмов осуществлялся в контексте задачи выявления особенностей их перехода на всех уровнях языка из криминальной сферы в сферу общего употребления.

Ключевые слова: арготизм, морфология, часть речи, род, число, словоформа.

**Morphological Alterations of Argotic Expressions in Their Transition
to Normative Russian
Natalia Romanova**

The article presents the results of research into morphological alterations in criminal slang terms as they transition into normative Russian. Analysis of these morphological alterations, based on standard Russian dictionaries, is done in the context of a wider task of identifying and explaining changes that happen on every level of the Russian language as slang terms transition from the criminal subculture into general usage.

Key words: argotic expressions, morphology, part of speech, gender, number, word form.

В настоящее время наблюдается переход крупного пласта арготической лексики [1] в общенародный язык, который сопровождается рядом изменений на всех уровнях языка, в том числе и на морфологическом. На предыдущем этапе исследования у лексем, осуществивших такой переход, были выявлены следующие особенности на семантическом уровне:

1. Значения бывших арготизмов меняются на противоположные.
2. Сохраняются некоторые значения, при этом а) появляются новые, б) исчезают прежние.
3. Осуществляется смешанный переход: а) расширение значения с прибавлением новых значений; б) потеря прежних значений (сужение) с обязательным прибавлением новых.
4. Происходит сужение значения: а) прямое, б) с потерей значений.

5. Происходит расширение значения: а) прямое, б) по общей семе.

В данной статье выявляются и описываются морфологические особенности бывших арготизмов, укрепившихся в общенародном языке. Для достижения этой цели решаются следующие задачи: выявление характера морфологических изменений арготизмов при переходе в общенародный язык и систематизация полученных результатов, а также фиксация изменений, сопутствующих морфологическим.

Арготическая лексика исследуется учеными на протяжении нескольких веков (В.И. Даль, В.М. Жирмунский, Л.И. Скворцов и др.). В этих трудах рассмотрены различные аспекты функционирования арготизмов, но вопросы перехода этих лексем в общенародный язык освещены менее детально.

В ходе данного исследования внимание уделяется не всему лексическому корпусу арготизмов (как у Е.Г. Тонковой) [2], а тем лексемам, которые перешли из арго в общенародный язык с сохранением лексического значения. Обращает на себя внимание то, что некоторые арготизмы при таком переходе меняют свою частеречную принадлежность. В то время как изменения на уровне семантики, сопровождающие переход лексем из арго в сферу общего употребления, свойственны арготизмам, относящимся к основным частям речи, морфологическим изменениям в большей степени подвергаются арготизмы – имена существительные.

В «Большом толковом словаре русского языка» [3] слово *ажур* в значении «идеальный порядок» (что соответствует значению арготизма «порядок») обозначается как употребляющееся «в функции сказуемого», то есть является наречием или словом категории состояния, а в «Толковом словаре русского жаргона» [4] это слово значится как существительное:

Таблица 1

ТСРЖ 2006	БТС 2000 (2008)
Ажур , -а, м. Порядок	Ажур 2 -а, м. 2.1 нареч. бухг. Осуществление бухгалтерских записей в день совершения операции; строгое выполнение учетно-вычислительных операций в

	строго установленные сроки; 2.2 в функц. сказ. разг. Идеальный порядок
--	---

Из второго примера видно, что лексема *кранты* в нормативных словарях обозначается как слово, функционирующее в роли сказуемого, в «Большом толковом словаре русского языка» указано, что это именно междометие, в арго же лексема является существительным и в предложении играет роль, свойственную существительному (подлежащее, дополнение).

Таблица 2

ТСРЖ 2006	БТС 2000 (2008)	ТС 1992
Кранты , -ов, мн. 1. Конец чего-л.; 2. Смерть; близкая смерть	Кранты межд. в функц. сказ. жарг. Все кончено; конец	Кранты в знач. сказ., кому прост. Конец (в 5-м знач.), каюк, капут

В случаях, когда лексема не меняет при переходе частеречную принадлежность, изменения происходят на уровне категории числа и рода. Часто лексемы, перешедшие из арго с коррекцией категории числа, не имеют собственных словарных статей, а находятся в словообразовательном гнезде однокоренного слова, форма которого строится по правилам русского языка.

Таблица 3

ТСРЖ 2006	БТС 2000 (2008)
Глюк , -а, м. Галлюцинации от действия наркотиков и алкоголя	Глюк (в словообразовательном гнезде сл. Глюки) Глюки , -ов, мн. (ед.ч. глюк, -а, м.) жарг. 1. Галлюцинации, вызванные действием наркотика; 2. О странностях поведения, поступках
Бакс 1. -а, м. Вор; 2. -а, м. Доллар	Бакс (в словообразовательном гнезде Баксы, -ов, мн. ч.) жарг. Доллары США

Значение арготизма, перешедшего в общенародный язык, фиксируется в нормативном словаре с ограничениями. Так, лексема

фара в значении «глаза» имеет помету «только мн.», как и лексема *буфера*:

Таблица 4

ТСРЖ 2006	БТС 2000 (2008)
Фара 1. -ы, ж. Глаз; 2. -ы, ж. Легковая машина; 3. -ы, ж. Сигнал опасности	Фара (в словообразовательном гнезде слова Фара, фар) 2. только мн. фары, фар жарг. Глаза
Буфера , -ов, мн.ч. Женская грудь	Буфера (в словообразовательном гнезде сл. Буфер) Буфера, -а, мн. Буферов. 4. только мн.ч. шутл. О большой женской груди

В рамках категории рода могут быть следующие изменения:

Таблица 5

ТСРЖ 2006	БТС 2000 (2008)	ТС 1992	СРЯ 1985
Балабол , -а, м. Болтун	Балабол , -а, м. разг. Болтун, пустослов	Балабол , -а, м. разг. То же, что балаболка (-и, м. и ж.); разг. Человек, любящий заниматься пустой болтовней, пустомеля	Балаболка , -а, м. и ж. разг. Болтун, пустой человек
Балда 1. -ы, ж. Голова; 2. -ы, ж. Долото; 3. -ы, ж. Мужской	Балда , -ы, м. и ж. 1. разг.-сниж.; 1.1. О бестолковом, глупом человеке. 1.2. шутл.	Балда , -ы, м. и ж. прост, бран. Бестолковый человек, дурак	Балда 1. -ы, ж. устар. Тяжелый молот, употребляющийся при горных работах и в кузницах;

половой член; 4. -ы, ж. Ложь; 5. -ы, ж. Наркотик; 6. -ы, м. 6.1. Ночной сторож; 6.2. Караульщик; 6.3. Часовой; 6.4. Начальник ИТУ; 7. -ы, м. 7.1. Солнце; 7.2. Луна; 7.3. Электрическая лампочка	О голове человека < в знач. нареч. разг. Ради развлечения, в шутку <i>По балде</i> в знач. нареч. разг. Выпив, спьяну <i>Под балдой</i> в зн. нареч. разг. Находясь в состоянии алкогольного или наркотического опьянения		2. -ы, ж. устар. и обл. Шишка, нарост (на дереве); утолщение; 3. -ы, м. ж. Бестолковый, глупый человек
---	---	--	---

Из первого примера видно, что лексема *балабол* в словаре 1985 года зафиксирована применительно к мужскому и к женскому роду, в то время как в арго данное слово относится только к мужскому роду. Примечательно, что в толковом словаре С.И. Ожегова и А.Ю. Шведовой [5] 1992 года лексема, хотя уже фигурирует как *балабол* (мужской род), тем не менее допускается форма *балаболка* (мужской и женский род). В Большом толковом словаре 2000 года форма слова *балабол* совпадает с формой и родовой отнесенностью арготизма.

Пример лексемы *балда* (см. таблицу 5) интересен тем, что такая лексема существовала в общенародном языке, но функционировала со значениями, которые не были актуальны для аналогичного слова в арго. Значение «голова» (первое значение арготизма) зафиксировано только в Большом толковом словаре 2000 года с формулировкой «о голове человека». Таким образом, очевидно, что арготизм перешел в общенародный язык, сохранив свое лексическое значение, но в той родовой форме, которая была свойственна данной лексеме до перехода из арго.

Морфологические изменения при переходе арготизмов в общенародный язык могут происходить в рамках словоформы. Обычно арготизм имеет в качестве варианта употребления форму, которая не свойственна правилам русского языка. Интересно, что

такие лексемы при переходе в общенародный язык с сохранением лексического значения фиксируются в общенародных словарях именно в той форме, которая ближе к правилам русского языка.

Из первого примера видно, что «Большой толковый словарь русского языка» фиксирует вариант лексемы *водила*, игнорируя другой арготический вариант – *водило*. Во втором примере глагол *понтиться* в «Толковом словаре русского жаргона» М.А. Грачева зафиксирован как возможно недостаточный (т.е. глагол, у которого отсутствует форма 1 лица ед.ч.), в «Большом толковом словаре русского языка» под редакцией С.А. Кузнецова этот же глагол зафиксирован только как *недостаточный*.

Таблица 6

ТСРЖ 2006	БТС 2000 (2008)
Водила (о) -ы, м. Шофёр	Водила -ы, м. разг.–сниж. Водитель автомашины; шофёр.
Понтиться -тюсь(?), -тишься несов. 1. Показывать мнимое превосходство; 2. Верховодить	Понтиться -тишься, несов. жарг. Проявлять понт (жарг. апломб, гонор, кураж) в поведении; вести себя заносчиво

Итак, на данном этапе исследования удалось выявить, что при переходе в общенародный язык арготизмы претерпевают следующие изменения в области морфологии:

1. Смена частеречной принадлежности. Наиболее частотным является переход имени существительного в наречие или слово категории состояния. Такая тенденция указывает на то, что арготизмы-существительные семантически более динамичны, чем имена существительные исконно общего употребления.

2. Изменения в рамках категории числа: а) отсутствие собственной словарной статьи у бывших арготизмов в идентичной форме числа; б) ограничения в употреблении. Преобладают случаи, когда арготизм, имеющий в арго форму единственного числа, закрепляется в толковых словарях русского языка как существительное в форме множественного числа.

Если слово в общенародном языке имеет нейтральное, общепринятое значение и употребляется как в единственном, так и во

множественном числе, в значении, которое приобретает лексема за счет присоединения арготизма, за лексемой закрепляется форма множественного числа.

3. Изменения в рамках категории рода. При переходе арготизмов в общенародный язык наблюдается процесс смещения плана родовой отнесенности.

4. Изменения внутри словоформы. Подобные изменения чаще всего связаны с вариациями таких морфем как флексии и аффиксы в рамках одной словоформы.

Библиографический список

1. Грачев М.А. Русское арго: Монография. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 1997. 246 с.
2. Тонкова Е.Г. Морфологические особенности речевого субстрата (на материале русского арго): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2007.
3. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
4. Грачев М.А. Толковый словарь русского жаргона. М.: Юнвес, 2006. 704 с.
5. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 955 с.

Принятые сокращения

БТС 2000 (20008) – Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

ТСРЖ 2006 – Грачев М.А. Толковый словарь русского жаргона. М.: Юнвес, 2006. 704 с.

ТС 1992 – Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 955 с.

СРЯ (САН) 1985 – Словарь русского языка. В 4 т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1985.

Сведения об авторе

Романова Наталья Андреевна
аспирант кафедры русской филологии и общего языкознания
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова.
E-mail: rom.aan@mail.ru

УДК 811.111'373

ИЗУЧЕНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПРОСОДИИ СЛОВА НА БАЗЕ АНАЛИЗА КОРПУСОВ*

М.В. Сергеева, В.В. Денисова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье рассматривается конструирование феномена глобализации на материале корпуса текстов современного американского английского языка. Анализ контекстов, содержащих прилагательное *global*, позволяет выявить семантическую просодию данной лексемы. Корпусные данные демонстрируют, что слово *global* обладает негативной семантической просодией в современном англоязычном социуме.

Ключевые слова: семантическая просодия, корпус текстов, глобализация, частотность, сочетаемость.

Corpus Analysis as a Source of Determining Semantic Prosody of a Word

Marina Sergejeva, Vera Denisova

The paper focuses on the construction of globalization in the texts of 2010 from the Corpus of Contemporary American English. The context analysis of the adjective *global* reveals its typical collocations and demonstrates the negative semantic prosody of this word in the modern English speaking world.

Key words: semantic prosody, text corpus, globalization, frequency, collocation.

Одним из важных терминов корпусной лингвистики является понятие семантической просодии (*semantic prosody*), определяемой как оценочное отношение говорящего к содержанию высказывания, обозначение информации как позитивно или негативно окрашенной [1]. Семантическая просодия связана с оценочным значением, но реализуется в единицах бóльших, чем отдельное слово: учитывается слово и его окружение. В рамках теории семантической просодии высказывается мнение о том, что каждое слово «подготовлено», или «настроено» (*primed*) теми контекстами, в которых мы его обычно встречаем. Изучение семантической просодии слов стало возможным с появлением методик работы с корпусами. Так, на материале анализа контекстов, в которых употреблялись глаголы *happen* и *set in* в корпусе текстов *Cobuild Corpus* в 1980-е годы, было установлено, что

* Статья подготовлена в ходе выполнения НИР в рамках НОЦ междисциплинарных исследований языка и культуры ГОУ ВПО НГЛУ при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг.

эти слова традиционно ассоциируются с неприятными событиями [1. С. 133], то есть они имеют негативную семантическую просодию (*bad/negative/unfavourable prosody*). Знание семантической просодии является неотъемлемой составляющей коммуникативной компетенции говорящих на данном языке. Именно это знание позволяет нам употреблять слова в нужных контекстах, а намеренно нарушая семантическую просодию слова, мы можем придать высказыванию ироническую окраску [1. С. 132-133]. Таким образом, категория семантической просодии значима как с теоретической точки зрения (как аспект конструирования значимых для данного социума концептов), так и с прикладной (как необходимая составляющая для формирования коммуникативной компетенции говорящего).

Задачей настоящего исследования является анализ семантической просодии прилагательного *global* в корпусе текстов современного американского английского языка за 2010 год, что даст возможность установить характер восприятия обществом феномена глобализации. Цель исследования – деконструкция глобализации как комплексного процесса в англоязычном мировом сообществе. Язык при этом, с позиций социального конструктивизма, трактуется как инструмент, конструирующий социальную реальность (Д. Камерон, П. Экерт, С. МакКоннелл-Джине и др.). Глобализация, таким образом, предстаёт как динамичный продукт дискурса данной эпохи, конструируемый в различных типах текстов.

The Corpus of Contemporary American English (далее СОСА), созданный Марком Дейвисом в 2008 году, является крупнейшим из корпусов текстов, находящихся в свободном доступе. В настоящее время объём корпуса – более 410 миллионов слов из текстов за период с 1990 по 2012 год. В ежегодно обновляемом корпусе в равной мере представлены тексты пяти основных типов: устные тексты (*spoken*), т.е. стенограммы теле- и радиопередач; художественные тексты (*fiction*); популярные журналы (*popular magazines*) различной тематической направленности; тексты из американских газет (*newspapers*); научные журналы (*academic journals*) [2]. Представляется, что именно СОСА может предоставить наиболее репрезентативный материал для описания сочетаемости и семантической просодии лексемы *global*. Преимущества СОСА становятся очевидны при сравнении его с другими популярными

корпусами. Так, помимо внушительного объёма, СОСА ежегодно обновляется текстами объёмом 20 миллионов слов, включает самый высокий процент устных текстов, а также является единственной базой данных такого рода, позволяющей отслеживать изменения в частотности языковых единиц.

Базой для анализа послужили контексты, включающие прилагательное *global*, из всех представленных в корпусе текстовых жанров за 2010 год (всего 1188 вхождений). Исследование семантической просодии данной лексики позволяет получить комплексную характеристику конструкта глобализации в англоязычном мировом сообществе. Анализ контекстов, в которых встречается прилагательное *global* в 2010 году, позволяет сделать вывод, что данное слово обладает негативной семантической просодией, так как употребляется главным образом в негативных контекстах. Выводы о негативной семантической просодии делаются не только на основании сочетаемости с лексемами, у которых отрицательная оценка входит в денотативное значение, но и на базе контекстуальных коннотативных смыслов, поэтому лексема *global* рассматривалась в более широких текстовых фрагментах, представленных в корпусе в ссылках “*Expanded context*”.

Иногда негативная семантическая просодия выявляется уже на уровне словосочетания, то есть прилагательное *global* выполняет атрибутивную функцию в словосочетании, ядром которого является негативно оценочная лексема: *global chaos, global catastrophes, global bloodshed, global inequalities, global injustice, global crisis, global recession, global threats, global problems, global scandal, global war, global terrorist, global jihadists, the global Apocalypse, global infertility, global degradation, global decline in freedom, global food shortages, global poverty and violence* и т.п.

В ряде случаев лексема *global* сочетается с оценочно нейтральными номинациями, однако более широкий контекст делает очевидным, что в данных высказываниях говорится о явлениях, которые воспринимаются как негативные. Так, например, коллокация *global economy* вне контекста не несёт в себе негативной информации, но в содержащих это сочетание текстовых фрагментах часто выясняется, что речь идёт о неблагоприятных ситуациях в мировой экономике, ставящих под угрозу её нормальное функционирование: *threatened to destroy the global economy, blow up the global economy,*

uncertain global economy of the future, drove the global economy into a ditch, bad news for the global economy и т. п. Даже в контекстах, где мировая экономика описывается как то, к чему необходимо стремиться, как правило, идёт речь о проблемах, возникающих на пути к ней: *We are living an incredible contradiction. We want to live in a global economy, but every day we make it more difficult to go across the border.*

Аналогичным образом оценочно нейтральные, в том числе терминологические, сочетания (*global market, global trade, global issues, global phenomenon, global outlook, global picture, on a global scale, global citizens, global branches* и пр.) (а) и даже позитивно окрашенные сочетания (*global stability, global recovery, global conquest*) (б) также часто употребляются в негативных контекстах. Приведём примеры:

(а) ... *global trade is now stagnant after dropping significantly last year...*;

The firm's failure shook global markets...;

...great global issues, from war to violence...;

Pakistan and its troubles with terrorism are once again the subject of a global debate;

...to adopt a global outlook on the HIV/AIDS crisis;

Little improvement has occurred in the global picture;

(б) ...*a threat to global stability...*;

That might harm the global recovery...;

A herd of horny hamsters would stand a better chance of global conquest...

Число контекстов, в которых прилагательное *global* демонстрирует негативную семантическую просодию, существенно превосходит число нейтрально-оценочных контекстов. Так, одно лишь сочетание *global warming* зарегистрировано в 207 контекстах, что составляет одну шестую часть от общей доли вхождений. При этом значительная часть контекстов, где слово *global* не имеет негативных ассоциаций, включает названия организаций (*Global Green Initiative, Global Pharmaceuticals*), мероприятий (*Global Economic Summit*) и должностей (*Toyota's top global executive, global issues analyst* и пр.).

Даже сочетания *global justice* и *global stability* встречаются в контекстах, где мировая справедливость и стабильность описываются

как пока недостижимые состояния, к которым необходимо стремиться, прилагая совместные усилия, и которые находятся под угрозой: *organizations work toward global justice; a broader and more fundamental threat to global stability; would contribute to global stability and security if it is managed properly*. Сочетание же *global harmony* встречается в ироническом контексте: *As a hymn to global harmony lisped by multicultural dancing dolls at a West Coast amusement park reverberated inside his skull, Scheidt wondered if the cure was worse than the disease*.

Что касается примеров, где речь идёт о позитивно оцениваемых событиях или явлениях, они крайне немногочисленны (всего 25 контекстов из 1188) и включают такие сочетания как *global popularity, global audience, global celebrity, gloriously global, a global pop star, global confidence, global solidarity, global stock-market boom, best global brands* и т. п.

Как видим, лексема *global*, как правило, ассоциируется с событиями, процессами и состояниями, воспринимаемыми как негативные, вызывающими тревогу, неуверенность, страх, а также вызывающими желание или необходимость оказать противодействие. Таким образом, работа с корпусами позволяет не только отслеживать частотность данной языковой единицы в ту или иную эпоху, её типичную жанровую принадлежность и лексическую сочетаемость, но и выявляет оценочные особенности концептуализации данного феномена.

Библиографический список

1. Partington A. 'Utterly content in each other's company': Semantic prosody and semantic preference // *International Journal of Corpus Linguistics*. №9:1, 2004. P. 131-156.
2. The Corpus of Contemporary American English // Электронный ресурс Интернет: <http://corpus.byu.edu/coca/>

Сведения об авторах

Сергеева Марина Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры английского языка
переводческого факультета
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: msergeyeva@mail.ru

Денисова Вера Владимировна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
факультета международных отношений, экономики и управления
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: denisova@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ КУЛЬТУР

УДК 82.091

ЦВЕТОЧНАЯ И РАСТИТЕЛЬНАЯ СИМВОЛИКА В ТВОРЧЕСТВЕ НЕМЕЦКИХ И РУССКИХ РОМАНТИКОВ

Н.М. Ильченко

*Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина, Нижний Новгород*

Статья посвящена формированию национальной модели мира в эпоху романтизма. В этом процессе активно участвуют цветочные и растительные символы, которые присутствуют в творчестве писателей Германии и России. Флоропоэтика является яркой доминантой произведений Новалиса, Э.Т.А. Гофмана, К.С. Аксакова и В.Ф. Одоевского.

Ключевые слова: флоропоэтика, условный язык цветов, символ, национальная картина мира, литературная традиция.

Floral Symbolism in the Works of German and Russian Romantics Natalya Ilchenko

The article describes the development of the national world picture in the Romantic period, analyzing floral symbols and their significance in the works of German and Russian writers and identifying floral poetics as a dominant feature in the works of Novalis, E.T.A. Hoffmann, K.S. Aksakov and V.F. Odoevsky.

Key words: floral poetics, figurative language of flowers, symbol, national picture of the world, literary tradition.

Зарождение и развитие садово-парковой культуры, распространение восточных традиций, связанных с различными формами скрытого общения (в частности, с помощью цветочного шифра), способствовали формированию во второй половине XVIII века своеобразной этикетно-бытовой культуры в европейских странах.

Увлечение «языком цветов» становится атрибутом многих литературных произведений. Французские писатели конца XVIII – начала XIX в. использовали цветочный язык. В романах Б. де Сен-Пьера «Поль и Виржиния» (1787), барона Ж.-А. де Реверони Сен-Сира «Сабина Герфельд, или Опасности воображения» (1798),

повестях Ф.Р. де Шатобриана «Атала» и «Рене» (1802) присутствуют шифры цветочных символов. Во Франции были изданы многочисленные пособия по «языку цветов», которые в подлинниках и переводах появились в начале XIX в. в других европейских странах, в том числе и в России [1. С. 72-73]. Французский вариант восточного «языка цветов» находит отражение в жанре светской романтической повести, которая запечатлела повседневный быт русского дворянства (произведения Н.Ф. Павлова, Е.А. Ган, В.А. Соллогуба и др.).

В эпоху романтизма происходит создание своеобразной цветочной и растительной символики не только на основе этикета, основанного на статусном восприятии цветов и растений. При создании флористических образов немецкие и русские романтики опираются на народную культуру, национальную мифологию, христианскую символику.

В творчестве ранних и поздних немецких романтиков создавался своеобразный цветочный код, истоки которого сформулировал еще в XVII в. Я. Беме: «И хотя животное тело подлежит истлению, однако сила его остается жить, из силы вырастают прекрасные розы и цветочки» [2. С. 316]. В романе Новалиса «Генрих фон Офтердинген» (1802) Сильвестр говорит Генриху о растениях как «о самом непосредственном языке почвы»: «Каждый новый листик, каждый причудливый цветок являет некую тайну, пробившуюся наружу» [3. С. 331].

Особенно часто используются у немецких романтиков образы женщины-цветка. В снах молодого и старого Офтердингена голубой цветок ассоциируется с женскими образами. При этом сон отца более приземлен: его цветок воплощает христианское земное счастье. Отец Генриха видит свою будущую жену с младенцем на руках. Голубой цветок Генриха предстает в мистико-символическом ореоле. Из его лепестков, образовавших широкий голубой «воротник», показалось «нежное лицо» [3. С. 209]. На поиски прекрасной девушки и отправляется герой. Путь к ней, поиски голубого цветка символизируют искание тайны Вселенной, смысла жизни. Все это является художественной иллюстрацией мысли Ф. Шеллинга о женственности как о начале, составляющем основу бытия.

Голубой Цветок-Матильда (Новалис. «Генрих фон Офтердинген»), роза Аврелия (Гофман. «Эликсиры сатаны»), Гамахея, родившаяся из тюльпанной чашечки (Гофман. «Повелитель

блех»)), Мирточка, появившаяся на миртовом дереве (К. Брентано. «Мирточка»), подруга королевича, превращенная в гвоздику (Я. и В. Гримм. «Гвоздика») и др. – не полный перечень образов женщины-цветка. Она обычно прекрасна и совершенна. С помощью женщины-цветка герой постигает смысл жизни. Сильвестр в «Генрихе фон Офтердингене» Новалиса говорит, что каждой весной земля обновляется «таинственным зеленым ковром любви»: «его странные письма понятны лишь тому, кто любим... Он будет вечно и ненасытно читать и с каждым днем постигать новый смысл, новые, все более и более пленительные откровения природы» [3. С. 332].

Ф. Шеллинг, создавший философию природы, полагал, что «произведения искусства должна быть свойственна такая же, если не большая реальность, чем творениям природы, образам, которые имеют такое же необходимое и вечное бытие, как людские поколения и растения, обладая одновременно индивидуальной и родовой жизнью и таким же бессмертием» [4. С. 113]. Именно на «почве» мифологии «расцветают и произрастают произведения искусства».

Цветы помогают Э.Т.А. Гофману создать свою модель Вселенной. В «Золотом горшке» (1814) приводится рассказ Линдгорста о любви юноши Фосфора к огненной Лилии. Регистратор Геербранд называет историю «восточной напыщенностью», но она не связана с этикетной символикой. Лилия у Гофмана – «прапрапрабабушка» Линдгорста. «Огненная лилия» – олицетворение Атлантиды, мира блаженства и гармонии: в блеске горшка «ослепительно чудесно отражается наше великолепное царство, каким оно теперь находится в созвучии со всею природою, а изнутри его в минуту обручения пусть вырастет огненная лилия» [5. С. 271]. «Великолепная лилия», выросшая из золотого горшка, является символом любви Ансельма и Серпентины. Волшебная Атлантида наполнена цветами: «Пламенные гиацинты, тюльпаны и розы поднимают свои прекрасные головки» [5. С. 296]. Лилия – своеобразный синоним сказочно-волшебной страны для автора, проводник в нее. Интересны слова писателя из дневника: «А я, несчастный, скоро уже через каких-нибудь несколько минут, я сам покину этот прекрасный зал, который далеко не есть то же самое, что имения в Атлантиде, окажусь в своей мансарде, и мой ум будет во власти жалкого убожества скудной жизни, и, словно густой туман,

заволокут мой взор тысячи бедствий, и никогда уже, верно, не увижу я лилий» [6. С. 215].

Мифологический план новеллы Гофмана «Повелитель блох» (1822) тоже связан с цветочной символикой. Девушка Эльвердинк, она же принцесса Гамахея – дочь сказочного короля Секакиса и Царицы цветов и бывший йенский студент Георг Пепуш – сказочный Цехерит, он же чертополох, – погибают в земной жизни, чтобы соединиться в мифологическом пространстве: «В середине сада между кустами стоял цветущий красивый кактус, опустив вниз поблекший цвет, а вокруг него обвился отцветший лиловый с желтым тюльпан. Стало быть, и чертополох, и тюльпан расцвели и отцвели вместе» [7. С. 418]. Их соединение в смерти символизирует обретение гармонии.

Нельзя ожидать точного понимания того, что обозначает цветок в общепринятом смысле. Попадая в индивидуальную картину мира писателя, значение не только может изменяться, но и иронически переосмысливаться. Тюльпан – символ любви, – по персидской легенде родился из крови и слез девушки, отправившейся в пустыню в поисках возлюбленного. У Гофмана девушка-тюльпан в придуманной «земной» жизни легкомысленна и непостоянна. Чертополох – символ долговечности и упорства (так как срезанное растение не сразу гибнет), в христианстве еще – символ земных страданий. Герой Гофмана в «реальном» пространстве новеллы оказывается несдержанным и обидчивым.

Самое высокое положение в иерархии символов христианства занимают роза и лилия. Они – самые часто используемые цветы немецких романтиков. Лицо Матильды в «Генрихе фон Офтердингене» Новалиса «казалось лилией, обращенной к восходящему солнцу» [3. С. 278]. Она «с детской грацией» дает Генриху «розу, которую носила на груди» [3. С. 290]. Использование сравнения Матильды с лилией – традиционно: означает чистоту и целомудрие. Владение восточным языком цветов проявляется здесь в жесте героини: цветок (роза – символ любви), поданный от груди, от сердца (или приколотый после подарка мужчины), означает любовь.

В «Детских и семейных сказках» (1812) братьев Гримм тоже используется символ цветка. Я. и В. Гримм дают героиням имена в соответствии с названием цветов – «Шиповничек», «Белоснежка и Алоцветик», «Рапунцель». Подобные имена встречаются и у

Гофмана: женой Перегринуса становится Розхен («Повелитель блох»), фея фон Розеншен, обладавшая способностью очаровывать («Крошка Цахес»). Бальтазар в стихотворении о любви соловья к алой розе под цветком воспевает возлюбленную. Однако у Новалиса и Гофмана цветочные символы наделены тайным смыслом.

С цветком у немецких романтиков связаны не только женские образы. В сказке братьев Гримм «Двенадцать братьев» их олицетворяют двенадцать белых лилий, в сказке «Птица-найденш» брат превращается в розовый куст, а сестра в розу на нем, олицетворяя единство мужского и женского начала. У Гофмана Георг Пепуш – пышноцветной кактус, у Новалиса в притче – Гиацинт др. В новелле Гофмана «Королевская невеста» (1820) господин Дапсуль предупреждает дочь, что «хитрый дух», чтобы соединиться с человеком «садится в цветок» [8. С. 168].

Символ цветка в немецком романтизме может выполнять функцию украшения. Бриллиантовый трон феи в новелле Гофмана «Неизвестное дитя» (1817) перевит гирляндами душистых лилий и роз. На ночном колпаке неприятного рассказчику старика из новеллы Гофмана «Эпизод из жизни трех друзей» (1818) «красовался огромный букет гвоздик» [9. С. 111]. Фея Розабельверда в «Маленьком Цахесе» Гофмана явилась «в блестящей белой одежде, опоясанная сверкающим алмазным поясом, с белыми и красными розами в темных кудрях» [10. С. 443].

Цветок может выполнять функцию помощника. Пажи идут с факелами из стеблей гвоздик в гофмановском «Щелкунчике». Цветок-волшебная палочка в сказке братьев Гримм «Йоринда и Йорингель» помогает герою спасти возлюбленную, превращенную ведьмой в птичку. «И вот приснилось однажды Йорингелю, что нашел он неведомый цветок, алый, как кровь, а в цветочной чашечке драгоценная жемчужина белеет. Сорвал он цветок, пошел с ним к замку, и к чему ни прикасался тем цветком, все освобождалось от злых чар» [11. С. 337]. С помощью неведомого цветка Йорингель превращает и других птиц, попавших к ведьме, в прекрасных девушек.

Неведомые цветы, чудесные цветы – цветы без названия (как голубой цветок) – часто встречаются в произведениях немецких романтиков. Так, в оранжерее Линдгорста «с обеих сторон до самой крыши подымались редкие чудесные цветы и даже большие деревья с

листьями удивительной формы» [5. С. 252]. Цветы немецких романтиков имеют часто необычную окраску. По легенде, лилия произошла от молока, ее естественный цвет – белый. Однако «куст пламенных красных лилий» оказывается халатом Линдгорста [5. С. 253], золотые лилии действуют в сказке братьев Гримм «Золотые дети», лилово-желтый тюльпан (Гамахея) у Гофмана и др. Первоначальное значение теряется в произведениях немецких романтиков, символический смысл приобретает новый цвет, а также форма цветов, стеблей.

«Язык цветов» у немецких романтиков проявляет себя не только через краски, но и через аромат и звуки. Герой гофмановской новеллы «Эпизод из жизни трех друзей» рассказывает об «интересном предчувствии», связанном с «цветочным запахом». С девушкой, пленившей воображение Северина, соединяется «сладкий запах роз», а со стариком – «страшный, пронзительный запах гвоздик»: «Роза и гвоздика сделали для меня символами жизни и смерти» [9. С. 111]. Благоухают розы (в гофмановском «Щелкунчике»), сладостное очарование охватывает всех, кто встретился с феей из новеллы «Маленький Цахес» в период цветения роз, «бальзамический запах» кактуса наполнил сад и весь дом в новелле Гофмана «Повелитель блох» [7. С. 418].

В русской литературе эпохи романтизма сложилась своя цветочная и растительная тайнопись. Если жанр светской повести в отечественной литературе вписывается во французскую литературную традицию, то жанр «таинственной» повести связан с немецкой традицией. Для анализа взяты две повести, созданные в 1836 году – «Вальтер Эйзенберг. Жизнь в мечте» К.С. Аксакова и «Сильфида» В.Ф. Одоевского. К.С. Аксаков (1817 – 1860) – участник кружка Н.В. Станкевича, поэт, автор фантастических повестей, в будущем славянофил. В.Ф. Одоевский (1803 – 1869) – председатель Московского кружка любомудров, поклонник философии Ф. Шеллинга, писатель, музыкальный критик.

Обе повести по многим признакам соотносятся с немецкой литературной традицией. На явное типологическое сходство с творчеством Гофмана (в рамках темы) указывает: 1) конфликт героя-энтузиаста Аксакова и Одоевского с окружающей средой; 2) система персонажей: Цецилия у Аксакова появляется в сопровождении своего опекуна – доктора Эйхенвальда, что соответствует ряду

гофмановских персонажей с демоническим началом: Дертье – Левенгук («Повелитель блох»), Серпентина – Саламандр («Золотой горшок»), Олимпия и профессор Спаланцани («Песочный человек»), Джульетта и доктор Дапертутто («Приключение в ночь под Новый год») и др. Любопытны в данном случае имена, избранные Аксаковым: Цецилия – особо почитаемая в католичестве святая, а Эйхенвальд (Eiche – дуб, Wald – лес) – дубовый лес; 3) мотив цветка у немецких и русских романтиков соединяется с другими, общими – а) стихийных духов: дочь воздуха Сильфида у Одоевского и Серпентина – дочь всемогущего князя духов Саламандра у Гофмана, б) с мотивом перстня или драгоценного камня (герой Одоевского попадает в иной мир с помощью бирюзового перстня, который превращается в опал, от которого идет солнечный свет, после этого он воспринимает мир как гармоничный, воплощение единства духа и материи. Сюжетообразующее значение имеет перстень в «Королевской невесте» Гофмана, а в «Повелителе блох» – карбункул), в) мотив томления – особенно значимый в немецком романтизме, начиная от В. Вакенродера и Новалиса, явно присутствует в отечественных «таинственных» повестях.

Цветочные и растительные символы в романтических повестях Аксакова и Одоевского тесно связаны с народными приметами и суевериями.

Героиня повести Аксакова «Вальтер Эйзенберг» Цецилия ассоциируется с березой: «возвышенный стан», «черные длинные волосы», «черные глаза», излучающие «чудную обаятельную силу», всегда белая одежда. Вальтер однажды ошибается, приняв березу за Цецилию: ему кажется, что ее «черные волосы зеленеют и шумят, руки поднимаются в сторону и кривятся, белое платье плотно облегает ее ровный стан» [12. С. 508]. Береза – символ женского начала. В старину «веткой березы девушка незаметно обносила парня, которого хотела приворожить» [13. С. 28]. В повести Аксакова сохраняется ритуальное значение березы, которое восходит к национальному контексту. Цецилия завораживает Вальтера: «ее голос звучит ласково», «слова растворены ласкою», сердце героя наполняется «сладким чувством», «сладкие сны» окружают Вальтера [12. С. 498-500]. Однако потом к радостным ощущениям и счастливому состоянию присоединяются страх, грусть, опустошенность.

Аксаков создает своеобразный дендрофлористический сюжет, в котором участвуют береза, клен, ива, ракета. В Древней Руси существовали священные рощи и обычай ритуального кормления деревьев [14. С. 69-72]. Цецилия ведет Вальтера в березовую, а затем в кленовую рощу, где говорит не о любви, а о своей ненависти.

Вальтер Эйзенберг – мечтатель, энтузиаст (как Ансельм, как Перегринус и др.), стремящийся познать тайну природы и перенести ее на полотно, что ему и удастся. Однако природа испугалась своего создания в образе художника. Действия героини Аксакова направлены на то, чтобы погубить молодого человека. Раскрытие тайны ее происхождения происходит в кленовой роще, «под навесом трех старых кленов» [12. С. 504]. В славянском фольклоре клен – одухотворенное дерево. «Распространен мотив превращения молодого мужчины в клен после того, как его проклинает недоброжелатель (чаще всего – мать или жена)» [15. С. 99]. Цецилия – возлюбленная Вальтера – берет на себя функцию «проклинающего недоброжелателя».

Цецилия – воплощение природы, ее связь с растениями естественна. Она говорит Вальтеру: «сама природа поставила нас в мире друг против друга и создала нас врагами. Давно уж возбудил ты мое мщение: теперь я достигла своей цели» [12. С. 505]. В шуме деревьев, в шепоте травы проклятый художник слышит обращенные к нему вопросы: «Куда, куда, милый Вальтер?». А.Н. Афанасьев в «Мифологии Древней Руси» поясняет, что «на древнем поэтическом языке травы, цветы, кустарники и деревья назывались волосами земли» [16. С. 47]. Произносимые травой и деревьями вопросы доводят Вальтера до горячки.

Обращает на себя внимание то, что у немецких романтиков чаще присутствует образ-символ сада, восходящий к христианскому учению о райском саду, полном прекрасных растений, реже – роща, например, «необозримая роща», ставшая синонимом сада-рая с розой как главным цветком, открывшаяся Ансельму в Атлантиде; иронически представленная «маленькая рощица» – убежище в «Повелителе блох» [7. С. 358]. В русских произведениях чаще встречается роща с конкретным обозначением – кленовая, березовая.

При создании образа Цецилии используются флористические иносказания, основанные на национальном колорите. Береза считается символом девичьей красоты, целомудренности [17. С. 138].

С кодом девственности, невинности и чистоты соотносится и повязка из белых лилий на голове Цецилии [12. С. 515]. Эта необычная женщина сыграла роковую роль в жизни художника. Подчиняясь ее обворожительному взгляду, Вальтер «видит и солнце, и небо, и поляну, и рощу, но только видит все это из глаз Цецилии» [12. С. 503]. Он воспринимает природу как живое существо: эльфы порхают по ветвям деревьев, по воде плывут наяды, «на каждом цветочке сидит сильфида и ловит лучи солнечные и росу вечернюю, умывает и разглядывает свой цветочек» [12. С. 503].

Сильфида – неземная возлюбленная героя из одноименной повести Одоевского. Она необычным образом появляется перед Михаилом Платоновичем и несет в себе тайну. В рукописной книге дядюшки скучающий герой находит рецепт: «чтобы видеть духов, носящихся в воздухе, достаточно собрать солнечные лучи в стеклянный сосуд с водою и пить ее каждый день» [18. С. 227]. Сильфида появляется из розы – «прекрасной», «пышной», «таинственной». Роза – один из самых распространенных мифопоэтических символов, символ любви, также символ тайны и эзотерического знания. Роза, как и береза, обладает привораживающим свойством [19. С. 118-127].

В лепестках розы Михаил Платонович видит «удивительное, невыразимое, невероятное существо», «прекрасную женщину в полном цвете лет», «чудо» [18. С. 232]. Роза – совершенный цветок, наделенный значением благодати. Комната Михаила Платоновича наполняется ароматом – «невыразимым благоуханием», он и догадывается о появлении возлюбленной по благоуханию цветка. Благодаря Сильфиде, герой, как и Вальтер Эйзенберг, становится «свидетелем великого таинства природы: «мы окружены другими мирами, до сих пор неизвестными» [18. С. 231]. В этом мире «звучат цветы, благоухают звуки» [18. С. 235]. Можно сравнить с Гофманом: в «Золотом горшке» «чудные ароматы веют, шелестя крыльями» [5. С. 297].

Особая роль розы в «языке цветов» связана с представлением о ней как метафоре чувственной любви. Обращаясь к Михаилу Платоновичу, Сильфида восклицает: «Я никогда не увяну: вечно свежая, девственная грудь моя будет биться на твоей груди! Вечное наслаждение будет для тебя ново и полно...!» [18. С. 238]. Ритуально-бытовая эмблематика («никогда не увяну») возведена в степень

художественного образа и подчинена идее вечной молодости («в моих объятиях невозможное желание будет вечно возможной сущест­венностью» [18. С. 238]).

Влечение Михаила Платоновича к духу воздуха сравнимо с любовью гофмановского Ансельма к золотисто-зеленой змейке. В отечественной повести союз со стихийным духом тоже рассматривается как возможность достижения гармонии.

Повесть «Сильфида» имеет подзаголовок «из записок благоразумного человека». Героя гонит в деревню «сплин». Он сначала восхищался соседями – их радушием, гостеприимством, чистосердечностью. Однако «прехорошеньких» дочек деревенских соседей, по его мнению, «нельзя сравнить с цветами, а разве с огородной зеленью, – тучные, полные, здоровые – и слова от них не добьешься» [18. С. 223]. «Огородная зелень» становится эмблематическим изображением его будущей жены. Платона Михайловича вылечили, разлучили с сильфидой, лишили сказочного мира: «он сделался совершенно порядочным человеком» [18. С. 241].

Русские героини-мечтатели, созданные Аксаковым и Одоевским, соприкоснулись с ирреальным миром, в котором необычная женщина делает их счастливыми и раскрывает «суть вещей». Происхождение героинь связано с деревом (Цецилия – береза) и цветком (Сильфида – роза). Обе они показаны обворожительно прекрасными, совершенными, познавшими тайну смысла жизни. Цецилия и Сильфида околдовали героев Аксакова и Одоевского. Однако Михаила Платоновича вернули к реальной жизни: вместо женщины-цветка он получил «огородную зелень». Познавший «суть вещей» и нашедший силы вернуться к творчеству, Вальтер Эйзенберг создал шедевр. К нему возвращается Цецилия и ставит условие: сожжение картины взамен на ее любовь. Художник выбирает смерть: он переселился на свое полотно, на котором были изображены прекрасные девушки. Мертвым было его тело, а «сам он, весь полный жизни, стоял на картине, окруженный тремя девушками» [12. С. 515].

В немецком романтизме изображение женщины-цветка связано с подземным миром. Возможно, этот интерес объясняется характером бога-прародителя германской мифологии Туисто, рожденного землей. В мире немецких сказок, в произведениях романтиков прослеживается интерес к подземному миру, к образу рудокопа, к низшим мифологическим персонажам – гномам. В русском

романтизме формируется национальный образ женщины-ангела, посланницы небесной сферы. Их происхождение связано со славянской мифологией. Древнейшая славянская богиня-прародительница – Олениха (Лосиха). Она – богиня неба, солнечного света, плодородия. Олениха посылает на землю Оленят, сыпавшихся из туч как дождь. Они и были первыми жителями земли. Спутницами древнего верховного бога славян Рода (бог неба, грозы и плодородия) были Рожаницы. Их основная функция – быть хранительницами жизни, берегинями. Именно этим объясняется охранительная функция женских образов в картине мира русских романтиков.

Таким образом, увлечение цветочными и растительными мотивами немецких и русских романтиков вписывается в общий контекст европейской культуры начала XIX века. При этом писатели основывались не столько на условный язык цветов, сколько на народную культуру, христианскую символику и создавали национальную картину мира. Литература Германии оказалась для русских романтиков той почвой, на которой произошло рождение своих идей-символов, в том числе и через флоропэотику.

Библиографический список

1. Басманова Э. Старинный цветочный этикет: цветочные традиции и цветочный этикет в частной и общественной жизни России XVIII – начала XIX века. М.: Белый город, 2011. 416 с.
2. Беме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении / Перевод А. Петровского. СПб: Азбука, 2000. 411 с.
3. Новалис. Генрих фон Офтердинген / Перевод З. Венгеровой // Избранная проза немецких романтиков. М., 1979. Т.1. С. 205-337.
4. Шеллинг Ф.В. Философия искусства / Под общей редакцией М.Ф. Овсянникова; Перевод с немецкого П.С. Попова. М.: Мысль, 1999. 608 с.
5. Гофман Э.Т.А. Золотой горшок / Перевод Вл. Соловьева // Гофман Э.Т.А. Собр. соч. в 8 т. М.: ТЕРРА – Книжный мир, 2009. Т.1. С. 217-298.
6. Гофман Э.Т.А. Жизнь и творчество. Письма, высказывания, документы / Составитель К. Гюнцель. М.: Радуга, 1987. 462 с.
7. Гофман Э.Т.А. Повелитель блох / Перевод М. Манн // Гофман Э.Т.А. Собр. соч. в 8 т. М.: ТЕРРА – Книжный мир, 2009. Т. VI. С. 265-420.

8. Гофман Э.Т.А. Королевская невеста / Перевод А. Соколовского // Гофман Э.Т.А. Серапионовы братья: Соч. в 2 т. Минск: Navia Vorionum, 1994. Т.2. С. 158-196.
9. Гофман Э.Т.А. Эпизод из жизни трех друзей / Перевод А. Соколовского // Гофман Э.Т.А. Серапионовы братья: Соч. в 2 т. Минск: Navia Vorionum, 1994. Т.1. С. 85-116.
10. Гофман Э.Т.А. Маленький Цахес / Перевод С. Апта // Гофман Э.Т.А. Собр. соч. в 8 т. М.: ТЕРРА – Книжный мир, 2009. Т.1. С. 379-478.
11. Братья Гримм. Полное собрание сказок / Сост., предисл., коммент., пер. с немецкого Э. Ивановой. М.: Олма-Пресс, 2002. Т.1. 480 с.
12. Аксаков К.С. Вальтер Эйзенберг // Русская романтическая повесть / Сост., вступит. статья и примеч. В.И. Сахарова. М.: Сов. Россия, 1980. С. 495-516.
13. Лаврова С.А. Царство Флоры. Цветы и деревья в легендах и мифах. М.: Белый город, 2009. 351 с.
14. Левкиевская Е. Мифы русского народа. М.: Астрель, АСТ, 2002. 528 с.
15. Баешко Л.С, Гордиенко А.Н., Гордиенко А.Н. Энциклопедия символов / Под редакцией О.В. Перзашкевича. М.: ЭКСМО, 2007. 304 с.
16. Афанасьев А.Н. Мифология Древней Руси. М.: ЭКСМО, 2007. 608 с.
17. Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. М.: АСТ, 2002. 591 с.
18. Одоевский В.Ф. Сильфида // Русская романтическая повесть / Сост., вступит. статья и примеч. В.И. Сахарова. М.: Сов. Россия, 1980. С. 221-242.
19. Импеллузо Л. Природа и ее символы. Растения. Цветы. Животные / Перевод с итал. В.Ю. Траскина. М.: Омега, 2009. 368 с.

Сведения об авторе

Ильченко Наталья Михайловна
доктор филологических наук, профессор,
зав. кафедрой всемирной литературы
НГПУ им. Козьмы Минина
E-mail: ilchenko2005@mail.ru

УДК 821.133.1(091) "16"

«ПИСЬМА К ПРОВИНЦИАЛУ» БЛЕЗА ПАСКАЛЯ В РУСЛЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ПРОЗЫ XVII ВЕКА

К.Ю. Кашлявик

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Основная идея статьи – включенность сочинения Блеза Паскаля «Письма к провинциалу» в русло французской интеллектуальной прозы XVII столетия. Создание и основные идеи «Писем к провинциалу» тесно связаны с борьбой вокруг «янсенизма» и историей монастыря Пор-Рояль. Одновременно сочинение Паскаля – начало высокой классической прозы.

Ключевые слова: интеллектуальная проза, Блез Паскаль, провинциализм, «янсенизм», Пор-Рояль, мораль, Благодать, классицизм.

Blaise Pascal's "Provinciales" in the Context of the 17th Century Intellectual Prose

Kira Kashlyavik

The article seeks to show Blaise Pascal's "Provinciales" in the theological and intellectual context of the time and to demonstrate the influence of "The Letters" on the development of the French classical style.

Key words: Blaise Pascal, Provinciales, Jansenism, Port-Royal, moral, charity, classicism.

В центре предлагаемой статьи две проблемы. Одна из них – историко-литературная связь наследия Паскаля с монастырем Пор-Рояль и янсенизмом. Вторая – теоретическая – включение «Писем к провинциалу» в круг французской интеллектуальной прозы. Их взаимодействие очевидно. Литература первой половины XVII века, именуемая иногда «новым новым временем», рождалась в сложной идеологической борьбе и не сразу явила те образцы и жанры, которые стали привычными в последующее время.

Иногда возникают вопросы и собственно о прозе, в том числе о прозе интеллектуальной. В теории литературы проза (prosa) определяется, в первую очередь, в отличие от поэзии, собственным строением и ритмом [1]. Общие понятия – прямая, простая, направленная вперед – не дают основания для уточняющих наименований художественной либо интеллектуальной прозы. Латинский термин «oratio» фиксирует лишь познавательную, информационную установку прозы [2. С. 402]. Именно такими

свойствами обладают жанровые явления XVII века – хроники, письма, диалоги, мемуары, трактаты, философские эссе, являющиеся образцами интеллектуальной прозы. Художественность присутствует в них в разной степени, но скорее как тенденция, зависящая от таланта автора.

«Письма к провинциалу» Блеза Паскаля стали первым образцом французской художественной прозы благодаря не только таланту автора, но и связям «Писем к провинциалу» с философскими и научными сочинениями современников и с собственными работами гения.

Оставляя загадку уже названиями «Мыслей» и «Писем к провинциалу», Паскаль не завершил обе книги. «Мысли» до сегодняшнего дня не получили жанрового определения. «Письма к провинциалу» не вполне «эпистолы», адресат и адресант не те, за которого они себя выдают. Это диалог тех, кого М.М. Бахтин назвал «наадресатом», он выходит далеко за пределы интимных отношений [3. С. 325]. Онтологическая общность обозначаемого и обозначающего, присущая священным книгам Ветхого и Нового заветов и отразившаяся в библеистике, сохраняет смысл и в эпоху Нового времени, когда споры не переходят за черту веры в присутствии Бога.

Свойство это в высокой степени присуще сочинениям Паскаля, поэтика которого развивается в русле и теологической, и интеллектуальной прозы. Два обозначения, представляющиеся взаимоисключающими, начиная с эпохи Просвещения, не были таковыми у Паскаля, когда Бог оставался гарантом мирового порядка и основанием морали. Включенность автора «Писем к провинциалу» в споры между иезуитами и янсенистами и участие в судьбах Пор-Рояля имеет одновременно и общий, «планетарный» характер, и аспект местный, исторический, очерченный пространством и годами недолгой жизни Паскаля [4].

Перечисляя «полухудожественные» произведения XVII века – «Рассуждение о методе» Декарта, «О божественной любви» Св. Франциска Сальского, сочинения Сен-Сирана, Николя и Арно, связанных с Пор-Роялем, - крупнейший историк Франции Пьер Шоню с уверенностью говорит о том, что секрет научного чуда XVII века (изобретение маятника в 50-60-е годы, регулирующих спиралей, как и

математических прозрений Ньютона) «коренится в самом мышлении», в «изменении мирового климата» [5. С. 10, 423].

Именно «поворот мирового климата», о котором говорит французский историк, повернул теологические и «полухудожественные» сочинения к произведениям интеллектуальной прозы, к которым можно причислить «Письма к провинциалу» Блеза Паскаля. Обладая целеустремленностью, познавательностью и прямоотой, которые характеризуют прозу как эпический род, «Письма к провинциалу» оказываются не только в ряду интеллектуальной прозы, они определяют эту прозу в классицистическом французском варианте.

Хотя к пятидесятым годам XVII века, когда разгорелись споры между ревнителями строгой веры и иезуитами, а защита монастыря Пор-Рояль стала необходимой, Блез Паскаль уже был известен как автор научных трудов. Именно в «Провинциалиях» он явил себя талантливым писателем. Строгий математический ум и логичность, присущие Паскалю, определили лексику «Писем», образную систему и композицию книги, оказавшую влияние на французскую словесность столетий. Рациональная этика писателей XVIII века во многом обязана присутствию традиции Паскаля.

Французские ученые ведут историю «Писем к провинциалу» с января 1656 года. Ж. Менар, крупнейший знаток наследия Паскаля, вспоминает, что в двадцатых числах января Паскаль жил какое-то время в обществе «великого Арно» и принимал участие в дружеских спорах о иезуитах и янсенистах, поначалу не представлявшихся жизненно важными [6. Р. 447]. Между тем, теологические и политические разногласия, разгораясь и разрастаясь, отожделись не только закрытием оппозиционного Пор-Рояля, но вынужденным бегством из страны тысяч протестантских семей, разрушением синодальных структур и уничтожением церквей. К концу века стало ясно, что «Франция XVII века родилась от искалеченного христианского мира» [5. С. 148].

Ученые из Пор-Рояля и Паскаль эту угрозу ощутили среди первых. Они оказались правы, хотя история янсенизма продолжалась долго.

Вхождение слова «янсенизм» в обиход французского языка связан о вполне уже определенными исследователями истории идей, истории Церкви и литературоведами периода европейской культуры с

1640 года, когда в Лувене вышел в свет труд епископа Ипрского Корнелия Янсения (1585-1638) «Августин, или Учение святого Августина о здравии, недуге и врачевании человеческой природы, против пелагиан и массилийцев» [7].

Появление «Августина...» взорвало католический мир, обсуждавший вопросы Благодати. Был написан антиянсенистский «Формуляр», в котором излагались пять основных положений, якобы существующих в «Августине...» и фактически признанных еретическими.

Группа французских епископов высказала идею о необходимости написания антиянсенистского «Формуляра», который в конечном итоге вынуждены были подписать служители церкви, монахи и даже светские люди, например, учителя школ. Из учения Янсения были извлечены пять теоретических положений. На осуждение римским престолом этих пяти положений профессор Сорбонны Антуан Арно ответил знаменитым положением о различии факта и права (*du fait et du droit*): по праву пять положений должны быть осуждены, и Арно это признал, но по факту их не было в труде Янсения.

Этот период истории «янсенизма» связан с жизнью и деятельностью Блеза Паскаля. В январе 1655 г. Паскаль уезжает из Парижа в Пор-Рояль. Принадлежащая ордену бенедиктинцев обитель, основанная в XIII веке при короле Филиппе-Августе, стала при жизни Паскаля оплотом подлинно христианской веры.

Вначале Паскаль живет в замке герцога де Люина, но вскоре в поисках уединения перебирается в келью монастыря. События происходят месяц спустя после написания «Мемориала 23 ноября 1654 года в день Благодати святого Климента». Написанный на пергаменте текст, о котором до смерти Паскаля не знала даже его любимая сестра Жаклина, отразивший «глубинные противоречия науки и веры, философии и теологии, огненной чертой проходит через судьбу Паскаля. Именно «Мемориал» позволяет назвать «Письма» апологией христианской религии.

В «Мемориале» «Паскаль восстает против самого себя, причем делает это с такой страстной убежденностью, примеров которой не так много в истории человечества» [8. С. 209].

Антуан Арно, по происхождению овернец, знаменитый в Париже своими речами, обличающими иезуитов, поместил в

монастырь своих дочерей – Жаклину, ставшую настоятельницей матерью Анжеликой, и Жанну, взявшую имя Агнесса в аббатстве Сен-Сир. Между тем дуэль между духовником короля иезуитом отцом Анна и Арно вышла за пределы острой полемики между двумя теологами. В спор, не без настойчивости отца Анна, включился теологический факультет Сорбонны. Над «великим Арно» и его сторонниками нависла угроза исключения из университета. «Янсенистское дело» перестало быть уделом только специалистов. В орбиту споров была втянута широкая образованная публика. Его обсуждали в салонах так же страстно, как и в Сорбонне, с той лишь разницей, что вопросы и толкования переходили из профессиональных, теологических штудий в плоскость нравственности и морали повседневной жизни королевства [9. Р. 157-229].

Пор-Рояль переживал острейший кризис. Арно был вынужден скрываться в Пор-Рояле, опасаясь ареста или высылки в провинцию. Из Пор-Рояля он вел деловую переписку, понимая, что исключение с факультета, учитывая случайный элемент в системе голосования, становился неизбежным.

История с «Провинциалиями», произведения, отвечающего глубинным тенденциям французского ума и вкуса, является проявлением фундаментального конфликта, происходившего во Франции первой половины XVII века. Ж. Менар подчеркивает, что религиозный конфликт двух эстетик был характерен и для внутренней полемики в Пор-Рояле. «Пор-Рояль нашел истинный путь постепенно. Решающим был вклад Паскаля. <...> благодаря его новой манере трактовать теологию, уделяя намного больше места работе разума и непосредственному анализу человека», метод, значительно расширивший круг читателей произведений, вышедших из Пор-Рояля и «поместивший их в контекст литературы» [10. Р. 261].

Сочиненные по случаю спора «Провинциалии» заканчиваются восемнадцатым письмом и создают при их собирании единое великолепное целое. Первое письмо датировано 23 января 1656 года и было издано в количестве 2000 экземпляров. Паскаль после его обнародования вынужден был оправдываться, но тем не менее закончил письмо обещанием закончить книгу. Ее главной темой остается рассуждение о Благодати (о «достаточной» или «действенной» Благодати).

Церковные споры не могут разрешить главного вопроса. В качестве подтверждения Паскаль во втором письме приводит притчу о врачах, дающих больному разные советы, которые не только не помогают страдальцу, но лишают его последней надежды: «И тогда, испытав свои силы и убедившись на опыте в своей слабости..., он стал принимать у Бога силы, которых по собственному признанию у него не было. Бог милостиво услышал его молитву, и с помощью Божией больной возвратился в дом свой» [4. С. 68].

Уже из первых писем явствует, что Паскаль не хочет становиться на позицию ни одной из сторон. Для него есть высший суд. Начиная с четвертого письма, он уделяет главное внимание вопросам морали. Теологические рассуждения обретают и конкретных носителей. Появляется реальный прототип – отец Бони, автор сочинения «О сумме грехов», в котором иезуит рассуждает о «преднамеренном» действии.

Опровергая иезуитскую казуистику, Паскаль опирается на Аристотеля, полагая, что «для того, чтобы действие было намеренным, надо чтобы оно исходило от человека, понимающего, знающего, предвидящего, что есть хорошего и дурного в нем» [4. С. 98]. Но Паскалю недостаточно этого в общем бесспорного положения. Он знает, что бывают действия необдуманые, заранее непредвиденные и не только вследствие неясности человеческого понимания, но произведенные до того, как разум успел рассмотреть, дурно ли желать или избегать его, делать или не делать его... Если так, то произвольных поступков нет в жизни, так как об этом обыкновенно и не думают вовсе». Вспоминая сочинение Августина, Паскаль пишет: «Сколько божбы в игре, сколько излишеств в разгуле, сколько увлечений во время карнавала, которые произвольны...» [4. С. 98].

Паскалю представляется, что мысль о предопределении, ограничивающем волю, недостойна Аристотеля, ибо он был «мудрый человек». В подтверждение Паскаль предлагает самим прочесть «Этику» Аристотеля, приводящего примеры, в которых некоторые неизвестные обстоятельства рожают «произвольные поступки».

Заранее отмечая позднейшие упреки философов в релятивизме, Паскаль уточняет, что «речь идет о неведении особенных условий, называемых у теологов неведением факта... Ибо, если человек не

знает, что сделать, чтобы исполнить свой долг, его поступок произволен» [4. С. 94, 98].

Включаясь в глубины философских споров, Паскаль называет и тех соратников Пор-Рояля, мнения которых он защищает.

Еще в 1622 году католической церковью были одновременно канонизированы Игнатий Лойола, Тереза Авильская, Франсиск Ксаверий и Филипп Неви, что продемонстрировало победу иезуитов, плоды которой обнаружились и в открытой идеологической борьбе, и в теологических сочинениях. Акцент на самопознании и мистицизме, техника медитации и уклончивость в разрешении добра и зла не могли не вызывать протеста трезвого ума Паскаля.

В четвертом-десятом письмах объектом критики становится, прежде всего, лживая мораль иезуитов. Шаг за шагом Паскаль разоблачает разные уловки, способы достижения нужных целей, извращение правил и лживость священников из Ордена Иисуса. Таинство исповеди и самый ход церковной службы оказываются лишь способами, «чтобы спастись без труда среди сладостей и удобства жизни».

В качестве изобретателей хитроумных приемов Паскаль вспоминает испанского иезуита Эскобара, автора двадцати томов теологических сочинений и человека, отличающегося, по свидетельству современников, личной порядочностью и строгими правилами поведения. Тем не менее для уважения сана Эскобару понадобилось иметь «двух духовников, одного для смертных грехов, а другого для простительных» [4. С. 201]. Сарказм Паскаля и в том, что речь идет об одном из уважаемых противников-иезуитов, тогда как отец Бони, далеко не имевший достоинств Эскобара, даже и в своих сочинениях прибегает к хитростям, еще более изощренным.

Последние письма, отличные от первых и по резкости тона и по стилю, сравнивают с речами Боссюэ. Николь, переводивший их на латинский язык и снабдивший комментариями, свидетельствовал, что и работал над ними Паскаль много тщательнее, чем над первыми. Восемнадцатое письмо Паскаль переделывал не менее тринадцати раз [11. С. 446-447].

Сняв маску смешного провинциала и патера, Паскаль начинает собственным голосом обличать самых влиятельных иезуитов, в том числе Анна, призывающего Папу и короля признать янсенистов и автора писем несомненными еретиками: «Пора мне раз и навсегда

остановить Ваше нахальство, позволяющее Вам обращаться со мной, как с еретиком... Я заявляю, что Вы разрушаете христианское учение о нравственности, отделяя его от любви к Богу, от которой Вы освобождаете людей... Есть большая разница между иезуитами и теми, кто борется с ними...» [4. С. 201, 334, 349].

Так, по тону и по красноречию последние письма, отличаясь от первых, сохраняют и четкую последовательность заявленной позиции, и ту выверенную логику, которая присуща Паскалю, и то художественное мастерство, которое позволило Вольтеру назвать Паскаля лучшим французским сатириком [12].

Новаторство Паскаля в литературе неотделимо от его успехов в создании французского классического языка. Наследник Рабле и Монтеня, он пошел дальше предшественников, в которых «язык еще слишком перемешан с латынью, а фразы неорганичны» [13. С. 7-42].

Образ простака-провинциала из первых писем оказался столь удачным, что породил мощную рецепцию в литературе Просвещения. Влияние Паскаля прослеживается и в «Персидских письмах» Монтескье, и в философских повестях Вольтера. И речь идет не только об общности типологической, самый ход паскалева диалога, его «pro» и «contra», обнаруживают следы математической выучки ученого, создавшего уже в шестнадцать лет «опыт о коническом сечении», а к тридцатилетию сформулировавшего закон, который до наших дней изучают в школе.

В заключение хочется еще раз попытаться ответить на вопрос о том, почему гениальный ученый и философ обратился к литературе.

Как известно, А.Н. Веселовский учил при сопоставлении явлений начинать с вопроса «pourquoi – почему?» [14]. Почему «Мысли», выраженные в «Апологии христианской религии», привели Паскаля к защите августинизма, а в литературе - к «Письмам к провинциалу», в которых через риторическую интонацию рождается новое мышление.

Поначалу Паскаль «не собирался ввязываться в долгое предприятие». История с «Письмами...», произведением, отвечающим глубинным тенденциям французского ума и вкуса, является проявлением фундаментального конфликта, сколь религиозного, столь и литературного, происходившего во Франции первой половины XVII века.

Библиографический список

1. Кожин В.В. Поэзия и проза // Литературный энциклопедический словарь. М.: Энциклопедия, 1987.
2. Словарь иностранных слов. М.: Русский язык, 1988.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
4. Паскаль Б. Письма к провинциалу / Перевод с франц. А.И. Попова. Киев: Port-Royal, 1997.
5. Шоню П. Цивилизация классической Европы. СПб.: Фактория, 2005. 605 с.
6. Mesnard J. Au Temps des Provinciales: janvier 1656 - mai 1657 // Pascal Bl. Oeuvres complètes, T. III, p.1991.
7. Паскаль Б. Мысли / Перевод с франц. Ю.А. Гинзбург. М.: Издательство имени Сабашниковых. 1996.
8. Тарасов Б.Н. Паскаль. ЖЗЛ. М.: Молодая гвардия, 1982. С.209.
9. Cognet L. Les provinciales et l'histoire. Textes édités par Gérard Ferreyrolles et Philippe Sellier. P. Classique Garnier. 2004. P. 157-229.
10. Mesnard J. Jansénisme et littérature // La culture du XVII siècle. Enquêtes et synthèses. PUF. 1992. p.261.
11. Коцюбинский С.Д. Прозаики классицизма // История французской литературы. Т.1. М.: Академия наук СССР. С. 446-447.
12. Voltaire. Le siècle de Louis XIV ; Chapitre XXXVII. // Ehrard J. Pascal au siècle des lumières // Pascal présent. 1662-1962. Clermont-Ferrand. 1962. P. 233.
13. Брюнетьер Ф. Рассуждения о «Провинциалиях» // Паскаль Б. Письма к провинциалу / Пер. с франц. О.И. Хомы. Минск: Port-Royal, 1997. С.7-42.
14. Шайтанов И.О. Пособие по бедности // Вопросы литературы. Сентябрь-октябрь 2009. С. 48.

Сведения об авторе

Кашлявик Кира Юрьевна
кандидат филологических наук,
доцент кафедры зарубежной литературы
и теории межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: kachlavi@rambler.ru

УДК 821.112.2-2(091):792.2(47)

РУССКАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ РЕЦЕПЦИЯ ПЬЕС Г. ЗУДЕРМАНА

Г.И. Родина

Арзамасский государственный педагогический институт, Арзамас

В репертуаре российских театров последнего десятилетия XIX века имя Г. Зудермана играло важную роль. Процесс вхождения его пьес на отечественную сцену протекал опосредованно, через восприятие постановок немецких гастролирующих трупп. На русской же почве конфликты его произведений, знакомые и понятные зрителю, наполнялись новым смыслом, обогащая национальную театральную традицию. Пьесы Г. Зудермана способствовали восприятию русским театром «новой драмы». Интерес к творчеству драматурга связан также с тем, что его театр можно назвать актерским, а не режиссерским. Это способствовало участию в постановках пьес известных и талантливых актрис того времени. Сегодня возобновилась традиция постановок пьес Г. Зудермана, о чем свидетельствуют спектакли целого ряда современных театров.

Ключевые слова: театральная традиция, конфликт, интрига, характер, сценическая техника, актерский театр, режиссерский театр, «новая драма», экспериментальная постановка.

Reception of H. Suderman's Plays in the Russian Theater

Galina Rodina

Hermann Suderman's plays held a prominent place in the repertoire of Russian theaters in the 1890s, entering the culture through performances of guest theater companies from Germany. Being familiar and accessible to Russian audiences, Suderman's plays and their driving conflicts, however, gained new meanings and, in their turn, enriched the Russian theater tradition, paving the way for the "New Drama." The notable interest in Suderman's plays was also due to their actor- rather than director-centeredness, which ensured involvement of prominent actresses of the day in their production. Today Russian theater is recovering its interest in Suderman's work, as more and more companies produce his plays.

Key words: theater tradition, conflict, plot, character, acting technique, actor-centered theater, director-centered theater, "New Drama", experimental production.

Зарубежный репертуар русских столичных и провинциальных театров в 1890-1900-е гг. был представлен преимущественно немецкими авторами (Бейерлейн, Ведекинд, М. Дрейер, Дэрман, Мейер-Ферстер, Фулда, Хальбе, Энгель, О. Эрнст и др.), среди которых лидирующее место по количеству инсценированных пьес и спектаклей занимал Герман Зудерман (1857-1928), широко известный в Европе, в США и Японии.

Из 35 его драматических произведений в театрах ставятся (с 1891 по 1928 г.) 15, написанных с 1889 по 1912 г. («Честь», «Гибель Содома», «Родина», «Бой бабочек», «Счастье в уголке», «Фритцхен», «Огни Ивановой ночи», «Да здравствует жизнь», «Каменотёсы», «Лодка в цветах», «Розы», «Доброе имя»). Спектакли ежесезонно включались в репертуары как столичных, так и провинциальных сцен по 1914 г. (на протяжении 24 лет). Затем следует ослабление русско-немецких культурных контактов в связи с Первой мировой войной, когда немецкие авторы были запрещены, и с событиями 1917 и 1918 гг. в России и Германии. Послереволюционный театр привлекают из 15 вышеназванных пьес пять («Честь», «Гибель Содома», «Родина», «Бой бабочек», «Огни Ивановой ночи»), материал которых позволял постановщикам акцентировать социально-критический пафос, идею протеста против буржуазного быта, против пошлости и норм морали, устаревших для новых социальных отношений.

Процесс вхождения в русский театр всех пьес Зудермана шёл, как правило, однотипно: в периодике регулярно появлялась информация о театральных новинках, присылавшаяся аккредитованными за рубежом специальными корреспондентами; сообщалось о каждой новой премьере по пьесе Зудермана в театрах Берлина или в венском Бургтеатре; давалась краткая характеристика пьесы; излагалось её содержание. Затем театралы Москвы и Петербурга видели спектакль в постановке гастролирующей немецкой труппы (Баркани, Л.Барная, Берента, Бюлера). Но самым активным пропагандистом Зудермана в Москве и Петербурге была «немецкая драматическая труппа п/у г.Ф.Бока» [1. С. 219], который поставил спектакли по десяти из пятнадцати перечисленных выше пьес. Гастролировала труппа и в Москве, играя чаще всего на сцене театра Ф. Корша.

Руководителей театров привлекала в пьесах Зудермана идея демократического протеста, критики общественного лицемерия и буржуазного эгоизма, мещанских и сословных предрассудков; изображение современной жизни, быта и нравов аристократии, разных слоев буржуазии, отталкивающая изнанка буржуазной цивилизации, нравственно-этические вопросы, проблема любви, семьи, брака, отцов и детей, женской эмансипации, судьба творческой личности (в том числе талантливой женщины). В них развенчивалась

индивидуалистическая мораль. Русский зритель встречался с персонажами, ситуациями, хорошо известными ему и по российской действительности. Например, в отечественной литературе инсценировалось немало произведений, в которых исследовалась тема искусства. Своими драмами «Гибель Содома» и «Родина» о судьбе художника Зудерман вписался в контекст русских пьес с аналогичной проблематикой («Муж знаменитости» А.И. Сумбатова-Южина, «Женщины и мужчины» А.С. Суворина, «Симфония» М.И. Чайковского, «Жрица искусства» Е.П. Карпова, «Таланты и поклонники», «Без вины виноватые» А.Н. Островского и др.).

Художественной стороне пьес Зудермана присущ глубокий психологизм характеров и «их строгая выдержанность» [2. С. 125], занимательность сюжета, виртуозное развитие интриги, «блестящий диалог и сильные сценические эффекты» [3. С. 439], «мастерское знание сценической техники» [2. С. 125] - всё то, что потенциально предоставляло актёру огромные возможности для раскрытия профессионального мастерства. В русском театре, остававшемся театром актёрским, у Зудермана сложилась репутация «автора для актёров» [4. С. 37], а театральная критика была убеждена, что его пьесы написаны «для первоклассных или, во всяком случае, для профессиональных актёров» [5. С. 278] и предоставляют им «благодарный материал» [2. С. 125], «благодарные роли» [6. С. 25]. Так, образ Магды стал европейски признанным «экзаменом на первоклассную артистку» [7. С. 230] (в этой роли выступали С. Бернар, Э. Дузе, С.П. Кэмпбелл, М.Н. Ермолова, М.Г. Савина, В.Ф. Комиссаржевская). Роль Марикки («Огни Ивановой ночи») была «чем-то вроде пробного камня для актрис с большой нервностью» [8. С. 940]. Одну из причин сценичности критики усматривали и в том, что Зудерман «создавал роли в тех традиционных амплуа, которые были свойственны театру его эпохи» [4. С. 37]. Поэтому актёры часто выбирали его произведения для бенефисных спектаклей, гастрольных поездок, а театры открывали ими очередные театральные сезоны.

В начале 90-х годов (пьесы Зудермана уже входили в культурную жизнь России) в русской драматургии продолжался процесс движения к «новой драме», обозначившийся с 80-х годов, когда заканчивался творческий путь Островского и появились первые сценические опыты Чехова. В связи с активной театральной рецепцией пьес немецкого автора возникал вопрос о степени их

включённости в поиски в области драмы и театра. Как известно, в «новой драме» «конфликт в пьесах стал перемещаться в область внутренних психологических и философских коллизий» [9. С. 8]. Поэтому одной из особенностей «новой драмы» является противостояние персонажей не друг другу, а «жизненному устройству в целом» [9. С. 58], при этом разыгрывается не «драма в жизни», а «драма жизни» [10. С. 11, 19]. Структура конфликта в пьесах Зудермана иная: в них противоборство героев, героя и среды, т.е. и конфликт, и тип героя оставались традиционными, и разыгрывалась «драма в жизни». Однако традиционный по структуре конфликт Зудерман наполняет новым, современным содержанием. Ни одна его пьеса не демонстрировала «резкого» перехода от старой поэтики к новой и не принадлежала или только старой, или только новой драматургической системе, но содержала в себе одновременно и то и другое. Об аналогичном эстетическом явлении в русской драме Т.К. Шах-Азизова говорит как об «умеренно» новых пьесах» «авторов «средней» новизны» [11. С. 119]. Зудерман потому и легко вошёл в театральную жизнь России, что здесь, как и в Германии, формировалась «новая драма», но процесс этот, в отличие от Германии, шёл медленно: «Если на Западе новая драматургическая система оказалась довольно *резко* противопоставлена старой, то в русской драматургии 1880-1890-х годов наблюдалось *постепенное* движение идейно-художественной структуры драматического произведения по направлению к «новой драме» (курсив мой. - Г.Р.) [9. С. 8].

Пьесы Зудермана активно помогали в девяностые годы XIX века и в начале XX века процессу формирования и восприятия «новой драмы» русским театром. Свидетельством такой помощи является факт, что в период становления «новой драмы», когда зарождался режиссёрский театр – логическое продолжение театра актёрского, – режиссёрами-практиками «чаще всего Гауптману и Толстому предпочитается Зудерман», так как в сравнении с ними (а также с Ибсеном и Чеховым) «он более доступен, а проблемы, им поднимаемые, примерно те же» [12. С. 93]. К Зудерману обратились самые разные театры – императорские (Александринский, Малый) и частные, столичные и провинциальные, давая его пьесам реалистическую трактовку, которая определялась преимущественной традиционностью его драматургии.

Театр Ф.А.Корша был лидирующим среди московских театров по количеству инсценированных пьес немецкого драматурга (12 из вышеназванных 15; они шли с 1891 по 1908 г.). Корш, как известно, «эксплуатировал новинки» [13. С. 275] и первым открыл московской публике Зудермана, дебютировавшего здесь пьесой «Честь» (1889) 4 октября 1891 г. в бенефис Киселевского (пер. Н.К. (Ф.А. Куманин)). На спектакль сразу откликнулся московский журнал «Артист» пространной статьёй спрятавшегося за инициалами Р.С.Т. первого театрального рецензента Зудермана [2. С. 125-127].

Драматургия Зудермана органично вписывалась в репертуар, эстетику и стилистику московского Малого театра, опиравшегося «на классическую, «каноническую» драматургию с рельефными характерами, резкими конфликтами, острой событийностью» [11. С. 114], что составляло особенность и пьес Зудермана. Привлекала в нём «легкая морализирующая критика», отсутствие «радикально нового решения проблем времени, апелляция к «добрым началам» человеческой природы», так как в те годы «театр был далёк от резкой и развёрнутой критики буржуазного общества» [14. С. 128, 540, 119].

С осени 1891 по 1907 г. в Малом театре было инсценировано восемь пьес Зудермана. Кумир театра М.Н. Ермолова (1853-1928) выбрала из них три, роли из которых неизменно входили в её репертуар как соответствовавшие особенностям её творческого дарования: Магда («Родина»), Елизавета («Счастье в уголке»), Беата («Да здравствует жизнь»). Известно, что актрисе наиболее удавались характеры «крупные, цельные, героические» [15. С. 49], именно эти качества потенциально заложены и в названных женских ролях (в отличие от остальных пяти пьес, где надлежало играть хрупких, наивных девушек). Стабильно удачная игра Ермоловой в спектаклях по пьесам Зудермана объясняется тем, что актриса «в женских образах... вносила ноту сильной и трепетной души, *не переиначивая их на совсем русский лад, но и не теряя своего своеобразного облика*» (курсив мой. – Г.Р.) [16]. Романтико-героический пафос игры Ермоловой усиливал авторскую идею, однако актриса не «боролась с автором» (как это делала, например, Комиссаржевская [17. С. 24]).

В Петербурге пьесы Зудермана начали завоевывать столичную сцену позднее, чем в Москве, – с весны 1892 г., когда труппа Бокка поставила «Честь» в Александринском театре. Что касается актёров Александринки, то они опирались на традиционный метод создания

сценического образа, чёткими штрихами выделяя основную черту в характере персонажа, фиксируя его определённую, законченность. Подобная манера игры вполне способствовала раскрытию образов в зудермановских пьесах, здесь поставленных («Гибель Содома», «Родина», «Бой бабочек», «Моритури», «Огни Ивановой ночи», «Да здравствует жизнь», «Лодка в цветах»).

Как в Москве Ермолова, так и в Петербурге была актриса, неизменно включавшая в репертуар пьесы Зудермана, – В.Ф. Комиссаржевская (1864-1910). Ермолова играла в трёх его пьесах, Комиссаржевская в пяти («Честь», «Гибель Содома», «Родина», «Бой бабочек», «Огни Ивановой ночи») [18. С. 1]. Ермолова раскрывала в пьесах Зудермана «драму жизни», столкновение чистой женской души с нравственной грязью и пошлостью мира, Комиссаржевская же – «драму в жизни», в конкретном социуме, что приносило в спектакли с её участием тему социального протеста, «непокорённости и борьбы» (выражение А. Бруштейн). «Шествие» Зудермана по театральной России связано с именем Комиссаржевской, игравшей его пьесы во время всех своих гастролей по стране.

Открывшийся в 1898 г. Московский художественный театр (МХТ) воплощал новаторскую сущность своего искусства, прежде всего на пьесах Чехова и Горького. Компромиссная поэтика пьес Зудермана не вписывалась в направление художественных поисков МХТа, хотя Станиславскому были известны произведения его немецкого современника [19].

Частые гастроли артистов московских и петербургских театров оказывали влияние на репертуар провинциальных театров, где также ставились произведения Зудермана (Нижегородский, Ярославский, Харьковский, Саратовский театры, антрепризы Н.Н. Соловцова и К.Н. Незлобина, народные театры, летние и дачные театры и др.).

Исторически сложилось так, что содержание и форму пьес Зудермана раскрыл актёрский театр, а не режиссёрский (прим. 1), который сформировался в России лишь в начале XX в. – к моменту снижения активности рецепции «зудермановского театра» (выражение К.Ф. Головина).

Новая эпоха и новые поколения вскрывают иные смыслы в как будто известных текстах. Осенью 1992 г. в «Тильзит-театре» г. Советска (бывший Тильзит, где Зудерман учился в реальной

гимназии) Калининградской области состоялся премьерный спектакль по пьесе «Бой бабочек» (режиссёр Евгений Марчелли); в 1994 г. он был показан в Москве на фестивале театров малых городов России («Театр наций»), в Санкт-Петербурге на международном фестивале «Балтийский дом». Е. Марчелли «вернул столетней давности пьесу на сцену без её переживаний» [20. С. 11], без «среды обитания героев» как «то ли экспрессионистскую, то ли сюрреалистическую» драму, как «историю обречённости всякой гармонии» [21. С. 41, 42, 46]. Он создал спектакль «о жизни и смерти, о борьбе этих первоначал, о торжестве смерти и неутомимости жизни» [21. С. 41, 42] и, выбрав для художественного решения своей задачи «Бой бабочек», показал, что хотя пьесы Зудермана ныне «почти забыты», они тем не менее «всё ещё живы» [22].

Примечания

1. Пьесы Зудермана привлекали режиссеров-новаторов: А.Я. Таирова («Честь»: РГАЛИ, ф. 2328 Таиров, оп.1, ед. хр. 288); В.Э. Мейерхольда и А.С. Кошеверова («Да здравствует жизнь»: РГАЛИ, ф. 998 Мейерхольд, оп.1, ед. хр.6, л.1-20). Очевидно, знал о Зудермане и С.М. Эйзенштейн. В РГАЛИ хранится лист: «С. Мих. Эйзенштейн. Зудерман. Рисунок. 1942. Х. 16. Б. граф. и цв. кар.» (РГАЛИ, ф. 1923. Эйзенштейн, оп. 2, ед. хр. 1427).

Библиографический список

1. Хроника // Артист. М., 1893. № 32. Декабрь.
2. Р.С.Т. Театр г. Корша // Артист. М., 1891. № 17. Ноябрь.
3. З.В. [Венгерова З.А.] Хроника. Новости иностранной литературы // Вестник Европы. СПб., 1897. Ноябрь.
4. Юргис. Драматургия Зудермана // Современный театр. М., 1927. № 3. 19 сентября.
5. Троицкий З. Формирование эстонского театра в борьбе с немецкими колонизаторами // Театральный альманах. Кн.7. М., 1948.
6. Современное обозрение // Дневник артиста. М., 1893. № 10. Сентябрь.
7. Амфитеатров А.В. Маски Мельпомены. М.: А.Д. Друтман, 1911. 250 с.
8. Тавридов И. Харьковские письма // Театр и искусство. СПб., 1902. № 49.

9. Тиме Г.А. У истоков новой драматургии в России (1880-1890-е годы). Л.: Наука, 1991. 312 с.
10. Зингерман Б.И. Очерки истории драмы 20 века. М., 1979. 350 с.
11. Шах-Азизова Т.К. Московский Малый театр за десять лет (1898-1908) // Русская художественная культура конца XIX-начала XX века (1895-1907). Кн. 1. М.: Наука, 1968. 430 с.
12. Табатчикова Е.А. Н.Н. Соловцов и становление режиссуры в русском провинциальном театре // Записки о театре: Сб. трудов. Л., 1974. 340 с.
13. История русского драматического театра. В 7 т. Т. 7. М.: Искусство, 1987. 586 с.
14. Зограф Н.Г. Малый театр в конце XIX – начале XX века. М.: Наука, 1966. 550 с.
15. Царев М. Малый театр. М.: Московский рабочий, 1976. 126 с.
16. Авторы о М.Н. Ермоловой. Боборыкин П. Честный талант // Газета «Русское слово». 1910. 30 января. С.2 (РГАЛИ, ф.2304, Яблочкина, оп.2, ед.хр. 570).
17. Марков П. Вера Федоровна Комиссаржевская (1864-1910). М.: Искусство, 1950. 200 с.
18. Степун Ф.А. В.Ф. Комиссаржевская и М.Н. Ермолова // Студия. 1912. № 16. 21 января.
19. Станиславский К.С. Собрание сочинений: В 9 т. Т.7. Письма. М.: Искусство, 1995. С.404, 660; Т.8. Письма. М., 1998. С.7,8, 12.
20. Сорокина Н. Пять персонажей со своим автором // Театральная жизнь. 1995. № 3.
21. Холмогорова И. Воспоминания о будущем // Театр. 1994. № 5-6.
22. Hinz Th. Hauptmanns Konkurrent // Электронный ресурс Интернет: <http://www.jf-archiv.de/archiv/46aa19.htm>

Сведения об авторе

Родина Галина Ивановна
доктор филологических наук,
профессор кафедры литературы
Арзамасского государственного
педагогического института
E-mail: grodina@yandex.ru

УДК (821.112.2:82-14)(091)

ОБРАЗ ГОРОДА В ЛИРИКЕ Г. ГЕЙМА

А.С. Ручкин

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Эта статья посвящена одному из наиболее значимых поэтов раннего экспрессионизма Георгу Гейму. Образ города в его поэзии связан с чувством отчуждения и одиночества «нового» современного человека, который оказывается один на один с демонизированной стихией современного города.

Ключевые слова: образ большого города, индустриализация, мифологизация, демонизация, мотив смерти, «новый человек».

The Image of the City in the Lyric Poetry of G. Heym Alexander Ruchkin

The article looks at the lyric poetry of Georg Heym, one of the most significant poets of early Expressionism. The image of a big city in his work is related to the sense of alienation and loneliness of the “new” modern man, who finds himself face to face with a demonized element of the modern city.

Key words: image of a big city, industrialization, mythologisation, demonization, death motif, “new man.”

В конце XIX века в большинстве крупных европейских городов начались процессы социального преобразования. Нарастающая индустриализация стала одной из причин появления феномена «большого города». Самые крупные европейские столицы – Париж, Лондон и Берлин – превратились в современные мегаполисы. Промышленные ландшафты резко изменили их облик, опутав сетью дорог и линиями электропередач [1. S. 26].

Под влиянием урбанизации изменился и вырванный из привычного окружения человек. Большую часть населения составили фабричные рабочие, приехавшие на заработки. Их домами становились тесные бараки, выстроенные на окраинах. Ощущение неприкаянности, «бездомности» (Heimlosigkeit) овладевало людьми, вызывая приступы страха, предчувствие катастрофы [2. S. 84].

Поэты и писатели начинали переосмысливать феномен большого города. Этот процесс наметился уже в эпоху реализма, в творчестве Ч. Диккенса, О. де Бальзака, Ф. М. Достоевского. В их романах город перестал быть только местом действия. Он

превратился в настоящего героя, влияющего на ход событий. Эту традицию подхватил натурализм. Но особенно глубоко и пронзительно образ большого, жестокого «города-монстра» описали поэты-экспрессионисты.

Экспрессионизм – одно из стилистических направлений в европейской литературе и живописи, возникшее в первой половине XX века. Оно стало реакцией на коренные изменения в жизни европейцев, стоящих на пороге первой мировой войны. Ощущение Апокалипсиса, предчувствие грядущих потрясений, глобального кризиса культуры, ухода из нее человека – основные мотивы экспрессионизма [3. S. 26].

В произведениях целого ряда авторов (Альфреда Вольфенштейна, Георга Тракля, Готфрида Бенна, Якоба ван Годдиса, Хуго Балла, Йоханнеса Бехера, Эрнста Бласса, Пауля Больдта, Макса Брода, Стефана Георге, Альфреда Лихтенштейна, Эрнста Штадлера, Пауля Цеха) образ города мифологизируется. Авторы сравнивают мегаполисы с разъяренными великанами, богами-молохами. Мир города полон опасных шумов, ритмических ударов, пугающих механизмов, бездушных станков, стремительно мчащихся машин: «Чем больше непривычному взгляду все это может показаться колдовством, тем осторожнее нужно быть, чтобы за всем этим как следует усмотреть; ведь стоит только остановиться, как вдруг, бум! и на Вас налетит носильщик с криками «с Вашего позволения», а Вы уже упали на землю. Посреди улицы мчатся экипаж за экипажем, машина за машиной, телега за телегой. За всем этим гулом, шумом и приглушенными звуками шагов и разговоров, Вы слышите глас церковных колоколен, колокольчиков почтальонов, органов, скрипок, лееров и тамбуринов английских савояров и завывания тех, кто в переулках под открытым небом продает горячее и холодное». («Dem ungewöhnten Auge scheint dieses alles ein Zauber; desto mehr Vorsicht ist nöthig, Alles gehörig zu betrachten; denn kaum stehen Sie still, Bums! läuft ein Packträger Sie an und rufft by Your leave wenn Sie schon auf der Erde liegen. In der Mitte der Strase rollt Chaise hinter Chaise, Wagen hinter Wagen und Karrn hinter Karrn. Durch dieses Getöse, und das Sumsen und Geräusch von tarnenden von Zungen und Füßen, hören Sie das Geläute von Kirchthürmen, die Glocken der Postbedienten, die Orgeln, Geigen, Leyern und Tambourinen englischer Savoyarden, und das Heulen

derer, die an den Ecken der Gasse unter freyem Himmel kaltes und warmes feil haben») [4. S. 82].

«Город-Демон» – так же одна из констант поэтического мира Георга Гейма. Наряду с Эрнстом Штадлером, Якобом ван Годдисом, Готфридом Бенном, этот самобытный поэт относится к авангарду экспрессионизма. Он известен как автор нескольких сборников: «Вечный день» (1911), «Umbra vitae» (1912) и «Небесная трагедия» (1922), основными темами которых стали смерть культуры, большие города и война.

Георг Гейм родился в 1887 году в семье чиновника. Он часто менял учебные заведения и места жительства, что было связано с работой его отца. В 1907 г. будущий поэт поступил на юридический факультет [Вюрцбургского университета](#) и годом позже впервые выступил в [Берлине](#) в «[Неопатетическом кабаре](#)» с несколькими стихотворениями. Очень скоро он стал известным среди поэтов-экспрессионистов. В 1912 г. Г. Гейм трагически погиб во время катания на коньках.

Геймовскую лирику большого города можно условно разделить на три этапа. Первый начинается с серии стихотворений о Берлине («Берлин I», «Берлин II», «Берлин III», «Дачный праздник»). Несмотря на то что в них еще сохраняется традиционный лиризм, нельзя не заметить нарастающее ощущение тревоги: «Der hohe Straßenrand, auf dem wir lagen, / War weiß von Staub. Wir sahen in der Enge / Unzählig: Menschenströme und Gedränge, / Und sahn die Weltstadt fern im Abend ragen». / «Мы лежали на кромке, в белой пыли, / Высоко над улицей. / Внизу, в теснине, – Несметные людские потоки и толпы, / А вдали, на закате, – исполинский Город» (перевод М. Гаспарова).

На втором этапе автор окончательно отходит от реалистического изображения, перестраивая и реконструируя смысловое пространство города. К этому периоду относятся два самых известных его стихотворения на эту тему: «Бог города» и «Демоны города».

На третьем этапе город представляется абстрактным топосом, лишенным четких хронологических характеристик. Он сочетает в себе черты прошлого и настоящего, таинственного средневековья и противопоставленной ему современной цивилизации.

Разрабатывая тему жизни современного человека в большом городе, Г. Гейм создает собственный язык описания, построенный на сложных метафорах, ярких аллегориях и пронзительных символах. В качестве примера можно привести стихотворение «Бог города».

«Бог города»

Он расселся на всех домах квартала.
Черные ветры овевают его чело.
Ярым взором он всматривается вдаль,
Где в полях разбрелись дома окраин.
Красным брюхом он лоснится в закате.
Вкруг, пав ниц, ему молятся города.
Несчетные колокольни
Темным морем плещут в Ваалов слух.
Пляскою корибантов
Музыка миллионов грохочет в улицах.
Дым из труб, облака над фабриками
Синим ладаном всплывают
к его ноздрям.
Буря беснуется в его глазницах.
Темный вечер съела черная ночь.
Волосы от ярости встали дыбом,
И с каждого коршуном взметается гроза.
Кулаки у него — мясничьи.
Он трясет ими тьму, и море огней
Разливается по улицам, жаркой гарью
Выедавая дома до запоздалой зари.

(перевод Михаила Гаспарова)

«Der Gott der Stadt»

Auf einem Häuserblocke sitzt er breit.
Die Winde lagern schwarz um seine Stirn.
Er schaut voll Wut, wo fern in Einsamkeit
Die letzten Häuser in das Land verirren.
Vom Abend glänzt der rote Bauch dem Baal,
Die großen Städte knien um ihn her.
Der Kirchenglocken ungeheure Zahl
Wogt auf zu ihm aus schwarzer Türme Meer.
Wie Korybanten-Tanz dröhnt die Musik
Der Millionen durch die Straßen laut.
Der Schlotte Rauch, die Wolken der Fabrik
Ziehen auf zu ihm, wie Duft von Weihrauch
blaut.
Das Wetter schwellt in seinen Augenbrauen.
Der dunkle Abend wird in Nacht betäubt. Die
Stürme flattern, die wie Geier schauen
Von seinem Haupthaar, das im Zorne sträubt.
Er streckt ins Dunkel seine Fleischerfaust. Er
schüttelt sie. Ein Meer von Feuer jagt
Durch eine Straße. Und der Glutqualm braust
Und frißt sie auf, bis spät der Morgen tagt.

Этот текст строится на развернутой метафоре: в маленьком царстве, в котором все движется, шумит и пугает, действует страшный Бог, восседающий, как на троне, на крышах домов, витающий в чаде фабричных труб. «Er schaut voll Wut, wo fern in Einsamkeit / Die letzten Häuser in das Land verirren» («Он в бешенстве: в полях среди холмов/ Дома бредут в предместьи далёком» (пер. Антона Черного). Демон недоволен. Он с негодованием взирает на деревенские дома, которые пока еще не стали частью его городской империи.

Во второй строфе автор называет имя опасного Бога – Ваал. «Vom Abend glänzt der rote Bauch dem Baal» («Блестит в закате у Ваала брюхо».) Это – божество в **ассиро-вавилонской** этнокультуре, почитавшееся как **громовержец, бог плодородия, воды, войны, неба, солнца**. Ваал требует человеческих жертв [5. S. 196]. Жители ненавидят его. Он символизирует жестокость современного мира,

индустриального бездушного города. При этом он не похож ни на одного из античных Богов или ветхозаветного Бога, предававшего огню города, погрязшие в пороке. Это какой-то совсем иной, новый бес, порожденный техносферой, агломерацией мирового масштаба, из которой человеку уже некуда бежать.

Формально стихотворение написано в достаточно традиционной манере. «Бог города» состоит из пяти четверостиший, в нем сохраняется перекрестная рифма. Ритмическая структура текста опирается на мужские каденции, за исключением 13-й и 15-й строк. Эта придает ему размеренный ритм, который усиливает все акустические эффекты: глас церковных колоколен, «Musik der Millionen / музыку миллионов», танец корибантов. При прочтении вслух создается ощущение тяжести и силы, благодаря чему возникает типичное для экспрессионизма противоречие между строгой формой и эмоционально богатым содержанием произведения.

Для изображения бессмысленного водоворота городской жизни автор обращается к эффекту монотомии – многократного повторения определенного мотива или слова (прилагательного «schwarz»).

Одним из основных средств выразительности является также гипербола: «Der Kirchenglocken ungeheure Zahl / Несчетные колокольни», «schwarzer Türme Meer» / «башен темное море», «Musik der Millionen» / «музыка миллионов». Это придает образу города-монстра особую динамичность, противопоставленную статичному окружению.

У каждого поэта-экспрессиониста есть своя собственная узнаваемая цветовая палитра. Для Г. Гейма, например, характерно использование черного и красного: «Die Winde lagern schwarz um Gottes Stirn» («У лба его ветра черным черны») (пер. М. Гаспарова) [б. S. 28], «Vom Abend glänzt der rote Bauch dem Baal» / «Баала красен вечером живот» (пер. М. Гаспарова). В первом случае обозначение цвета относится к явлению, которое находится за границами чувственного восприятия: «schwarzer Wind» («черный ветер»). Метафора становится абсолютной. Кромешный мрак пронизывает пространство всех стихотворений о большом городе. Здесь нет места солнечным лучам. Черный цвет, будучи основным в поэзии Гейма, усиливает ощущение необъятного ужаса, предчувствие угрозы.

Красный цвет символизирует дьявола. Так, город – преисподняя, мрак, наполненный адскими огнями пламени. В других

лирических текстах Г. Гейма можно встретить близкие мотивы. Город предстает как «отрицательное пространство» покинутых, заброшенных, поросших лесом зон (этот образ можно встретить, например, в цикле стихотворений *der Frühling II* (Весна II)) и как город мертвых:

- например, в стихотворениях «*Von toten Städten ist das Land bedeckt*» («Страна в безмолвье мёртвых городов»): «*Von toten Städten ist das Land bedeckt, / Wie Kränze hängt der Efeu von den Zinnen. / Und manchmal eine Glocke ruft innen. / Und trüber Fluß rundum die Mauer lecket*» / «Страна в безмолвье мёртвых городов. / Плющом укрыты стены, как венками/ Река вокруг тоскливо лижет камень. / Порою колокола слышен зов» (пер. А. Черного);

- в раннем тексте Г. Гейма «*Der alte Kirchhof*» («Старое кладбище», 1906): «*Das ist die Stadt der Toten, wo sie wohnen / In schmalen Straßen, Gruft an Gruft gebaut*» / «Это город мертвых, где они живут / На узких улочках, склеп к склепу» (пер. А. Черного. [7. S. 23];

- в последнем сонете Г. Гейма «*Die Stadt*»: «*Gebären, Tod, gewirktes Einerlei*». / «Рожденье, смерть, насильное однообразие» [8. S. 187].

Итак, город в изображении Гейма подобен миру, находящемуся на грани Апокалипсиса, в котором правит зло, созданное человеком, поработившее его и стремящееся уничтожить не только его тело, но и его душу. В своей городской лирике Г. Гейм обобщает опыт современников, покинувших родные места в поисках лучшей жизни в мегаполисах, но по большей части разочаровавшихся и познавших все проблемы жизни в индустриализованном, подверженном свехурбанизации городе начала XX века.

Библиографический список

1. Wende W. *Großstadtlyrik*. Stuttgart, 1999.
2. Jeßing B., Köhnen R. *Einführung in die neuere deutsche Literaturwissenschaft*. Stuttgart, 1998.
3. Reinhardt-Steinke I. *Untersuchungen zur Lyrik der Moderne am Beispiel der Großstadtgedichte Georg Heyms*. Gießen, 1979.
4. Schünemann P. *Georg Heym*. Berlin, 1993.
5. Blass E. *Georg Heym. Dokumente zu seinem Leben und Werk*. München, 1968.
6. Karl R. *Deutsche Großstadtlyrik*. München, Zürich, 1983.

7. Kasimir E. Über den Expressionismus in der Literatur und die neue deutsche Dichtung. Berlin, 1919.

8. Simmel G. Die Großstadt und das Geistesleben // Die Großstadt. Jahrbuch der Gehe Stiftung. Dresden, 1903.

Сведения об авторе

Ручкин Александр Сергеевич
аспирант кафедры зарубежной литературы
и теории межкультурной коммуникации
НГЛУ им. Н. А. Добролюбова
E-mail: Puschkin27@mail.ru

УДК 821.133.1(091)

РОССИЙСКИЙ МИФ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ МАКИНА

А.Н. Таганов

Ивановский государственный университет, Иваново

Образ России в западном сознании крайне противоречив. Наряду с реальными концептами, характеризующими русский мир, сформировались мифы, легенды и фобии, которые мешают адекватному восприятию русской цивилизации иноязычными участниками. Существует два основных источника формирования образа России за рубежом: переводы литературных текстов русских авторов на иностранные языки и вклад писателей-билингвов, приближающих русскую традицию к читателю новой родины. Наиболее ярким примером нашего времени является французский писатель с русскими корнями А. Макин, чье раннее творчество становится объектом исследования данной статьи.

Ключевые слова: образ России, литература, писатель-билингв, «свое» и «чужое», литературная традиция, «советский» миф, анекдот, традиция Пруста.

The Russian Myth in the Early Works by Andreï Makine Aleksandr Taganov

Most Westerners have a very contradictory image of Russia, since authentic concepts of the Russian world are often accompanied by myths, legends and phobias that distort adequate perception of the Russian civilization by non-Russian speaking foreigners. Two principal sources that determine the development of Russia's image abroad include foreign translations of Russian authors and their literary criticism, as well as contributions from bilingual (immigrant) writers, who make the Russian tradition more accessible to readers in their host country. A prominent contemporary example of the latter is Andreï Makine, a French author of Russian descent, whose early works are the main focus of this paper.

Key words: image of Russia, literature, bilingual writer, "one's own" vs. "another's" ("foreign", "other"), literary tradition, the "Soviet" myth, joke, the Proust tradition.

Образ России, который формировался в западной культуре на протяжении веков, отличался и продолжает отличаться сложностью и неоднозначностью. Значительную роль в его создании играет художественная литература как русская, доходящая до зарубежного читателя большей частью через переводы или в трактовке критиков и литературоведов, так и иностранная, создающая свой образ России, основанный на взгляде извне. При этом художественные произведения писателей, которые обращаются к воспроизведению «иной» культурной реальности, или тексты писателей-билингвов, заставляющих зачастую сосуществовать в рамках одного

художественного пространства различные культурные реалии, могут порождать разные варианты соотношений «своего» и «чужого». В одном случае писатель, не обладающий необходимым опытом и знанием языка, пытается со стороны понять и донести до читателя свое понимание той или иной культурогемы. В другом – автор «изнутри», обладая знанием языка, постигает культурную реальность и переносит ее в «свое» культурное пространство, переводя на родной язык.

Особый случай – положение писателя-билингва, который, сохраняя свой родной культурный фон, переносит его на чужую почву, в рамки «иной» культуры, имея большие возможности донести в адекватной форме реалии своей первой родной культуры до носителей второй, ставшей родной, культуры.

Первый случай может быть проиллюстрирован на примере восприятия русской действительности французской литературой. Традиции этого отношения восходят к XIX веку, к Просперу Мериме, но особенно – к Мельхиору де Вогюэ, который в своей книге «Русский роман» (1886) создал специфический образ славянской литературы, порожденной устремлением русских писателей, прежде всего Толстым и Достоевским, к потаенным глубинам человеческой души. Публикация книги де Вогюэ, переводы произведений русских писателей – все это приводит к появлению во французской культуре особого образа восточной загадочной души, живущей по своим имманентным, не всегда понятным европейцу законам. Возникает своего рода стереотип и в восприятии русской литературы в целом.

Любопытным примером ситуации писателя-билингва во французской литературе оказывается творчество Андрея Макина, в частности, его ранние романы «Дочь героя Советского Союза» («La fille d'un héros de l'Union Soviétique», 1990) и «Французское завещание» («Le testament français», 1995).

Андрей Макин – автор, который сравнительно недавно пополнил список художников русского происхождения, писавших на французском языке и оставивших свой след во французской словесности. Напомним, что среди них – Эльза Триоле, Анри Труайя, Ромен Гари (Ажар), Натали Саррот, Владимир Волков. Макин входил во французскую литературу сложно, но в конечном итоге обрел достаточно шумный успех, получив в 1995 году Гонкуровскую премию, затем премию «Медичи», а также «лицейского Гонкура» за

роман «Французское завещание». К настоящему времени он – автор многих произведений, среди которых, кроме уже упомянутых произведений, романы «Преступление Ольги Арбелиной» («Le crime d'Olga Arbéline», 1998), «Реквием по Востоку», («Requiem pour l'Est», 2000), «Музыка одной жизни» («La musique d'une vie», 2001), «Земля и небо Жака Дорма» («La terre et le ciel de Jacques Dorme», 2003), «Любовь человеческая» («L'Amour humain», 2006) и «Имя твое неизвестно...» («La vie d'un homme inconnu», 2009).

Отношение к творчеству А.Макина – при всем том, что он получил престижные премии, – далеко не однозначно. Это особенно заметно на примере российской критики, более всего по отношению к роману «Французское завещание», переведенному на русский язык. В его оценке зачастую возникают прямо противоположные мнения, обусловленные внутренней двойственностью упомянутого произведения. Достаточно резко оценивает творчество Макина Татьяна Толстая: «Странно видеть, как, уходя из сферы притяжения русской литературы, русский человек, надев чуждый ему костюм чужого языка, не мытьем, так катаньем, не криком, так шепотом заставляет обратить на себя внимание совершенно чужих и равнодушных в сущности людей, чтобы, отчаянно жестикулируя, объяснить по поводу того, откуда, как, с чем и зачем он к ним пришел» [1. С. 309].

Мария Злобина, хотя и относит «Французское завещание» к «настоящей литературе», замечает: «В любом случае несколько десятков подлинно прекрасных мгновений теряются среди трех сотен страниц, на протяжении которых наполовину условный герой мечется между вымечтанной Францией и липовой Россией» [2].

В то же время для Марии Рубинс романы Макина – пример любопытных мистификаций, своеобразных «воображаемых воспоминаний» [3]. В его творчестве «возрождается и переплетается множество эстетических традиций. Результатом этого симбиоза является глубоко оригинальный миф о России, которая предстает не только в конкретно-историческом или метафизическом аспекте, но прежде всего как *литературное пространство*» [4. С. 229]. Подводя итоги споров о творчестве Макина, Рубинс пишет: «Итак, с одной стороны, Макина упрекают в том, что он пишет о русской жизни по-французски, а с другой – в том, что эту русскую жизнь он делает лубочной, поверхностной, клишированной» [4. С. 213].

Пытаясь найти причины столь противоречивых реакций на прозу художника, обратим внимание на то, что в творчестве писателя-билингва неизбежно возникают, сосуществуя и вступая порой в сложные взаимоотношения, две точки зрения. Одна имеет основание внутри русской реальности, другая расположена вне ее и предполагает взгляд на представленные вещи извне, с точки зрения инакового сознания. Билингвизм и порожденная им бивизуальность создают и особого рода стилистику: необходимость использования форм максимально ёмких, доступных, почти примитивизированных для погружения в вещи сложные и неоднозначные. Так в стилистике романов А. Макина возникают лубочные формы, которые отвечают этим требованиям.

Как известно, лубок – вид графики, рассказ и картинка, выполненный в примитивистской манере, направленный на коммуникативно-просветительские задачи. Это искусство, отличающееся доходчивостью и вместе с тем ёмкостью образа, доходящей до примитива простотой техники и лаконизмом изобразительных средств, наличием развернутой повествовательности в совокупности с пояснительными надписями-комментариями. «Лубок, - как пишет С.Е. Юрков, - не достиг уровня самостоятельности, равного фольклору, его «питательная» основа – подражание тому, что уже найдено и создано художником или (писателем)-профессионалом. Отсюда – его пародийность, обыгрывание известных сюжетов картин или популярных пьес в смеховой, сниженной форме» [5. С. 178].

При этом, как справедливо подмечает Ю.М. Лотман, после поворота, который произошел в XX веке во взглядах на так называемые примитивные виды искусства, говорить о художественной неполноценности лубка не приходится [6. С. 322-339].

В первом произведении Макина – романе «Дочь Героя Советского Союза» – рассказывается история центрального персонажа по имени Иван, получившего главную награду страны во время Второй мировой войны и сполна познавшего нелепые стороны послевоенного периода, а также его дочери Ольги, которая в силу обстоятельств вынуждена совмещать по приказу КГБ деятельность переводчицы и «интердевочки». Книга Макина напоминает многочисленные перестроечные романы, но вызывает ощущение

вторичности: словно бы перед нами возникает их упрощенный вариант.

Повествование в романе построено в хронологической последовательности, с вкраплением реминисценций-воспоминаний, связанных с жизнью главных персонажей. Судьба главного героя и его дочери показаны на фоне исторических событий. Их выбор, с одной стороны, продиктован стремлением донести до иностранного читателя реалии жизни Советского Союза, а с другой, – быть понятым иностранным читателем. Это порождает клишированный, примитивизированный язык образов, преимущественно состоящий из штампов, сложившихся на основе негативного, постперестроечного восприятия истории Советского Союза, который оказывается близок для западного восприятия.

Повествовательная структура романа строится подобно тому, как выстраивается ряд лубочных картинок, очень часто иллюстрирующих и комментирующих уже известные сюжеты. А. Макин создает событийный ряд, основой которого становятся расхожие факты официальной истории, сопровождаемые авторскими, иногда ироническими комментариями, эквивалентными пояснительным надписям в лубке: «История забавлялась, насмехаясь над теми, кто считал, что может управлять ею безнаказанно. Андропов умер. За ним последовал Черненко. С непристойной быстротой комиксов умирало окружение Брежнева. Похороны на Красной площади под звуки «Траурного марша» Шопена проходили так часто, что москвичи ловили себя на том, что насвистывали его, как насвистывают модную мелодию» [7. Р. 72-73]. Весьма симптоматично здесь упоминание комикса, который в определенной мере можно рассматривать как современный вариант лубка.

В роли надписи-комментария в романе А. Макина может выступать «чужое слово», завязывающее своеобразные отношения с текстом, который представляет лубочные картинки истории, как это происходит, например, в эпизоде, где автор рассказывает о периоде правления Андропова и вставляет в повествование анекдот, который, якобы, любил генсек: «Идет заседание Политбюро. Обсуждают, кто заменит Брежнева. Вдруг распахивается дверь и входит Андропов в сопровождении Алиева. Потрясая револьвером, Андропов кричит: «Руки вверх!» Все старцы поднимают дрожащие руки. «Опустить левую руку», - командует Андропов и, обращаясь к Алиеву, говорит:

«Занеси в протокол: голосование за Андропова – единогласно!» [7. Р. 72].

Очевидно, что стремление автора к созданию именно такого образа своей родины, который вызывает споры и обвинения в примитивизме и лубочности, во многом обусловлено субъективными факторами: особенностями биографии и эмоционально-идеологическим настроением писателя, не сумевшего обрести своего места в российской действительности и в отечественной словесности и пытающегося это сделать в рамках французской литературы, стараясь быть предельно доступным французскому менталитету, и при этом соответствовать его стереотипным представлениям о России.

Как следствие – предсказуемость сюжета и отдельных эпизодов, плоские, лишённые психологии персонажи, которые являются носителями авторских слов. В результате возникает роман, содержащий лубочные формы, лубочный стиль, лубочную лексику, лубочный глоссарий: *la Bériozka, la balalaïka, les vétérans, la pérestroïka, le KGB, l'obkom, la Kolyma, le raïkom, le gastronom, la garmochka, l'intouriste, le kolkhoze, le koulak, l'isba, la léjanka, la matriochka, la vodka, la glasnost, la mère-héroïne* и т. п.

Однако важно и другое. Действительно, А. Макин переводит свои представления о российской жизни на универсальный французский язык, стараясь быть понятным и доступным французскому менталитету. Язык этот скользит по поверхности реальности и порождает лубочный уровень романа.

Вместе с тем, то, что Макин пишет о советской действительности на французском языке, позволяет ему дистанцироваться от нее, подвергать ее «остранению», создавать гротесковые, пародийные формы, рождающие игровое соотношение между реальностью и образом реальности, запечатленном в официальных фразах-клише и в стереотипных идеологемах. В этом плане показательно уже само название романа, приобретающего в контексте произведения лубочный, гротесково-пародийный оттенок. Таким образом, сама изначальная клишированность изображаемой действительности и критическое отношение к ней автора обуславливают закономерность и неизбежность появления в творчестве писателя лубочных форм.

Возникает своеобразный парадокс: сама лубочность романа помогает автору создать образ косной официальной советской действительности, официального идеологизированного языка (*langue de bois*), порождающих особую разновидность мышления и особого вида человека – *homo sovieticus*. Марианна Гур справедливо замечает по этому поводу: «...читатель наблюдает, как на протяжении многих лет Иван и его супруга добровольно замещают прожитое и свои собственные воспоминания официальными отчетами. Точнее, их воспоминания исчезают, сливаются с официальным дискурсом» [4. С. 208].

Другой роман Макина – «Французское завещание» – строится по более сложным законам, во многом по законам постмодернистского текста, основанного на игре с читателем, совмещающего в себе различные жанровые и стилистические разновидности: роман воспитания, семейная хроника, роман о романе, псевдоавтобиография. Кроме того, в нем можно усмотреть черты «диссидентского» произведения – рассказ о судьбе героя, постигающего законы советского строя и отвергающего его. Помимо этого, рассказчик, проявляющий в данном случае солидарность с автором, находится в поиске «универсального языка», который позволил бы ему найти путь к истинам бытия и, вместе с тем, обрести себя в этой жизни, завоевать свое место в ней, заявить о факте своего существования и его уникальности.

Эти поиски «универсального языка» оборачиваются тем, что автор пытается выстроить роман как дискурс, который представляет жизненный путь героя и одновременно показывает становление его личности, формирование его жизненных представлений. Ввязываясь в сложную конъюнктурную структуру историко-политического плана, выступая против идеологии, обусловившей специфику советского социума, А. Макин создает свою антиидеологию, опять-таки явно рассчитанную на французскую точку зрения. Повествование, ведущееся в романе от первого лица, обращает нас к внутреннему миру рассказчика, восстанавливающего в памяти основные этапы своего жизненного пути, связанного с двумя культурными реальностями: Россией и Францией.

Русский по происхождению, герой уже с детства начинает приобщаться к французским реалиям благодаря своей бабушке Шарлотте, француженке, попавшей в Россию еще до революции и

осевшей в ней по воле судьбы. Автор-повествователь проходит сложный путь от формирования образа-мифа Франции к его отторжению в силу погружения в советскую действительность, а затем и через ее отрицание, которое приводит к тому, что герой покидает эту реальность и перемещается в пространство своей мечты, естественно, не совпадающее с его первоначальным обликом, но оказывающееся, несомненно, более приемлемым для него. С этой точки зрения он и производит подведение итогов своего жизненного пути.

А. Макин стремится не только передать свой опыт читателю, но и ангажировать его. При этом в качестве реципиента изначально предполагается французский читатель, для которого, по замыслу автора, его текст будет доступен. В этом смысле роман Макина «риторичен», то есть написан на языке «общих мест» на хорошем французском языке. Макин выбирает «понятные» западному читателю, соответствующие его представлениям о России стереотипы и штампы: степь, бескрайние просторы, снег, Сталин, Берия, лагеря, царь и царица. То, что роман ориентирован на французского читателя, выдает сам текст книги. Автор дает пояснения по поводу тех реалий, которые очевидны для русского человека. Так, например, он проясняет статус дворовой скамейки: «Она пересекала двор, никогда не присаживаясь на скамейку, где обычно сидели бабушки, – атрибут, без которого немислим русский двор» [8. Р. 33].

Все эти особенности, как и в случае рассмотренного произведения, порождают лубочную ипостась романа, написанного на языке, который рассчитан на понимание французского читателя. Они и вызывают неприятие, обвинения в пошлости и китчевости со стороны упоминавшихся критиков. Бесспорно, нельзя не отметить, что поиски А. Макиным «универсального языка» приводят к тому, что он и в этом романе переводит свои представления о жизни на универсальный, то есть общедоступный французский язык, и что язык этот скользит по поверхности русской реальности, порождая лубочные картинки. С другой стороны, во «Французском завещании» угадываются контуры иного «универсального языка», который проявляется в те моменты, когда рассказчик, отказываясь от лубочной техники, восстанавливает отдельные мгновения бытия, запечатлевшиеся в личностных чувственных переживаниях, возвращая их через спонтанную память.

Специфика Макина-писателя в том, что он находится на рубеже двух реальностей, двух культур, двух языков. Межевая, пограничная ситуация, ситуация «между» во многом определяет и дискурс романа, позволяет автору выходить за пределы как русского, так и французского пространств в романе. Эти два мира начинают сосуществовать в сознании героя поначалу не на равных. Русский вбирает в себя французское, образуя причудливые конгломераты (Пруст посреди деревенских изб). Французское возникает как образ, сформированный Словом Шарлотты, отдаленный от русской реальности, романтизированный, выстроенный по логике индивидуального мышления, противостоящий русской реальности, однако, благодаря той же Шарлотте, в конце концов и сближающийся с ней.

Стихийное понимание различия / сходства двух реальностей, двух культур обретается зрелым героем романа в результате постижения того, что существует что-то вроде языка-посредника, «языка удивления», способного выражать универсальные ценности. По сути, здесь происходит обретение того «иностранный язык» [9. С. 126], о котором и писал в свое время Пруст, – языка, который выходит за границы привычных, стереотипных понятий, который вмещает в себя бытие пережитых мгновений, данных в их живом, чувственном виде. Очевидно, это тот «вступающий в просвет бытия» язык, о котором говорил и Хайдеггер: «Бытие есть кров, который укрывает человека, его экзистирующее существо, в своей истине, делая домом экзистенции язык. Оттого язык есть вместе дом бытия и жилище человеческого существа» [10. С. 218.].

В этом плане роман «Французское завещание» Андрея Макина по своей структуре имеет непосредственное отношение к прустовской традиции. Дело не только в постоянном эксплицитном обращении автора к творческому наследию Пруста, но в особом статусе памяти как структурообразующего элемента. В романе присутствует логика прустовского отношения к Слову как к главному средству создания особого рода реальности, которая отражает внутренний мир индивидуума, восстанавливающего свое «внутреннее я».

Вместе с тем, произведение Макина построено не столько как «обретение утраченного времени», сколько как попытка понимания сути прустовского художественного механизма, восстанавливающего «утраченное время». Макин пишет на чужом языке, чтобы превратить

свой язык в «чужой» – тот «иностранный», о котором писал Пруст. Однако если у Пруста слово всецело стремится к «просветам бытия», то у Макина оно мечется между соблазном коммуникации, ангажированности, лубочности и поэтическим призывом выразить таинственную суть существования через субъективный личностный опыт.

Таким образом, в творчестве автора «Французского завещания» сталкиваются и борются между собой различные языки, зачастую одинаково претендующие на универсальность: универсальный язык коммуникации, язык «общих мест» и универсальный язык бытия, «иностранный язык» Пруста, отсылающий к внутреннему, сокровенному миру личности, а через него к тайне бытия.

Библиографический список

1. Толстая Т. Русский человек на randevу // День: Личное. М.: Подкова, 2001. 416 с.
2. Злобина М. В поисках утраченных мгновений // Электронный ресурс Интернет: http://maga.iies.iuss.ru/novyi_mi/1996/10/sarkn.html.
3. Рубинс М. А. Makine. «La terre et le ciel de Jacques Dorme» // Новый журнал. 2003. № 232.
4. Рубинс М. Русско-французская проза Андрея Макина // Новое литературное обозрение. 2004. № 66.
5. Юрков С.Е. От лубка к «Бубновому валету»: гротеск и антиповедение в культуре «примитива» // Юрков С.Е. Под знаком гротеска: антиповедение в русской культуре (XI - начало XX вв.). СПб., 2003. С. 177-187.
6. Лотман Ю.М. Художественная природа русских народных картинок // Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002. 544 с.
7. Makine A. La fille d'un héros de l'Union Soviétique. Paris: Robert Laffont, 2003. 210 p.
8. Makine A. Le testament français. Paris: Mercure de France, 1995. 343 p.
9. Пруст М. Против Сент-Бёва: Статьи и эссе. М.: ЧиРо, 1999. 49 с.
10. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.

Сведения об авторе

Таганов Александр Николаевич
доктор филологических наук,
профессор кафедры зарубежной литературы,
декан факультета романо-германской филологии
Ивановского государственного университета
E-mail: shishtag@mail.ru

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 378.147:811

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИСТИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Е.Н. Баранова

*Нижегородский государственный технический университет
им. Р.А. Алексеева, Нижний Новгород*

Компетентностный подход рассматривается в контексте продолжения гуманистической традиции в образовании, вместе с тем подчёркивается его прагматическая составляющая. Сопоставление особенностей лично ориентированного и инноваций компетентностного подходов позволяет автору обосновать своё видение парадигмы последнего.

Ключевые слова: гуманистическая парадигма образования, компетентностный подход, компетенции.

Competence Approach in the Context of the Humanistic Paradigm in Education Elena Baranova

The paper looks at the competence approach in the context of the humanistic tradition in education, emphasizing its pragmatic component. The author compares the person-oriented approach with innovations of the competence approach and outlines her view of the latter paradigm.

Key words: the humanistic paradigm in education, competence approach, competences.

Процесс иноязычного образования, как и образования в целом, сложен и многогранен. Он интегрирует, как известно, реализацию трёх основных целей – обучения, развития, воспитания. В представленной статье инновационный потенциал компетентностного подхода к иноязычному образованию рассматривается в контексте гуманистической парадигмы образования, осмысление которой невозможно без опоры на исследования, в той или иной степени подготовившие пересмотр знаниево-ориентированных в пользу лично ориентированных образовательных моделей.

На протяжении всей истории образования доминировали две модели обучения, находившиеся в процессе постоянного противоборства – авторитарная и гуманистическая. Процессу воздействия на «объект» обучения противопоставлялось педагогическое взаимодействие, ориентации на социум – личностно ориентированные цели образования, узкому прагматизму – гуманистические представления об образовании, сфокусированного на развитие человека как личности и гражданина.

Смена образовательных парадигм приводила и к изменению доминант в системе основных параметров образования как социокультурного феномена:

- знаниевая (в фокусе – «трансляция» знаний);
- культурологическая (ориентация на освоение элементов культуры);
- технократическая (её базис – мировоззрения, основанные на приоритете техники и технологий над общечеловеческими интересами и гуманитарными ценностями);
- социетарная (в основе – принципы государственного управления обществом);
- гуманистическая / человеко-ориентированная (в центре находится человек как непреходящая ценность, усиливается внимание к его интересам и индивидуальным особенностям). В этой парадигме взаимодействуют две модели: а) детоцентрированная; б) педоцентрированная.

Гуманистическая парадигма образования, укоренившаяся в ряде ведущих европейских университетов, имеет давние традиции и в России, в основе которых лежат работы К.Д. Ушинского, П.П. Блонского, П.Ф. Каптерёва и других выдающихся педагогов. Их взгляды стали базовыми и для представителей современной гуманистической психологии.

Начало XX века ознаменовалось переходом к гуманистической антропоцентрической парадигме образования [1. С. 30-31].

Изменению взглядов на образование и осознанию его гуманистической сути в немалой степени способствовало и изменение представлений о личности, которая наряду с социальными качествами обладает различными субъективными свойствами,

характеризующими её автономность, независимость, рефлексивность, саморегуляцию, способность к выбору.

Личность, будучи системообразующим началом педагогического процесса, его субъектом, является и ключевой целью образования. В фокусе такого образовательного процесса – самоидентификация и «самоактуализация личности», достижение «полной человечности», овладение наибольшей высотой, доступной для человеческого рода или для данного индивидуума [2. С. 180]. В гуманистической образовательной парадигме важными компонентами целеполагания (по Маслоу) являются:

- ✓ развитие способности к рассуждению, анализу;
- ✓ поддержка интуиции и творчества;
- ✓ формирование умения критично оценивать общество;
- ✓ развитие способности выйти за пределы собственной культуры, стать «гражданином мира».

В концепции обучения, разработанной другим представителем гуманистической психологии К. Роджером [3], акценты делаются на:

- открытость общения, способствующего самораскрытию как учащегося, так и педагога;
- проявление всех потенциалов человека (реализация того, что заложено в человеке как возможность);
- целостный подход к развитию и обучению (интеграция интеллектуального, телесного и духовного начал);
- обучение через опыт (имитация реальных жизненных ситуаций, параллельное развитие эмоциональных и когнитивных сфер);
- индивидуальный подход как уникальный стиль обучения каждого (центрация на потребностях, интересах, эмоциях учащегося);
- роль учителя как фасилитатора – создателя атмосферы внимания и поддержки);
- предельно активную роль учащегося (самостоятельность выбора, в том числе, чему и как учиться);
- понятие свободы учения, обеспечиваемой, в том числе, и личностными качествами педагога.

Противопоставляя процессу преподавания (= трансляции знаний) учение, в основе которого лежит саморегуляция и самопознание, К. Роджер подвергает критике когнитивное учение,

отрицая его как принудительное, оцениваемое извне, и ратует за опытное учение, видя в нём самостоятельное, инициируемое самим учащимся усвоение смыслов как элементов личностного опыта.

В опытном обучении раскрываются положительные стороны гуманистической модели обучения через общение. Педагог больше не находится в центре образовательного процесса, не выполняет директивной функции. Схема коммуникации становится децентрализованной, в обучении через общение плодотворно сочетаются эмоциональные и когнитивные компоненты.

В «знаниевой» парадигме педагог, работая с учащимися, главным образом на индивидуальном (интеллектуальном) уровне, не затрагивает уровень личностный. Вместе с тем, как справедливо заметил В.Д. Шадриков, «можно многое знать, но не уметь творить, многое знать, но не быть духовным человеком. Духовным знание становится тогда, когда оно превращается в личностно значимое. Только личностное знание является духовным знанием» [4. С. 245].

Если в знаниевой парадигме внимание сконцентрировано на знаниях обучаемого, его интеллекте, а также на операциональной успешности и исполнении предназначенных функций, то в фокусе гуманистической парадигмы оказывается сама личность, её жизненные смыслы, нацеленность на самоорганизацию и личностные функции человека.

Сравнительный анализ образовательных парадигм традиционного и личностно ориентированного образования, проведённый в ряде исследований, представлен в сжатой форме в следующей таблице [5. С. 22].

Таблица 1

Параметры сравнения моделей образования	традиционное	личностно ориентированное
цели обучения	заданы извне, ориентированны на абстрактную единую модель личности	согласуются с личностью, нацелены на её самоактуализацию

содержание	определяется стандартом, предлагается преподавателем	личностный компонент содержания рождается в процессе обучения
приоритет обучения	«объективная истина»	субъективный смысл
мотивация обучения	внешняя	внутренняя
задачи обучения	усвоить, осознать	проанализировать, сопоставить и т.п.
единица обучения	урок	ситуация, проект и др.
знания	программные, представленные в системе из авторитетных источников	лично значимые (возможность их несистемного характера)
роль личности обучаемого	ведомая, объект обучения	ведущая, субъект образования и собственной жизни
роль педагога	директивная (руководитель процесса обучения)	корректирующая, направляющая, вспомогательная, фасилитирующая
роль компетенций педагога	не исключено дилетантство	высокий профессионализм как главное условие реализации лично ориентированного подхода.

Можно не согласиться с отдельными категоричными утверждениями автора приведённой таблицы О.Е. Ломакиной, в том числе:

- ✓ мотивации, являющейся, по мнению автора, только внешней при традиционном подходе и внутренней при лично ориентированном подходе;
- ✓ приписываемой традиционному подходу возможности «дилетантства» преподавателя и его исключительно директивной роли;

✓ убеждённости в том, что пространство образовательного учреждения остаётся при традиционном подходе замкнутым.

Есть возможность упрекнуть авторов и в недостаточной аргументированности некоторых других положений. Нельзя, однако, не признать, того, что в приведённой таблице в целом отражены принципиальные различия знаниевого и личностно-ориентированного подходов.

Главным достоинством гуманистической парадигмы является единство обучения (учения), развития и воспитания в образовательном процессе, нацеленного на развитие человека, на его гражданское и нравственное воспитание, на его общекультурное становление как личности.

Осуществление заявленных целей невозможно в рамках прагматического подхода, или узкоутилитарной «рыночной» ориентации на клиента и потенциального работодателя, что диктуется условиями, когда образование из категории общественного блага переходит в сферу образовательных услуг.

Важным фактором, определяющим характер систем образования и ведущие педагогические теории, была и остаётся социально-экономическая ситуация в странах – участниках образовательного процесса.

В образовательном пространстве современной Европы доминируют позитивно-прагматические идеи, в частности, представление о качественном образовании как важном условии профессионального успеха и карьерного роста.

В этой ситуации и оказался наиболее востребованным компетентностный подход в образовании, в том числе иноязычном. Находясь в русле личностно ориентированной образовательной парадигмы, данный подход в контексте формирования компетенций современного специалиста несомненно приобретает чётко выраженную прагматическую окраску и вносит значительный вклад в реализацию идей интернационализации образования [6].

Внедрение компетентностного подхода в вузовскую практику неизбежно сопряжено и с переосмыслением личностно центрированной образовательной парадигмы. Выбор подхода, как известно, во многом определяет образовательный процесс в целом и все его компоненты.

Подход является «базисной категорией методики, определяющей стратегию обучения языку и выбор метода обучения, реализующего такую стратегию. Подход представляет собой точку зрения на сущность предмета, которому надо обучать» [7. С. 200]. Он, прежде всего, реагирует на запросы времени и является вектором, направляющим весь образовательный процесс.

Смена ориентиров в образовании вела к появлению новых подходов. В иноязычном образовании в разные периоды времени, отражая дух эпохи и потребности общества, доминировали различные подходы – познавательный (когнитивный), системный, личностно-ориентированный, культурологический, коммуникативно-деятельностный, межкультурный и др.

В фокусе компетентного подхода находится формирование личности компетентного специалиста. Определяя специфику данного подхода, многие исследователи разграничивают понятия «компетенция» и «компетентность». Сторонники подхода видят в компетенциях

- внутренние потенциальные личностные образования;
- знания, навыки, умения;
- способности и уровень обученности;
- личностные качества;
- представления;
- программу действий;
- систему ценностей.

а компетентность рассматривают как умения реализовывать приобретённые компетенции в конкретной деятельности [8].

Нельзя отрицать тот факт, что в рамках компетентного подхода ряд проблем остаётся нерешённым. Среди них:

- отсутствие общепризнанного реестра компетенций,
- неоднозначность их трактовки,
- необходимость уточнения совокупности компетенций, значимых для конкретной профессиональной сферы,
- отсутствие верифицированных способов проверки уровня сформированности компетенций,
- необходимость изменения формата «экзаменов».

Анализ современных исследований показывает неоднозначность оценки путей решения названных проблем реализации

компетентностного подхода. Вместе с тем большинство исследователей подчёркивает бесспорные достоинства компетентностного подхода, среди которых особо следует отметить:

- ✓ личностно-ориентированную цель обучения;
- ✓ возможность выбора индивидуальной образовательной траектории;
- ✓ развитие потенциально значимых качеств личности;
- ✓ формирование как общекультурных, так и профессиональных компетенций в интегративном образовательном пространстве вуза;
- ✓ ориентированность на рынок труда и учёт мнения работодателей как важнейшие факторы формирования инновационных образовательных программ.

Анализ отличительных особенностей парадигм личностно ориентированного и традиционного образования в сопоставлении с инновациями, вносимыми компетентностным подходом, позволяет обобщённо представить особенности компетентностного подхода в следующей таблице:

Таблица 2. Парадигма компетентностного подхода

Цель образования	формирование компетентного специалиста, креативного, духовного, толерантного, деятельного, конкурентноспособного на рынке труда
содержание образования	формирование профессиональных и общекультурных компетенций специалиста, обеспечивающих его эффективную профессиональную деятельность, а также социокультурную и межкультурную адаптацию.
роль личности студента	активная, готовая к саморефлексии творческая, реализующая индивидуальные особенности и потребности
характер отношений педагога и студента	субъект ↔ субъект: партнёры по деятельности
стиль деятельности	коллективное и автономное планирование, организация и оценка

	своей деятельности и деятельности партнёров по реализации проектов
компетентность преподавателя	высокий уровень сформированности всех составляющих профессиональной компетенции - <ul style="list-style-type: none">• языковой• речевой,• методической• информационно-коммуникационной• меж- и этнокультурной
мотивация обучения	внешняя, диктуемая требованиями работодателей, внутренняя, исходящая из потребностей личности в самореализации
инновационный принцип организации образовательного процесса	создание интегративного (усилия кафедр, институтов, предприятий-партнёров) интернационального и поликультурного образовательного пространства

Предлагаемая таблица не является исчерпывающей, может уточняться и дополняться в соответствии с образовательными целями, особенностями субъектов обучения, изменяющихся требований времени.

В последнее десятилетие многие теоретические положения компетентностного подхода проверяются практикой вузовского образования. Необходимость перехода от деклараций к практической деятельности российских вузов по внедрению компетентностного подхода подтверждена в ФГОС третьего поколения [9].

В данной работе отражены результаты эксперимента, проведённого с 2000 по 2011 год на базе Нижегородского государственного технического университета (НГТУ). Речь идёт о внедрении компетентностного подхода в иноязычную подготовку специалистов технического профиля – переводчиков в сфере профессиональной коммуникации, и выпускников вуза, успешно осуществляющих иноязычное межкультурное общение в научной и производственной сфере. Исследования проводились в Центре иноязычного образования НГТУ, они позволяют сделать следующие выводы:

1. Компетентностный подход продолжает традиции гуманистического образования и, вместе с тем, является логичным ответом на прагматику сегодняшнего дня, так как позволяет учитывать и реализовывать требования работодателей.

2. Компетентностный подход ставит в качестве главной цели образовательного процесса подготовку компетентного специалиста, фокусирует внимание на формировании его профессиональных и общекультурных компетенций, и, таким образом, в большей степени обеспечивает эффективную профессиональную деятельность вузовских выпускников, их дальнейшую социокультурную и межкультурную адаптацию в жестких условиях конкуренции на рынке труда.

3. Компетентностный подход переосмысливает взаимодействие преподавателя и студента в духе реального, а не декларативного партнёрства и предоставляет инновационные инструменты практической реализации основных постулатов личностно ориентированного обучения, а также формирует субъектно-субъектные отношения и обеспечивает возможность большей автономности студента как субъекта образовательного процесса.

Библиографический список

1. Бордовская Н.В., Реин А.А. Педагогика. СПб.: Питер, 2003. 304 с.
2. Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999. 478 с.
3. Роджерс К., Фрейберго Д. Свобода учиться. М.: Смысл, 2002. 527 с.
4. Шадриков В.Д. Психология деятельности и способности человека: Учебное пособие. М.: Издательская корпорация «Логос», 1996. 320 с.
5. Ломакина О.Е. Проективный подход к формированию коммуникативной компетенции студентов языкового вуза (английский язык): Дис. ... докт. пед. наук. Тамбов, 2004.
6. Балыхина Т.М., Балыхин М.Г. Лингвопрофессиональное образование в России: совершенствование системы и инновационные направления // Известия Юго-Западного университета. Сер. Лингвистика и педагогика. Курск, 2011. №1. С. 7-14.

7. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР, 2009. 448 с.

8. Зимняя И.А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата образования // Высшее образование сегодня. 2003. № 5. С. 34-42.

9. ФГОС ВПО по направлениям подготовки 010400 (прикладная математика и информатика), 140800 (ядерная физика и технология), 151000 (технологические машины и оборудование) и др. / Министерство образования и науки РФ // Электронный ресурс Интернет: <http://mon.gov.ru/dok/fgos/>

Сведения об авторе

Баранова Елена Николаевна
кандидат филологических наук, доцент,
зав. кафедрой иностранных языков
Нижегородского государственного
технического университета им. Р.А. Алексеева
E-mail: baranova57@yandex.ru

УДК 378.147:811.161.1'373

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ ОБУЧЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИИ РУССКОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТОВ-ЖУРНАЛИСТОВ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ВУЗА

Е.Ф. Глебова

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В статье дается описание фразеологических единиц в учебных целях. Рассматриваются функции фразеологизмов как языковых знаков, которые в отличие от слова и словосочетания характеризуются целостностью смысла и расчлененностью структуры. А также анализируются функции фразеологизмов как средств выразительности коммуникативной речи. Описывается ситуация общения, в которой фразеологизмы выполняют функции обозначения основных семантических понятий - предметности, признаковости, инструментальности и т.п. и функции агенса, пациенса, сирконстантов.

Ключевые слова: фразеологизм, функции фразеологических единиц как языковых знаков, средств выразительности речи; коммуникативная ситуация, функции актантов, сирконстантов.

Functional and Communicative Aspects of Teaching Phraseology to Journalism Students at a Linguistic University Elena Glebova

The article studies functional and communicative aspects of presenting phraseological units in the teaching process. The author contrasts functional characteristics of idioms as linguistic units with qualities of words and phrases and describes phraseological units as means of speech expressiveness. The communicative aspect of phraseology is presented in its functions of naming such basic semantic notions as objectiveness, attributiveness, etc., as well as playing the role of the agent, the patient, etc. in communicative situations.

Key words: phraseological unit, functions of phraseological units as language signs, means of speech expressiveness; communicative situation, functions of actants, surconstants.

Функционально-коммуникативный подход к обучению языкам на сегодняшний день стал одним из ведущих направлений лингводидактики. Данный подход связан с новым пониманием роли языков как средств формирования личности обучаемого, развития ее коммуникативных и когнитивных ресурсов, способностей к дальнейшему саморазвитию и самообучению.

В лингвистической науке наиболее распространенными являются определения функции как «роли (употребление, назначение)

языка в человеческом обществе и как детерминированного соответствия (зависимости) единиц одного множества единицам другого множества» [1. С. 564]. Тем самым понятие функции предполагает отношение части и целого, элемента и системы [2. С. 45].

В педагогическом дискурсе бытует представление о функции как только о речевом явлении, оторванного от языковой основы, что затрудняет изучение места фразеологических единиц в системе языка, их формальной и смысловой организации. Решение вопросов о коммуникативных функциях фразеологизмов неотделимо от выявления их признаков как носителей таковых функций, то есть от признаков фразеологизмов как языковых знаков (единства смысла и расчлененности структуры).

Обращение к фразеологизмам как к предмету педагогического исследования обуславливает исследование их сущности, зависимости между его элементами, тенденцией к взаимопроникновению одних областей знания в другие, поиска приемов интеграции знаний разных уровней.

Фразеологизмы являются одним из действенных средств объяснения основ мировоззрения и глубинных мотивов поведения как отдельного человека, так и социума в целом. «Фразеологические единицы всегда обращены на субъекта, т.е. возникают они не столько для того, чтобы описывать мир во всем его многообразии, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать отношение к нему» [3. С. 14].

Изучение фразеологии русского языка на основе коммуникативного подхода, как показало наше исследование, дает возможность обучаемым не просто овладеть набором идиом для решения той или иной коммуникативной задачи, но и раздвинуть границы собственного мироощущения и мировосприятия, внести в картину мира, созданного с помощью родного языка, новые краски культуры. Осознание студентами асимметричности фразеологизма обеспечивает понимание его как лексико-семантической единицы, построенной по определенной синтаксической модели, что, безусловно, служит развитию когнитивных способностей и эмотивно-эстетической сферы обучаемых.

Определение ценностных характеристик фразеологизмов служит осмыслению обучаемыми их «внутренней формы», которая становится своеобразным окном, помогающим видеть когнитивные и духовные особенности национальной языковой картины мира. Так, по утверждению В.В. Виноградова «внутренняя форма слова, образ, лежащий в основе значения или употребления слова, может уясняться лишь на фоне той материальной и духовной культуры, той системы языка, в контексте которой возникло или преобразовалось данное слово или сочетание слов» [4. С. 18].

В результате анализа различных научных концепций описания фразеологических единиц студентам-журналистам предлагалось под функциональной составляющей определять процесс познания явлений мира (в нашем случае фразеологизмов русского языка), заключающийся в присвоении предметам мысли разнообразных признаков, возникающих в речемыслительной деятельности. Так, на основе концепции В.В. Виноградова, сущность фразеологизмов-сращений определяется студентами как семантическая неделимость, невыводимость целого значения из значений его компонентов, то есть фразеологически связанное значение особого типа (лексическое). В концепции структурно-семантической организации фразеологических единиц А.И. Смирницкого и О.С. Ахмановой [5. С. 560] студенты выделяют системно-уровневые и дистрибутивные признаки фразеологизмов (глаза горят – глазки горят; колени – коленки дрожат). В концепции контекстологической оценки фразеологизмов Н.Н. Амосовой, В.Н. Кунина студенты осмысливают сущность фразеологизмов как семантическое воздействие слов в речи (переменный, постоянный, устойчивый контекст).

Особенное значение для выявления сущности фразеологических единиц имеет системно-парадигматическая концепция описания фразеологизмов В.П. Жукова [6. С. 23]. Ученый выделяет интегральные и дифференциальные признаки фразеологизмов, указывающие на сходство одной фразеологической единицы с другой (белая / черная кость – оценка с точки зрения происхождения, а также на дифференциальные признаки, отмечающие семантическое своеобразие фразеологизмов – благородное/низкое происхождение).

Итак, принимая «широкое толкование термина «фразеологическая единица», студенты определяют сущность

фразеологизмов как обозначение семантически однородных типов, сочетаний (фразеологических сращений, фразеологических единств, фразеологических единиц и фразеологических выражений), обладающих целостностью смысла и расчлененностью структуры, несущей многоплановую информацию о предметах и явлениях действительности и систему отношений между составляющими их значениями.

При этом возникает вопрос о денотате фразеологической семантики: семантики фразеологизма как самостоятельной единицы языка или семантики фразеологизма в окружении коммуникативных единиц (контекстной семантики), то есть, каков внеязыковой субстрат отражает фразеологизм и каков характер такого отражения.

Специфику фразеологической семантики, в отличие от лексической, лингвисты объясняют по-разному: а) противоречием между реальным значением и этимологией фразеологизма; б) различным характером внутренней формы ФЕ и слова; в) разной степенью абстракции: лексическая абстракция: понятие - денотат; фразеологическая абстракция: понятие - образное представление – денотат. Денотат в свою очередь может представлять собой свойства и признаки объектов реального мира (предметность, процессуальность, признаковость) или предметную ситуацию (функции участников ситуации и обстоятельств общения).

Принятый в исследовании коммуникативный подход к значению ФЕ означает, что содержание той или иной единицы формируется под влиянием ее роли в предложении. По классификации М.В. Всеволодовой роли в общем виде подразделяются на актантные, сирконстантные и предикатно-атрибутивные. К *предикатам* относят действия, отношения, зависимости, признаки (качественные и количественные), связывающие актанты и сирконстанты друг с другом; при этом *актанты* - это участники событий, а *сирконстанты* — различные обстоятельства и характеристики событий [7. С. 21].

Агнс является одушевленным участником действий в физической, интеллектуально-творческой и социальной сферах. Например, агнс в физической сфере: «The army stood like a stone wall, ready for the enemy attack» / «Армия стояла как каменная стена, готовая отразить атаку врага». Агнс в интеллектуально-творческой

сфере: «...look at the speed with which she's learned to read - once someone took the trouble to show her how...» (Windham). / «...Посмотри, с какой скоростью она выучилась читать - когда кто-то взял на себя труд показать ей как...». Агенса в социальной сфере: «During his lifetime Boris Ivanovich was very much alone, but after his death, there was no shortage of people wanting to lay their hands on his property» / «При жизни Борис Иванович был очень одинок, но после его смерти нашлось немало желающих наложить руку на его имущество».

Второй участник ситуации – пациент – может быть одушевленным и неодушевленным, он используется в физической и в интеллектуально-творческой сферах и при этом выполняет следующие функции / роли:

1) объекта, т.е. предмета, который существовал до возникновения той или иной ситуации и впоследствии подвергшийся воздействию агенса. Например: «We have a good physics teacher, he knows his subject inside out» / «По физике у нас хороший преподаватель, свой предмет он знает вдоль и поперек»;

2) креатива или результатива – предмета или ситуации, появляющегося в результате ее осуществления. Например: «Nina had difficulty getting up in the morning - her whole body felt like lead» / «Утром Нина с трудом встала, все тело было словно свинцом налитом»;

3) перцептива – восприятия действительности, реальности. Например: «It must be very frightening in the woods», - the boy thought, listening to the sounds outside the window. He grew worried when he suddenly heard muffled voices and cries» / «В лесу, наверное, совсем страшно», - думал мальчик, прислушиваясь к звукам за окнами. Ему стало не по себе, когда вдруг стали доноситься какие-то смутные голоса, выкрики какие-то» (Айтматов);

4) делиберата – преднамеренности совершенного действия. Например: «Feeling great love for her [the wealthy lady], he made her a declaration of his love, and tried to persuade her to marry him. But she had already given her heart to another man, an officer of noble birth and high rank» / «Почувствовав к ней [богатой госпоже] любовь великую, сделал он ей изъяснение в любви и начал склонять ее выйти за него замуж. Но она уже отдала свое сердце другому, одному знатному не малого чина военному...» (Достоевский).

В результате анализа типов предикатных ролей, участников ситуации, студенты выделяют пять основных видов ситуаций, или событий. К ним относятся:

- действие: *брать быка за рога / take the bull by the horns; взять на себя труд / take the trouble,*

- состояние: *висеть в воздухе / hang by a hair, быть на чьем-либо месте / be in smb's shoes,*

- отношение: *веревки вить из кого-либо / turn (twist) smb around one's finger, водой не разлить / live in each other's pockets,*

- свойство: *гибкий как пантера / lithe as a panther, глуп как пробка / silly as a goose;*

- бытие: *любовь слепа / love is blind, на склоне лет / in the afternoon of life.*

Таким образом, типовая ситуация является обобщением и отражением совокупности однотипных минимальных, элементарных, далее нечленимых фрагментов действительности, по отношению к которым может быть применено понятие «событие», «ситуация» [7. С. 40].

Долгое время во фразеологии господствовало мнение, что фразеологизмы по своей природе не моделируемые образования. Однако в настоящее время этот тезис пересматривается (В.П. Губарев, И.И. Чернышова). То есть фразеологизмы понимаются не только как языковые единицы, имеющие статическую структуру, но и единицы, обладающие динамической структурой.

Наиболее распространенными моделями являются следующие:

1. Модели синтаксических отношений между структурными компонентами фразеологизма: «глагол + сущ.» (make a scene; wash one's hands); «прилаг. + сущ.» (small fry; rising star); «глагол + предлог + сущ.» (rise with the sun; play for time); «глагол + сущ. + предлог + сущ.» (put the cart before the horse; rub salt in (to) one's wound) и др. Такие модели иллюстрируют морфологические свойства слов-компонентов фразеологических единиц, представляют план выражения фразеологизма.

2. Логико-семантические модели:

• антитеза: a brilliant mind - blockhead; big shot - little fish - построение фразеологических единиц по принципу антонимирования сочетаемых компонентов фразеологизмов;

- сравнение: greenhorn - very young, naive; milk cow - a person, continuously used by someone as a source of material goods - построение образной структуры фразеологизма на основе уподобления одного предмета другому или изменения эмоциональной оценки;

- гипербола: hang by a thread - be in a perilous position or condition - построение структуры фразеологизма на основе заведомого преувеличения степени или свойства чего-либо;

- литота: pinprick - 1. brief caustic remark; 2. a minor trouble - построение структуры фразеологизма на основе заведомого преуменьшения.

3. Структурно-семантические модели более частные и конкретные, чем логико-семантические. Они представляют собой тематически однородные фразеологизмы, обладающие общностью значения и синтаксической структуры при частичном различии их компонентов. В нашей работе соответствующий способ организации называется полевым. Так, к группе фразеологических единиц, оценивающих мышление человека, нами были отнесены фразеологизмы, обозначающие предвидение результата – антиципацию (beel it in one's books); способность анализировать, сопоставлять (lay a finger on smth – схватывать суть дела, понять, в чем дело. Наряду с подобными положительными характеристиками мышления в данную группу включались фразеологизмы и негативного характера – единицы, характеризующие отсутствие антиципации – допустить промах, ляпсус (drop a brick), отрыв от реальности – блуждать в потемках, действовать вслепую (walk in darkness); неспособность анализировать, отделять главное от второстепенного – (slow on the uptake) – медленно, туго соображать, не сразу понять, в чем дело и т.п.

Для методического исследования особенно важно понимание того факта, что моделирование фразеологических единиц базируется на психологической устойчивости образных ассоциаций в сознании человека, то есть на экстралингвистическом факторе. Кроме того, в обучении фразеологизмам нами учитывался способ переосмысления первичного содержания фразеологизмов и характер связи с переносным значением знака, метафорическим или метонимическим.

Известно, что семный состав фразеологических единиц представляет собой совокупность сем разного ранга: узуальные

(входящие в систему значения), окказиональные (предопределяемые контекстом), эксплицитные (выражаемые в значении фразеологизма), имплицитные (скрыто содержащееся в значении), актуализованные (образующие речевые смыслы).

Студенты соответственно подводятся к осознанию вариативности семантики фразеологических единиц, что делает возможным выбор языковой единицы с позиций потребностей коммуникантов.

Студентам предлагаются фразеологические единицы языка как один из ярких способов выразительности речи, поэтому в качестве ведущего признака фразеологизма принимается коннотативный компонент фразеологического значения, в состав которого входят образный, оценочный и эмотивный. Образный компонент – наглядно-чувственное представление о предметах и явлениях. Оценочный компонент отражает объективно-субъективную оценку говорящего. Эмотивный компонент передает эмоциональное отношение говорящего к обозначаемому объекту (одобрение, осуждение). При этом особую важность представляет система образов, закрепленных во фразеологическом составе языка, поскольку «в образном основании фразеологизмов особенно конденсированно воплощаются характерные черты мироведения лингвокультурной общности» [2. С. 23].

Итак, предметными результатами обученности студентов-журналистов фразеологизмам на основе функционально-коммуникативного их описания являются:

- представление о фразеологических единицах, в отличие от слова и словосочетания, как о синкретических единицах языка, характеризующихся целостностью смысла и расчлененностью структуры;
- понимание функций фразеологических единиц как ярких языковых средств выразительности речи;
- осмысление семантического механизма функционирования фразеологизмов в речи носителей языка;
- освоение базовых понятий, объясняющих реализацию заданных потенциалов фразеологизмов в определенных коммуникативных ситуациях – функции актантов и сирконстантов;
- усвоение оснований классификационного выделения

семантических групп фразеологизмов;

- представление о фразеологизмах как о стереотипах народного сознания и др.

Библиографический список

1. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
2. Золотова Г.Н., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М.: Российская академия наук, 1998. 524 с.
3. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
4. Виноградов В.В. Лексикология и лексикография: избранные труды. М.: Наука, 1977. 311 с.
5. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. 2-е издание, стереотип. М.: Советская энциклопедия, 1969. 607 с.
6. Жуков В.П. Русская фразеология. М.: Высшая школа, 1986. 310 с.
7. Всеволодова М.В., Дементьева О.Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений (на материале двусоставных глагольных предложений). М.: КРОН-ПРЕСС, 1997. 176 с.

Сведения об авторе

Глебова Елена Федоровна
доктор педагогических наук,
профессор кафедры стилистики русского языка и культуры речи
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: rus_style@lunn.ru

УДК 378.147.88:811

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УЧЕБНО-ПОЗНАВАТЕЛЬНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ СТУДЕНТОВ-ЛИНГВИСТОВ В УСЛОВИЯХ ОЧНО-ЗАОЧНОГО ОБУЧЕНИЯ

Н.В. Литонина

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В данной статье рассматривается необходимость совершенствования учебно-познавательной компетенции студентов-лингвистов в условиях очно-заочного образования как важнейшего условия формирования самостоятельности владения иностранным языком. Автор описывает механизмы, лежащие в основе данной компетенции, и предлагает основные направления её совершенствования.

Ключевые слова: учебно-познавательная компетенция, очно-заочное обучение, иностранный язык, самостоятельная работа, автономный режим обучения.

Improving Cognitive Competence in University-Level Evening Language Courses Nadezhda Litonina

The article examines the necessity of improving cognitive competence in university-level evening language courses, viewing this competence as a key to self-directed foreign language learning. The author describes mechanisms of cognitive competence formation and suggests practical ways for its improvement.

Key words: cognitive competence, university-level evening courses, foreign language, self-directed learning, independent learning.

В последние годы увеличивается число студентов, получающих одновременно два и более высших образования, совмещающих учёту с работой. Поэтому особую значимость приобретают заочная и очно-заочная формы обучения. По данным Федеральной службы государственной статистики студенты стали поступать на заочную и очно-заочную формы обучения в 1940-1941 годах [1]. Самое большое количество студентов-вечерников было в начале 1980-х гг. – 401 тыс. человек. Далее наблюдается небольшой спад, и в 1995-1996 учебном году общее число таких обучающихся составляло примерно 175 тыс. человек. Как видно из таблицы 1, с 2000 года количество студентов, которые обучались на вечернем отделении высших учебных заведений, постепенно возрастает (от 302 до 371 тыс. человек). Из этого следует, что привлекательность данной формы обучения,

оставаясь невысокой, тем не менее, отличается стабильностью на рынке образования.

Таблица 1.

Распределение студентов по формам обучения в высших профессиональных образовательных учреждениях (на начало учебного года) [1]

Годы	Число образовательных учреждений	Количество студентов, тыс. чел.	Очное образование	Очно-заочное (вечернее) образование	Заочное образование
2000/01	965	4741,4	2625,2	302,2	1761,8
2002/03	1039	5947,5	3104,0	346,0	2399,9
2003/04	1044	6455,7	3276,6	351,3	2703,7
2004/05	1071	6884,2	3433,5	361,8	2942,5
2005/06	1068	7064,6	3508,0	371,2	3032,0
2006/07	1090	7309,8	3582,1	372,3	3195,9
2007/08	1108	7461,3	3571,3	352,9	3367,9
2008/09	1134	7513,1	3457,2	343,7	3540,7
2009/10	1114	7418,8	3280,0	323,6	3639,2

Несмотря на то, что вечерняя форма является стабильно востребованной с 1940-х годов, методика вечернего образования не достаточно разработана. В НГЛУ им. Н.А. Добролюбова кафедра иностранных языков института дистанционного обучения (ИДО) существует уже седьмой год. Она была создана приказом № 99 ОСД от 11 ноября 2004 года в связи с возникшей потребностью в получении высшего гуманитарного образования в вечернее время. Сейчас преподаватели кафедры работают над созданием учебно-методических комплексов по различным специальностям, которые изучаются студентами ИДО. Тем не менее, существует целый ряд нерешённых проблем как организационного, так и дидактического свойства.

Для выявления проблем студентов, получающих образование в вечерней форме, были проанализированы условия усвоения ИЯ студентами-лингвистами (бакалавриат) на трёх разных формах обучения в лингвистическом вузе.

Таблица 2.

Условия обучения ИЯ студентов (035700 «Лингвистика», степень бакалавр) на очном, вечернем и заочном отделении лингвистического вуза (2011-2012 учебный год).

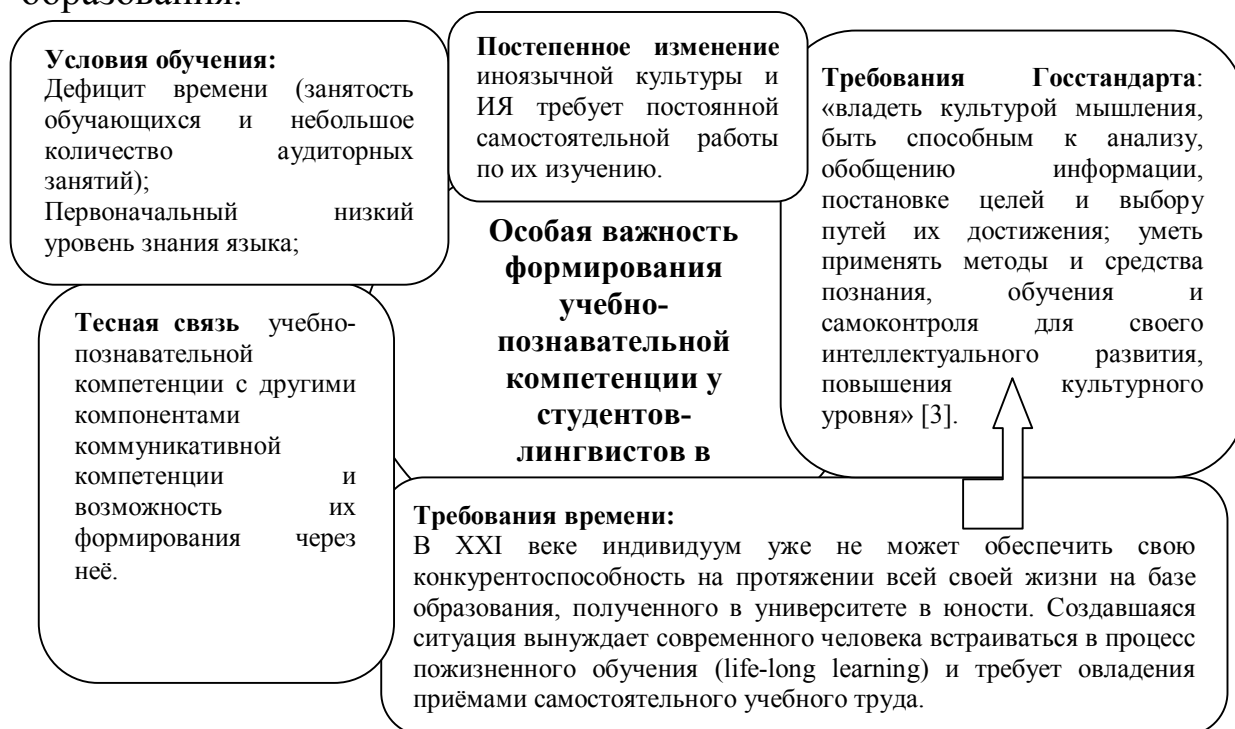
Критерии	Очная	Вечерняя	Заочная
Объём и цели обучения	Цели обучения иностранному языку в языковом вузе и объём материала для усвоения не зависят от формы обучения		
Количество студентов	Всего 552 студента.	Всего 256 студента	Всего 243 студента.
Уровень языка, с которым обучающиеся поступают в вуз (по	В1 – С1 Проходные и средние баллы за ЕГЭ в 2011 году:	A1 – B1	A2 – C1 (после лингвистического колледжа и специализированных

европейскому стандарту)	проходной балл (бюджет) 246; проходной балл (фин. дог.) 149 (из 400 баллов, включая дополнительное вступительное испытание профильной направленности) [2]		лингвистических школ)
Количество часов на усвоение материала (2 курс «Лингвистика», степень бакалавр)	≈ 600 часов в год	288 часов в год	112 часов в год
Частота контактов с преподавателем	3 раза в неделю , всего 12 часов	2 раза в неделю , всего 8 часов в неделю, каждая пятая неделя сессионная, т.е. нет занятий по ИЯ	2 сессии в год для тех, кто после лингвистического колледжа и специализированных лингвистических школ
Занятость помимо учёбы	15 % рабочая занятость. Репетиторство в свободное от учёбы время (≈ 5-8 часов в неделю)	97% обучающихся работают или получают первое высшее образование дополнительно	99% рабочая занятость
Наличие опыта получения высшего образования	2%	70%	40%
Наполняемость групп	10-12 человек в группе	8-16 человек в группе	10-14 человек в группе
Посещаемость	Высокий уровень посещаемости	Низкий уровень посещаемости	Высокий уровень посещаемости
Контингент обучающихся	Возраст: 17-20 (бывшие школьники)	Возраст: 19-55 (большое влияние оказывает первое высшее образование (музыкальное, экономическое, юридическое и т.д.)	Возраст: 19-35 (большое влияние оказывает параллельная профессиональная деятельность)

Из таблицы 2 следует, что студенты-вечерники получают образование в значительно более сложных условиях, хотя программные требования относительно объёма материала для усвоения и целей обучения не отличаются от аналогичных требований для студентов очной формы обучения. Более того, их образовательная деятельность проходит при минимальном непосредственном контакте с преподавателем (2 раза в неделю по 4 часа, каждая пятая неделя сессионная, то есть нет встреч с преподавателем ИЯ). Соответственно, большая часть изучения ИЯ

приходится на внеаудиторное время, а специальных методических материалов для управления самостоятельной познавательной деятельностью обучающихся на кафедре ИДО не существует. В результате самостоятельный учебный труд студента является малоуправляемым и поэтому малопродуктивным, неэкономным и не приносит ему удовлетворения.

Важным условием успешного осуществления самостоятельной работы «вечерника» следует считать наличие у студента механизмов самоуправления и прежде всего механизмов рефлексии - внутренних психических качеств, позволяющих ему перейти на определенном этапе к рефлексивному освоению навыков речевой деятельности. Таким образом, из перечня компетенций, которыми необходимо овладеть студенту-лингвисту в соответствии с современным Госстандартом высшего профессионального образования [3], учебно-познавательная компетенция (УПК), входящая в структуру коммуникативной компетенции на правах компонента, будет занимать ключевую позицию в условиях очно-заочного обучения. Это обусловлено не только требованиями Госстандарта, но и взаимосвязанностью компонентов коммуникативной компетенции, условиями обучения студентов, спецификой лингвистического образования.

Термин УПК в методике обучения иностранным языкам появляется в стандарте среднего (полного) общего образования по иностранному языку на базовом уровне и провозглашается компонентом коммуникативной компетенции наряду с речевой, языковой, социокультурной и компенсаторной [4]. Так как данная компетенция закладывается и формируется как ключевая уже в процессе обучения ИЯ в средней школе, то в рамках высшего профессионального очно-заочного образования речь будет идти о дальнейшем её развитии и совершенствовании средствами ИЯ.

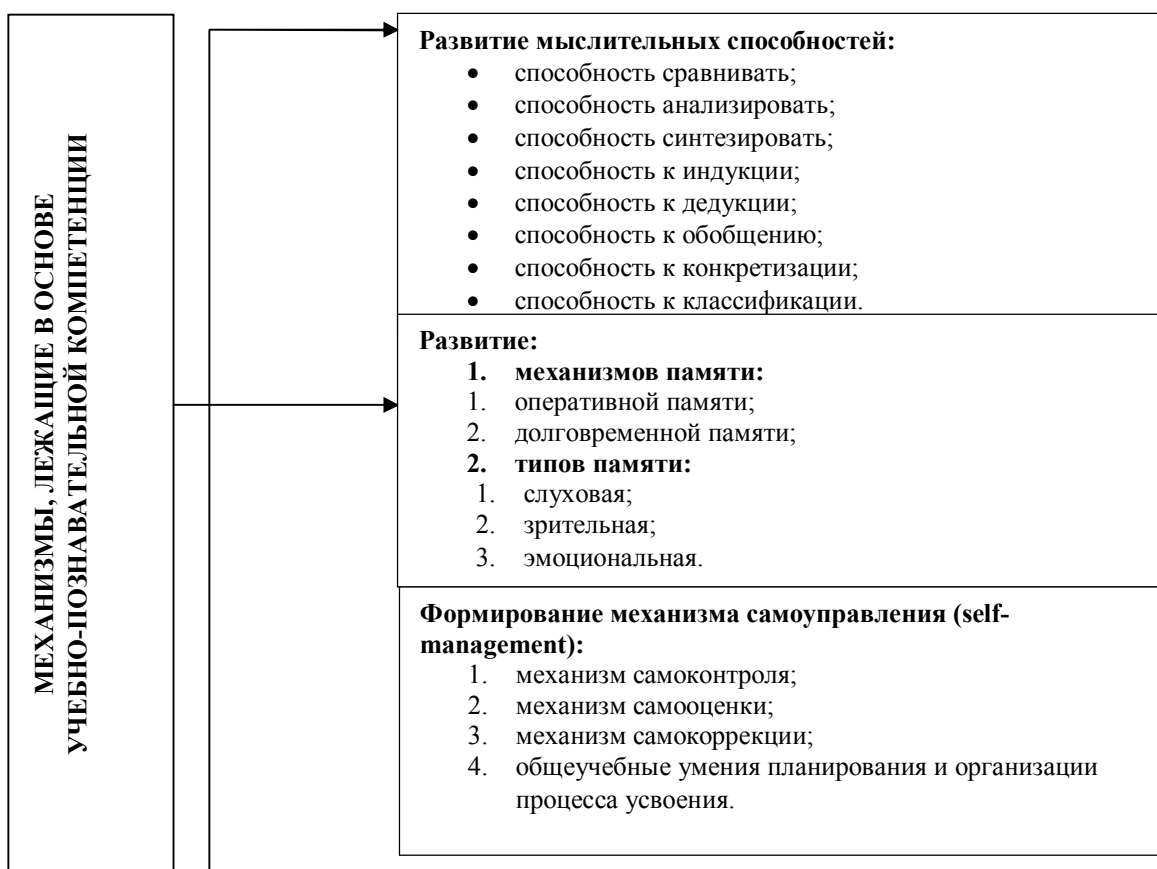
К определению феномена «учебно-познавательная компетенция» учёные подходят по-разному. А.В. Хуторской представляет УПК как «совокупность компетенций учащегося в сфере самостоятельной познавательной деятельности, включающей элементы логической, методологической, общенаучной деятельности, соотнесённые с реальными познавательными объектами. По отношению к изучаемым объектам учащийся овладевает креативными навыками продуктивной деятельности, приёмами действий в нестандартных ситуациях, эвристическими моделями решения проблем» [5. С. 115-116].

В стандарте основного общего образования по иностранному языку учебно-познавательная компетенция определяется как дальнейшее развитие общих и специальных учебных умений; ознакомление с доступными учащимся способами и приёмами самостоятельного изучения языков и культур, в том числе с использованием новых информационных технологий [4].

В рамках нашего исследования применительно к высшему профессиональному образованию в лингвистическом вузе на вечернем отделении под учебно-познавательной компетенцией будущих лингвистов будем понимать компетенцию, конечной целью формирования которой является переход их в «автономный / самоуправляемый режим изучения ИЯ» (autonomous, self-directed, self-access language learning) [6]. Овладение учебно-познавательной компетенцией в области иностранного языка возможно по мере приобретения студентом личностных характеристик, предполагающих осознание ответственности за процесс и результат учебного труда, конструктивное и творческое взаимодействие с преподавателем, и партнёрами по общению с целью взаимной

поддержки и консультирования. Другими словами, по мере перехода студента в автономный (самоуправляемый) режим изучения иностранного языка и превращения в автономного обучающегося.

Процесс формирования учебно-познавательной компетенции – достаточно трудная задача, для решения которой требуются определённые условия, которые дадут обучающимся возможность развивать учебно-познавательные способности и формировать учебно-познавательные навыки.

Очевидно, что учебно-познавательная деятельность студентов-вечерников должна осуществляться в трёх направлениях: учебно-познавательная деятельность по развитию мыслительных способностей, механизмов и типов памяти и по формированию механизма самоуправления (self-management). Для организации такой целенаправленной учебно-познавательной деятельности предполагается создать «учебник-посредник» для самостоятельной внеаудиторной работы обучающихся, который будет создавать благоприятные условия для совершенствования УПК студентов-

вечерников на основе изучаемой лексической темы («College Life», «At Home», «English Meals», «Talking about Clothes», «Visiting the Theatre», «Going to the Doctor`s» и «Travelling»), домашнего / индивидуального чтения и работы со словарём. В учебник войдут определённые памятки-правила, которые бы нацеливали студентов на более рациональный алгоритм решения коммуникативно-познавательных задач и формировали у них навык применения данного алгоритма в аналогичных ситуациях.

Осознание структуры УПК позволяет разработать систему упражнений для дальнейшего совершенствования данной компетенции в сложных условиях очно-заочной формы обучения.

Особое значение придаётся способности обучающихся к самостоятельному выполнению упражнений на развитие памяти и мышления, таких как задания на смысловую переработку текста, выделение в нём исходных идей, принципов и законов. Помимо знакомства студентов с неэлектронными библиографическими материалами (справочниками, каталогами, словарями, энциклопедиями и др.), необходимо особо обучать их приёмам использования электронных словарей иностранного языка, работе в интернет-сети как источнике самой свежей информации по актуальным темам, современных аудио- и видеоматериалов, новейших разработок в различных областях. Это можно осуществлять с помощью создания и включения в «учебник-посредник» текстов на иностранном языке, иллюстрирующих данные разделы знаний.

Особую актуальность в условиях очно-заочного образования приобретает использование компьютерных технологий для совершенствования УПК студентов-лингвистов.

Предварительный срез результатов обучения студентов-лингвистов очно-заочной формы образования (ноябрь – декабрь 2011 года) показал, что самостоятельное использование обучающимися электронных программ, таких, как «диаграммы связей» (<http://freemind.sourceforge.net>, <http://www.mindmeister.com>, <http://bubbl.us>, <http://www.mindomo.com>) и «Build your Personalized Brain Training Program» (<http://www.lumosity.com>), способствует активизации их познавательной деятельности, стимулирует и развивает их мышление, восприятие и память как важных компонентов УПК.

«Диаграммы связей» используются студентами для визуализации, структуризации и классификации идей, а также при написании статей, что особо актуально в рамках лингвистического образования.

Программа «Build your Personalized Brain Training Program» помогает студентам создать собственный план по развитию памяти, восприятия и мышления после прохождения «онлайн» анкетирования. Программа предлагает тщательно отобранные упражнения и игры для активизации учебно-познавательной деятельности студентов. Данную работу обучающиеся могут осуществлять самостоятельно в домашних условиях, предварительно обсудив режим работы с преподавателем и занося результаты своей учебной деятельности в «Дневник личных планов и достижений». Анкетирование студентов-вечерников показало, что использование данной программы способствует повышению их учебной мотивации, так как превращает учебный процесс в лично значимый.

Применение «Дневника личных планов и достижений» как методико-дидактического приёма многофункционально. Его значение для развития познавательных способностей обучающихся определяется тем, что создаются условия для рефлексии студентов по поводу их учебных успехов, способствующие формированию самооценки. В рамках данного подхода рекомендуется объяснять студентам систему оценивания знаний (критерии, возможность вариативных подходов к выполнению заданий), критерии для контроля и самоконтроля.

Всё сказанное выше позволяет наметить основные направления совершенствования учебно-познавательной компетенции студентов-лингвистов в условиях очно-заочного образования.

Библиографический список

1. Образовательные учреждения высшего профессионального образования // Электронный ресурс Интернет: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat/rosstatsite/main/
2. Проходные баллы и средние баллы по ЕГЭ в 2011 году // Электронный ресурс Интернет: www.lunn.ru
3. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки

035700 «Лингвистика» (степень «бакалавр») // Электронный ресурс Интернет: http://www.edu.ru/db-mon/mo/Data/d_10/prm541-1.pdf

4. Стандарт основного общего образования по иностранному языку // Электронный ресурс Интернет: http://omczo.org/publ/133-1-0-1096#_ftnref1

5. Хуторской А.В. Дидактическая эвристика. Теория и технология креативного обучения. М.: Изд-во МГУ, 2003. 416 с.

6. Ариян М.А. Повышение самостоятельности учебного труда школьников как резерв учебного процесса по иностранным языкам // Иностранные языки в школе. 1999. №6. С. 17-22.

Сведения об авторе

Литонина Надежда Владимировна
аспирант кафедры лингводидактики и
методики преподавания иностранных языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: litoninanadya@yandex.ru

УДК 378.147:811:316.72

СООТНОШЕНИЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ И МЕЖЭТНИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

О.Г. Оберемко

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

Овладение культурными кодами других народов (этносов) – не только обмен информацией и результатами деятельности. В общении между людьми осуществляется также передача социального и эмоционального опыта. Культура в данном аспекте выступает и как механизм закрепления достигнутого, и как фактор регулирования характера и направленности коммуникации, что необходимо учитывать при обучении иностранным языкам.

Ключевые слова: коммуникация, межкультурная, межэтническая, языковой код, овладение, преподавание, процесс.

Correlation Between Cross-Cultural and Cross-Ethnic Communication in Foreign Language Teaching Olga Oberemko

Acquiring cultural codes of other nations (ethnic groups) is not only a process of exchanging information and results of various activities, but also a transfer of social and emotional experience in communication between people. Regarded in that light, culture is not only a mechanism of consolidating achievements, but also a factor of regulating the nature and purpose of communication, which must be taken into consideration in any foreign language curriculum.

Key words: communication, cross-cultural, cross-ethnic, linguistic code, acquiring, teaching, process.

Основой культуры являются ее коды, которые схематично отражают особенности национального, группового или индивидуального видения мира. Разрабатывая модель коммуникации, Мишель Фуко отметил, что «основополагающие коды любой культуры, управляющие ее языком, ее схемами восприятия, ее обменами, ее формами выражения и воспроизведения, ее ценностями и иерархией, сразу же определяют для каждого человека эмпирические порядки, с которыми он будет иметь дело и в которых будет ориентироваться» [1. С. 37]. Экстраполируя центральную идею М. Фуко на межкультурную (межэтническую) коммуникацию,

следует обратить внимание на то, что овладение культурными кодами других народов (этносов) включает не только обмен информацией и результатами деятельности. В общении между людьми осуществляется также передача социального и эмоционального опыта. Культура в данном аспекте рассмотрения выступает уже не только как механизм закрепления достигнутого, но и как фактор регулирования характера и направленности коммуникации.

Духовные качества человека реализуются не только в отношении к предметному миру, но в наибольшей степени и многообразии осуществляются в общении, в процессе которого происходит их формирование и воспроизводство.

Очевидно, что общение (в более широком смысле – коммуникация) во всех формах своих социальных проявлений (межличностная, международная, межкультурная, межэтническая, массовая коммуникации) оказывает воспитывающее, эмоциональное, суггестивное, когнитивно-обучающее воздействие на субъектов коммуникации.

В межличностной коммуникации (общении) осуществляется переход от личного опыта индивида к опыту социальному на основании типизации конструкций повседневной жизни и деловых официальных отношений. Феномены интерсубъективности (язык, знаковые системы, архетипы и другие структурные элементы субъекта) формируются в коммуникации и, в свою очередь, выступают ее основой. Что касается межкультурной, международной, межэтнической, массовой коммуникаций, то в этих понятиях отражены реальные процессы взаимодействия больших групп людей, социальных общностей, политических организаций. Однако каждое из этих понятий отражает тенденции функционирования и развития социальной реальности под различным углом зрения.

При одном и том же тексте это различие может определяться выбором информационного канала, культурного кода, коммуникативного пространства, контекста и т.д. Так, международные коммуникации как составляющая международных отношений, по мнению Г.Г. Почепцова, характеризуются следующими особенностями:

- во-первых, они осуществляются в условиях «как бы независимой коммуникативной цепочки»;

- во-вторых, коммуникация протекает между «принципиально разными структурами» с несовпадающими кодами и, что самое главное, имеющими различные национальные «картины мира»;

- в-третьих, международные коммуникации «проходят под более жестким контролем», нередко в весьма агрессивной среде, что требует применения соответствующих контрпропагандистских мер [2. С. 312].

Межкультурная коммуникация – это область социальной реальности, содержанием которой является процесс взаимодействия культур. Своеобразие этого процесса определяется целями и задачами взаимодействующих субъектов (наций, этносов, государств, социальных и профессиональных групп), а также средствами его осуществления.

Специфической особенностью межкультурной коммуникации, отличающей ее от коммуникации массовой, является то, что основным посредником процесса «встречи» или «столкновения» культур служит человек, выступающий в качестве основного носителя (передатчика, интерпретатора) информации. Средства массовой информации и массовые средства связи выполняют функцию лишь вспомогательных передаточных средств. И это притом, что при их отсутствии или слабом развитии процесс межкультурной коммуникации теряет свой динамизм, влияние на массовое сознание и собственно культурные процессы.

Вместе с тем очевидно и другое: непосредственное общение, основным каналом которого являются вербальная, визуальная или перформансная коммуникации, по силе эмоционального воздействия и эффективности результатов в достижении поставленных целей и решаемых задач имеет значительные преимущества перед коммуникацией, опосредованной средствами массовой информации, средствами связи и др. Известно, какое влияние на позитивное решение различного рода важнейших вопросов межгосударственного, межэтнического, производственного, переговорного и т.д. характера оказывают личные встречи, обмены делегациями, непосредственное знакомство с культурой, бытом и нравами других народов.

Значимость и возможность достижения взаимопонимания как главного смысла межкультурной коммуникации подчеркивает И.И. Халеева. По мнению ученого, «межкультурная коммуникация –

это совокупность специфических процессов взаимопонимания партнеров по общению, принадлежащих к разным культурам и языкам, осознающих тот факт, что каждый из них является «другим», и понимающих некую «чужеродность», «инаковость» своего партнера по общению» [3. С. 51].

В отличие от международной коммуникации коммуникация межкультурная ориентирована на взаимопроникновение культурно-коммуникативных смыслов, достижение взаимопонимания с учетом и сохранением «национальной картины мира», «национальных логик», но одновременно и их взаимообогащением в социокультурном и духовном планах.

Несовпадение культурных кодов в межкультурной коммуникации является источником новой информации, привносит творческие моменты в процесс коммуникации. Однако появление новых текстов, новых смыслов не всегда имеет позитивную направленность. «Встреча культур», «столкновение культур», «культурная ассимиляция» и другие варианты проявлений рассматриваемого феномена свидетельствуют о сложности процесса межкультурного взаимодействия. История культуры стран и народов есть не что иное, как процесс своеобразных проявлений межкультурных коммуникаций, их воздействия на формирование типизированных образцов поступков, создающих специфику этнокультурных признаков образа жизни и особенностей национального характера.

Понятие «межэтническая коммуникация» конкретизирует понятие «межкультурная коммуникация», что позволяет рассматривать последнее в конкретных исторических и природных условиях бытия этносов, их образа жизни, культуры, языка, религии. Термин «этнос», введенный в систему научных понятий академиком Ю.В. Бромлеем, служит для обозначения общности, складывающейся на определенной территории среди людей, «находящихся между собой в реально-экономических связях и говорящих на взаимопонятном языке», сохраняющих на протяжении «всего своего существования известную культурную специфику» и сознающих себя «отдельной самостоятельной группой». Помимо общности языка, культуры и быта называется «общность психического склада», на основании чего и развивается такая наука как этническая психология.

Наличие понятий «этнопсихология», «этнопедагогика», «этноцентризм», «этнолингвистика», «этнология», «этногенез», «этнография», «этнонимика» свидетельствует о значительном многообразии аспектов исследования этносов.

Коммуникативный подход к межэтническому взаимодействию в философско-методологическом плане предполагает исследование рассматриваемого феномена с точки зрения раскрытия его сущности, его воздействия на развитие и функционирование общности и человека как ее субъекта, а также готовности и способности последних к взаимодействию с другими этносами (важно учитывать при этом цели, задачи, особенности, результаты этого взаимодействия).

Исследование процесса становления человеческих общностей и развития речи как формы социализации людей и средства связи между ними позволило сделать вывод, что определяющим моментом антропосоциогенеза явилось формирование отношения людей к внешнему миру через их отношение друг к другу. Эти отношения складывались на основании оценочно-эмоционального момента: «мы - они», «наше - не наше», «хорошее - дурное», «хорошее - мы - наше», «дурное - они - не наше». Известно, что слово как символ коллектива теряет всякий смысл, если оно не противопоставляется другому символу другого коллектива. В одной, отдельно взятой, изолированной человеческой общине речь не могла зародиться, какого бы прогресса она ни достигла в других отношениях. Слово могло зародиться только в контактах двух человеческих групп.

Важнейшим моментом понимания сущности межэтнической коммуникации является утверждение Б.Ф. Поршнева о том, что у «истоков второй сигнальной системы лежит не обмен информацией ... (сообщение), а особый род влияния одного индивида на действия другого» [4].

Основанием для подобного утверждения явились исследования А.Р. Лурии, Л.С. Выготского, И.П. Павлова, У. Пенфилда и др. о регуляции психических процессов. Эти исследования – основание истории суггестии, т.е. регулятивного воздействия речи на поведение людей. В определенной степени можно сказать, что база этих исследований дает возможность понимания роли межэтнического взаимодействия в культурно-историческом развитии этносов (от

племен до современных наций) в ходе формирования способностей принятия ими элементов чужой культуры и переосмысления исторического опыта своей собственной культуры, а также восприятия себя как целостного социального организма, имеющего свои историко-культурные корни, традиции, обычаи и т.д.

Таким образом, межэтническая коммуникация – это исторически определенное, направленное взаимодействие между этносами, взаимовлияние которых осуществляется через обмен информацией, структурирование коммуникативного пространства, культурные заимствования и взаимопроникновения. Межэтническая коммуникация может выступать как фактор стабилизирующий, целью которого является достижение мира и согласия, и как фактор дестабилизирующий (войны, вражда между этносами). В их основе могут лежать переходящие в рецидив пережитки (например, охота на ведьм в эпоху Реформации), начинающиеся в культуре дикарей и возрожденные в цивилизованном мире.

Совершенно очевидно, что процесс социально-исторического развития этносов сглаживает многие противоречия между этносами, смягчает некоторые различия психического склада общностей. Эволюция цивилизации несет переоценку норм поведения. Отметим два момента, имеющих непосредственное отношение к проблеме межэтнической коммуникации. Во-первых, существование потребности в теоретическом осмыслении причин периодически возникающих конфликтов на почве межэтнического противостояния. Во-вторых, необходимость ответа на вопрос, что определяет особенности психического склада этносов - комплекс архетипов и коллективного бессознательного, или социальные и культурные факторы, исторически формирующие своеобразие национального характера, направленности поведения и т.д.? Или же и те и другие в совокупности всех сложнейших переплетений культурно-наследуемых и культурно-благоприобретенных признаков создают неповторимый психологический портрет народа, «национальную картину мира», «национальную логику»?

В философско-методологическом плане эти два момента раскрывают природу двойной детерминации (межгрупповые и внутригрупповые отношения) дестабилизирующих факторов

межэтнической коммуникации, а также единство в многообразии социокультурных признаков этнических общностей.

В педагогическом плане (частнонаучном) эти моменты способствуют пониманию необходимости глубоких знаний в области специфики межэтнической коммуникации, закономерностей ее развития в профессиональной подготовке ее посредников, какими в первую очередь являются лингвисты (переводчики).

Связь философского и педагогического подходов к рассмотрению сущности феномена межэтнической коммуникации создает реальные возможности разработки целостной системы культурных кодов, каналов и социальных механизмов достижения межэтнического согласия и стабилизации общественных процессов, упорядочения коммуникативного пространства.

Остановимся на наиболее важных аспектах общей теории коммуникации и философско-методологических подходах к феномену коммуникации.

Каждый аспект языка предполагает свои методы и приемы обучения. В обучении лексике используются переводной и коммуникативный методы, в обучении грамматике – индуктивный, дедуктивный, структурный и коммуникативный, в обучении фонетике – артикуляционный и акустический методы. Современное преподавание должно выработать свои собственные методы или приемы обучения: изъяснение лексического фона, выявление проективного страноведческого содержания художественного текста, системное и комплексное комментирование и т.д. Предлагаем использовать достаточный лингвострановедческий комментарий, а также трехуровневую семантизацию лексики для формирования «оптимального уровня информационного запаса» (термин Р.К. Миньяр-Белоручева). Согласившись с термином «аспект языка», выделяем его как самостоятельный, наряду с другими, в рамках любого, в частности, принятого в настоящее время метода. Но тогда следует признать и правомерность включения элементов лингвострановедческого аспекта во все компоненты содержания обучения, т.е. специально отобрать лингвострановедческие ценный языковой материал, распределить его по этапам, определить, какие именно навыки и умения необходимо формировать, используя для этого специальные методы и приемы. Аспектное преподавание есть

такое преподавание, при котором осуществляется дифференцированное (в методическом и организационном отношении) формирование речевых навыков разного типа, их отдельную отработку. Синтез же этих навыков, отработка их взаимодействия в речи осуществляется на занятиях по речевой практике комплексного характера.

Познание культуры через слово в практике преподавания иностранных языков и более реально, и более эффективно. Вот почему далеко не каждый студент сможет связать каждое новое слово с полученными им знаниями о культуре страны изучаемого языка. В то время как взаимосвязь нового слова с теми или иными реалиями и особенностями быта и жизни страны изучаемого языка является более естественным и кратким путем к познанию другого этноса.

Студенты знакомятся с иноязычной действительностью на основе всей совокупности страноведческих сведений, заключенных в учебных материалах и используемых в учебном процессе. Для передачи этносоциокультурной информации, с одной стороны, важны языковые единицы с национально-культурным компонентом семантики (безэквивалентные, фоновые лексические единицы, топонимы и т.д.). С другой стороны, для представления общей совокупности отобранных страноведческих сведений необходим широкий массив лексики с межъязыковыми понятиями, чтобы студенты могли вербализовать в высказываниях полученную ими страноведческую информацию (рассказать, например, о распорядке дня их французского сверстника и т.п.), а также извлечь ее из аутентичных текстов. Поэтому имеет смысл утверждать, что усвоение страноведческих знаний требует серьезной работы над лексикой вообще, а с национальной семантикой - в особенности.

Создавая и разрабатывая лингвострановедческую теорию слова (фразеологизмов, афоризмов), Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров выделили в содержании два уровня: понятие и фон, подчеркнув значимость каждого из них для усвоения иностранцами национальной семантики [5]. При этом особое внимание исследователи обратили на лексический фон данных языковых единиц, фиксирующий исторические пласты страноведческой информации, отражающей этносоциокультурный контекст современной эпохи и перемен в нем. В процессе овладения языком, ознакомления с этими единицами

происходит постепенное накопление знаний о стране, постижение ими процессов, явлений, характерных черт, особенностей иноязычной действительности, культуры носителей языка.

Лексические единицы, семантика которых включает национально-культурный компонент, являются специфическим языковым материалом, служащим основным объектом межкультурного и межэтнического акцента на занятиях иностранным языком, что и составляет его основное содержание. Если языковые средства как элемент языковой системы в какой-то мере уже изучены, отобраны и распределены по этапам обучения в зависимости от целевых установок, то языковые единицы – носители фоновых знаний – пока еще недостаточно изучены, описаны и включены в стройную систему процесса овладения языком, несмотря на многолетнюю практику его преподавания.

Библиографический список

1. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Талисман, 1994. 405 с.
2. Почепцов Г.Г. Теория и практика коммуникации. М.: Изд-во Центр, 1988. 352 с.
3. Халеева И.И. Понимание иноязычного устного языка как акт межкультурной коммуникации // Глядя в будущее. М.: МГЛУ, 1989.
4. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М.: Мысль, 1974. 458 с.
5. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. М.: Русский язык, 1980. 320 с.

Сведения об авторе

Оберемко Ольга Георгиевна
доктор педагогических наук,
профессор кафедры лингводидактики и
методики преподавания иностранных языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: odol53@yahoo.com

УДК 372.881.1:159.947.5

МОТИВАЦИЯ КАК ОСНОВА УСПЕШНОГО ОВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ В ШКОЛЕ

В.П. Фурманова

Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева, Саранск

А.Н. Шамов

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В данной статье рассматривается проблема мотивации, то есть создания у учащихся устойчивых мотивов по овладению иностранным языком в условиях средней школы как средства общения и познания окружающего мира. Этот фактор имеет большое значение при усвоении иноязычной лексики. Прочное усвоение программных лексических единиц обеспечивают два вида мотивов – инструментальных и лингвострановедческих.

Ключевые слова: мотив, мотивация, система мотивов, коммуникативная мотивация, познавательная мотивация, лингвострановедческая мотивация, инструментальная мотивация, графические организаторы, мотивационная сфера.

Motivation as Foundation for Successful Foreign Language Learning in Secondary Schools

Valentina Furmanova, Aleksandr Shamov

The article deals with the problem of motivation: creating sustainable interest towards foreign language learning in secondary school students through positioning the foreign language as a means of communication and learning about the world. In particular, motivation plays a key role in students learning new foreign words, with instrumental and linguo-cultural motivation as the primary driving force for successful vocabulary acquisition.

Key words: motive, motivation, system of motives, communicative motivation, cognitive motivation, linguo-cultural motivation, instrumental motivation, visual aids, motivational sphere.

Проблема мотивации речевой деятельности на иностранном языке и владения языковыми и речевыми средствами языка для осуществления такой деятельности является крайне актуальной для методики обучения неродным (вторым) языкам в школе. Мотивация речевых действий на языке актуальна на всех этапах (на начальном, среднем, старшем и на уровне профильного обучения) [1]. Учителя-практики, к сожалению, мало заботятся об этом компоненте учебной деятельности. Остановимся на понятии «учебная мотивация».

Учебная мотивация связана с рядом трудностей, обусловленных терминологической неясностью понятия, а также множественностью предлагаемых взглядов и подходов. Основную сложность представляет собой неясность употребления терминов “мотив” и “мотивация”.

Под понятием “мотив” часто понимают не только побуждение, потребность, намерение, субъективную причину действия, цель, свойство или состояние личности (совокупность различных психологических факторов, определяющих поведение и деятельность человека), но и сам процесс мотивации. Представляется необходимым разграничить эти два понятия.

Различные определения мотива можно отнести к двум основным подходам: 1) мотив рассматривается как направленность, побуждение к деятельности, связанное с удовлетворением потребностей субъекта; совокупность условий, вызывающих и регулирующих активность (П.Б. Гурвич, И.А. Зимняя, Е.П. Ильин, А.К. Маркова, С.Л. Рубинштейн и др.); 2) мотив как предмет, материальный или идеальный, побуждающий и определяющий выбор направленности деятельности, ради которого она осуществляется (Л.И. Божович, А.Н. Леонтьев, С.П. Манукян).

При всех различиях в определениях, если учитывать оттенки в значении термина “мотив”, можно выделить наличие общего элемента. Это, прежде всего, присутствие “динамического компонента”, задающего направленность действия и определяющего его ценность, значимость.

Мотивация, как указано в «Словаре практического психолога», представляет систему побуждений, которые «вызывают активность организма и определяют ее направленность» [2]. Активность человека вызывают осознаваемые или неосознаваемые психические факторы. Они же побуждают индивида к совершению определенных действий, определяют их направленность и их цель.

Мотив имеет определенные характеристики. Они следующие: а) наличие типичного признака в мотиве; это «гнездо» действий, собирающихся вокруг одного предмета; б) неравнозначность мотивов, побуждающих к некой деятельности; один из них – главный; он называется ведущим; второстепенные являются мотивами-стимулами; в) осознаваемость и неосознаваемость мотивов; г)

иерархическая структура мотивов; д) постепенное развитие мотива (потребность, мотив, цель, действие). В ходе деятельности могут формироваться новые мотивы и потребности.

На уроках иностранного языка никак нельзя обойтись без учебной мотивации. Мотивация определяется здесь рядом специфических факторов: а) системой обучения иностранным языкам (разные типы и виды школ); б) организацией образовательного процесса с детьми разного возраста и их психологическими особенностями (младший, средний, старший и профильный уровень); в) субъектными особенностями обучающихся (возраст, пол, интеллектуальное развитие, способности, уровень притязаний, самооценка, характер взаимодействия с другими людьми); г) субъектными особенностями преподавателя (отношение к ученику, к делу, к повышению уровня своей методической и психологической грамотности, постоянное повышение своего методического мастерства); д) спецификой учебного предмета (недостаточное количество часов, отсутствие языковой среды, явное снижение мотивации от этапа к этапу и его повышение на заключительных стадиях овладения языком, сдача Единого государственного экзамена) [3].

Учебная мотивация носит системный характер, характеризуется такими показателями, как направленность, устойчивость, динамичность. Учебная мотивация побуждается системой (иерархией) мотивов. Доминирующими могут быть внутренние мотивы, связанные с содержанием деятельности и ее выполнением. Социальные мотивы связаны с потребностью обучающегося занять определенную позицию в системе общественных отношений.

Целесообразно выделить и группы мотивов в зависимости от цели их направленности. Так, П.Б. Бархаев выделяет две группы в зависимости от: 1) отношения обучающегося к предмету и самому процессу обучения (мотивы, направленные на процесс обучения, познавательную деятельность, овладение знаниями, обобщенными приемами их получения); 2) отношения к обществу (мотивы, направленные на результат обучения и достижение других целей за счет обучения) [4].

В первой группе П.Б. Бархаев различает: 1) *широкие познавательные мотивы*, направляющие деятельность обучающихся

на овладение новыми знаниями; 2) *учебно-познавательные мотивы*, ориентирующие на освоение способов получения знаний; 3) *мотивы самообразования*, побуждающие к самостоятельному совершенствованию как самих знаний, так и способов их получения. Во второй группе П.Б. Бархаев выделяет: 1) *широкие социальные мотивы*, обеспечивающие стремление быть полезным членом общества, хорошо учиться, получать знания в интересах будущей деятельности; 2) *узкие социальные мотивы*, связанные с желанием занять определенное место в системе отношений с другими людьми; 3) *мотивы социального сотрудничества*, направленные на осмысление самого процесса социального взаимодействия в ходе обучения и воспитания и создающие предпосылки самосовершенствования личности [4].

На занятиях по иностранному языку учебная мотивация дополняется коммуникативной. В.М. Блинов доказывает, что эти два вида мотивации имеют большое значение для овладения языком в целом [5]. Без такой мотивации невозможно усвоение нового языкового кода. Часто бывает так, что некоммуникативные упражнения выполняются при почти нулевой коммуникативной, но весьма сильной учебной мотивации. Ученик, делая такие упражнения, осознает значение выполняемой работы для последующей коммуникации. Лексические единицы успешно усваиваются, если они вводятся непосредственно в ходе решения большого круга речевых задач и если у школьника обнаруживается потребность в словах. Непроизвольно усваиваются так называемые «ситуативно заостренные лексические единицы» (Э.И. Соловцова).

Психологи указывают на важность разных видов мотивации, например, «состязательной мотивации», «занимательной мотивации». Для мотивации речевой деятельности на языке большое значение имеют такие приемы, как «эффект сюрпризов», «необычности материала» (слова английского языка в системе немецкого, сложные слова, где первая часть – английское слово, вторая часть – слово немецкого языка, разного рода сокращения), «контрастивность материала» в сравнении с соответствующими эквивалентами в родном языке.

Опираясь на данные экспериментальной работы В.В. Рыжова [6] и результаты исследования С.Т. Григорян [7] и П.Б. Гурвича [8]

применительно к овладению иностранным языком можно выделить разные виды учебной мотивации: 1) коммуникативную; 2) лингвопознавательную (порождается интересом обучающихся к более глубокому осмыслению языковой формы); 3) познавательно-образовательную (побуждается желанием быть всесторонне образованным человеком; стремлением расширить круг познавательных явлений окружающей жизни; желание узнать жизнь, культуру, литературу и т.п. других стран); 4) инструментальную (порождается чувством удовлетворения, которое обучающиеся получают при выполнении определенных видов работы (упражнений)); 5) интеллектуально-развивающую (возможность развития мышления, памяти и др. интеллектуальных свойств личности); 6) профессионально-педагогическую; 7) эмоциональную; 8) мотивацию честолюбия (престижность знания иностранного языка); 9) идентификационную (стремление к идентификации, отождествлению себя с некоторыми другими людьми или представлениями о них); 10) прагматическую (поехать за границу, получить престижную работу); 11) мотивацию долга (необходимость выполнять учебные обязанности, получить высшее образование, приносить пользу обществу).

Взаимодействуя между собой, виды мотивации образуют *мотивационную базу обучения* иностранному языку в целом.

Ведущую роль в процессе изучения иностранного языка играют такие виды мотивации, как: а) коммуникативная; б) познавательная; в) инструментальная; г) лингвопознавательная; д) профессиональная мотивация.

Коммуникативная мотивация подразделяется на три подвиды: 1) мотивация, обусловленная конкретной коммуникативной ситуацией; 2) мотивация усвоения лексического материала; 3) мотивация общего отсроченного характера [8]. Все виды мотивации способствуют развитию достаточного уровня коммуникативной компетенции, обеспечивают готовность и способность учащихся осуществлять иноязычное общение, способность учащихся решать различные прагматические задачи, важные для школьника.

Под **познавательной мотивацией**, вслед за А.К. Марковой, мы понимаем такое состояние личности, которое отражает недостаток *необходимых* знаний [9]. Основой формирования познавательной

мотивации является потребность школьников в самообразовании. Познавательная мотивация обуславливает качество процесса работы над лексикой, грамматикой, фонетикой иностранного языка и его результат.

Познавательная мотивация включает такие компоненты, как: а) стремление к приобретению недостающих знаний в виде лексики, грамматики, фонетики, знаний о стране, ее культуре; б) потребность в овладении рациональными способами познавательного действия с иноязычным материалом (словом, словосочетанием, речевым образцом, сферхфразовым единством, текстом); в) потребность в систематизации знаний (языковых (кодовых) и внеязыковых (внекодовых)) и дальнейшем их углублении; г) потребность в расширении словарного запаса, грамматического материала, в особенности структур для рецептивного владения.

При обучении лексике ведущую роль играет **инструментальная мотивация**. Данный вид мотивации определяет процесс работы над лексическим материалом, начиная с ознакомления и заканчивая контролем. Эффективность усвоения лексики напрямую зависит от того, насколько обучаемые заинтересованы в выполнении различных видов упражнений, в освоении новых стратегий работы с лексикой. Упражнения обуславливают качество овладения лексикой, формирование лексической компетенции. Инструментальная мотивация важна и для пополнения лингвистического запаса в виде словообразующих морфем. Она считается ведущей при обучении аспектам изучаемого языка.

Лингвопознавательная мотивация заключается в положительном отношении к самой языковой материи, к изучению основных свойств языковых знаков [10. С. 15]. Наличие лингвопознавательной мотивации влияет на степень развития коммуникативной и познавательной мотиваций.

В процессе обучения, например, лексике учебная мотивация проявляется на трех уровнях: а) на глобальном (изучение необходимого лексического минимума); б) на уровне занятия (освоение необходимого лексического минимума определенного занятия); в) на уровне ситуации, задания (выполнение упражнений) [11].

Следовательно, при изучении иноязычной лексики сначала необходимо: а) усилить у школьников мотивы цели, т.е. обосновать необходимость, полезность и результат предстоящих учебных действий; б) задействовать все когнитивные процессы для наиболее эффективного восприятия и усвоения лексических единиц; в) создать и предложить систему упражнений, отвечающую коммуникативно-познавательным потребностям обучаемых; г) подвести итоги, обсудить достигнутые результаты; д) наметить перспективы по дальнейшей работе над лексикой.

А.Е. Сиземина, описывая виды мотивов, обеспечивающих прочное усвоение лексического материала, придает большое значение графическим опорам (графическим организаторам) [12]. Они являются визуальными средствами стимуляции учебной деятельности. Графические организаторы представляют способы репрезентации концептуальной и лексико-семантической информации, групп лексических единиц и содержательных идей. Они позволяют представить в наглядной форме информацию о концепте, о лексической единице; сконцентрировать внимание ученика на лингвистической и экстралингвистической информации; выделить и обратить внимание на главное, существенное при усвоении этого аспекта языка.

В качестве стимулов в усвоении лексики рекомендуется использовать такие графические организаторы, как: 1) ассоциограмма; 2) кластерная модель; 3) матрица; 4) диаграмма; 5) модель дерева; 6) модель вилки; 7) модель «рыбья кость»; 8) модель идейной сетки; 9) модель семантической карты.

В мотивационной сфере большое значение имеет интерес. Интерес связан с эмоциональным переживанием познавательной потребности. Интерес к учению, по А.К. Марковой, может быть широким, планирующим, результативным, процессуально-содержательным; учебно-познавательным [9]. Интерес формируется за счет: а) понимания материала и его смысла; б) интересной формы его преподнесения; в) проявления в усвоении материала умственной самостоятельности и инициативности; г) использования активных методов обучения; д) применения проблемных вопросов, создания ситуаций успеха, поиска альтернативных решений в поставленных

проблемах; е) разнообразия приемов работы; ж) новизны материала и его актуальности; з) психологического климата на уроке в целом.

Существуют разные виды интересов: а) результативный; б) познавательный; в) процессуальный; г) учебно-познавательный. Для учебной деятельности важны мотивы интеллектуально-познавательного плана (жажда знаний). Ю.М. Орлов пишет: «Наибольшее влияние на академические успехи оказывает познавательная потребность в сочетании с высокой потребностью в достижениях» [13]. Познавательные интересы имеют большое значение, их надо развивать. Важно развивать у учащихся любопытство, любознательность, научный интерес к языковым явлениям другого языка.

Для мотивационной сферы важно и отношение ученика к учению. Положительное отношение стимулирует желание учиться. На мотивацию оказывает влияние и умственное развитие ученика. Иностранный язык как учебная дисциплина имеет развивающее значение для личности ребенка. Об этом говорят многие ученые [14], [15]. Высокий уровень умственного развития является: 1) важным условием реализации исходного уровня мотивации ребенка; 2) важным условием формирования положительной мотивации в учебной деятельности. Сформулированная цель оказывает влияние на мотивацию, которая характеризуется устойчивостью.

Устойчивость определяется: 1) исходным типом мотивационной структуры; 2) личной значимостью предметного содержания деятельности; 3) видом учебного задания; 4) проблемными ситуациями (через выбор, через снятие оценки и временных ограничений). Это побуждает человека к творческой креативной деятельности на уроках иностранного языка.

Мотивационные структуры можно изменять. Ими надо постоянно управлять. Это делается через: а) снятие оценки и временных ограничений; б) демократический стиль общения; в) ситуацию выбора; г) личную значимость учебного материала; д) продуктивный, творческий вид работы.

Учебная мотивация представляет вид мотивации, имеющей сложную структуру и определенные характеристики. Ее характеристики такие, как: а) устойчивость; б) связь с уровнем

интеллектуального развития ребенка; в) характер осуществляемой учебной деятельности.

Учитель иностранного языка, по словам Е.И. Пассова, является «энергизатором» учебной деятельности на языке. Он должен: а) показать значимость своего предмета в жизни современного общества; б) стараться раскрыть значимость владения иностранным языком для каждого конкретного ученика; в) заинтересовать учеников процессом овладения иноязычной культурой; г) мотивировать учащихся к выполнению тех или иных заданий в любом виде речевой деятельности; д) привлечь к коллективной работе малоинициативных, ленивых, особо одаренных, неорганизованных и т.п. учащихся, «провоцируя» их к речевой или к любой другой деятельности; е) мотивировать учеников к дальнейшему самостоятельному овладению иноязычной культурой [16].

Мотивация деятельности по овладению языком осуществляется с помощью разных средств. К их числу можно отнести: а) знакомство с культурой страны изучаемого языка; б) развитие креативности обучаемого; в) развитие активной мыслительной деятельности; г) решение разнообразных познавательных и лингвистических задач.

Учебная задача составляет главный компонент структуры учебной деятельности. При решении учебной задачи нужно: а) осознать цель; б) учесть условия ее выполнения; в) определить пути решения задачи. Важно, чтобы задача была не только понятна субъектом, но и принята им.

Анализ сферы мотивов учения показывает: в ней можно выделить внешнюю и внутреннюю мотивацию. Внешняя мотивация включает: а) широкую социальную мотивацию; б) мотивацию перспективного развития личности. Социальная мотивация предполагает, что: 1) каждый культурный человек должен знать хотя бы один иностранный язык; 2) родители интересуются успехами школьника (студента) по иностранному языку, иностранный язык знают другие члены семьи; 3) иностранный язык включен в школьную программу, ученик хочет иметь хорошую оценку по данному предмету; 4) знание иностранного языка у ребенка должно быть не хуже знаний, чем у товарищей по классу. Мотивация, связанная с перспективами развития личности школьника, ориентирована на то, что иностранный язык может пригодиться в

жизни, учебе, в профессии. Язык нужен для поездки за границу, для поступления в вуз, для будущей работы.

Внутренняя мотивация связана с коммуникативной мотивацией, мотивацией учебной деятельности (операционно-инструментальная). Коммуникативная мотивация связана с тем, что: 1) интересно общаться со сверстниками на языке на уроке (обмениваться впечатлениями, высказывать свое мнение, обсуждать интересное, актуальное событие); 2) на занятиях по иностранному языку интересно, ученик не задумывается о других мотивах; 3) иностранный язык служит средством удовлетворения других (прагматических) интересов учащихся.

Учебная мотивация (операционно-инструментальная) связана с тем, что ученику нравится: 1) отгадывать значение новых слов; 2) выводить грамматические правила на основе наблюдения за грамматическим материалом в текстах; 3) выполнять различные лексические и грамматические упражнения; 4) ощущать успех в обучении и в общении на изучаемом языке; 5) добиваться поставленных перед собой целей в обучении, например, понимать текст для слушания с первого раза; добиваться понимания текстов при чтении, если там есть незнакомые слова; получать от носителя языка лингвострановедческую информацию и другое.

Мотивационный блок включает: а) потребности человека; б) его идеалы; в) мотивы; г) установки; д) интересы; е) влечения. Энергетический блок складывается из взаимодействия таких источников энергии, как: а) внимание (концентрированность деятельности); б) воля (высокая степень активности и целеустремленности деятельности); в) эмоциональный фон (энергетические ресурсы конкретных операций). Преподаватель иностранного языка должен постоянно помнить и заботиться о мотивационном блоке.

М.В. Матюхина рекомендует проявлять максимум внимания к мотивационной сфере обучаемого [17]. Для этого необходимо всесторонне разрабатывать проблему вооружения учителя соответствующими рекомендациями. Ключом к мотивации учащихся является индивидуализация учебного процесса (Е.С. Рабунский). В индивидуальной работе важно учитывать: а) индивидуальные свойства ученика; б) его субъективные свойства; в) социальные качества

человека. Личностные свойства составляют вершину структурной организации индивидуальности, ее ядро (Б.Г. Ананьев).

Для функционирования учебной мотивации как важного фактора в овладении языком важны условия их создания. Учебный предмет «Иностранный язык» превращается в «действенный фактор социально-экономического, научно-технического и общекультурного прогресса» [1], [16]. «Иностранный язык» как учебный предмет становится реально востребованным в практической и интеллектуальной деятельности человека. Он открывает ученику непосредственный доступ к огромному духовному богатству народов, говорящих на языках, изучаемых в школах Российской Федерации.

Библиографический список

1. Бим И.Л. Немецкий язык. Базовый курс. Концепция, программа. М.: Новая школа. 1995. 128 с.
2. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1998. 800 с.
3. Шамо́в А.Н. Психолого-педагогические основы профессиональной деятельности учителя иностранного языка. Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2010. 218 с.
4. Бархаев Б.П. Педагогическая психология. СПб.: Питер, 2007. 448 с.
5. Блинов В.М. Эффективность обучения: Методологический анализ определения этой категории в дидактике. М.: Педагогика, 1976. 191 с.
6. Рыжов В.В. Мотивация в обучении иностранному языку // Мост = Bridge. 1995. №1. С.26-36.
7. Григорян С.Т. Мотивация учебной деятельности учащихся 5-7-х классов при изучении иностранной лексики: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1977. 16 с.
8. Гурвич П.Б., Григорян С.Т. Усиление мотивации учебной деятельности, направленной на овладение лексикой иностранного языка // Иностранные языки в школе. 1976. №6. С. 50-55.
9. Маркова А.К. Формирование мотивации учения: Книга для учителя. М.: Просвещение, 1990. 192 с.
10. Рогова Г.В. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М.: Просвещение, 1991. 287с.
11. Brown H.D. Principles of Language Learning and Teaching. 2nd ed. Englewood Cliffs, NJ: Prentice Hall Regents, 1987.
12. Сиземина А.Е. Методика развития лексической компетенции студентов лингвистического вуза на основе формирования мотивационной

базы обучения (английский язык): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2009. 22 с.

13. Орлов Ю.М. Потребностно-мотивационные факторы эффективной учебной деятельности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1984. 33 с.

14. Ариян М.А. Социально развивающая методическая система обучения иностранным языкам в средней школе: проектирование и реализация: Автореф. дис. ... докт. пед. наук. Нижний Новгород, 2009. 43 с.

15. Мильруд Р.П. Развивающее обучение средствами иностранного языка в средней школе: Дис. ... докт. пед. наук. М., 1992. 541 с.

16. Пассов Е.И. Концепция коммуникативного иноязычного образования: Методическое пособие для русистов. СПб.: Златоуст, 2007. 200 с.

17. Матюхина М.В. Мотивация учения младших школьников: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1986. 29 с.

Сведения об авторах

Фурманова Валентина Павловна
доктор педагогических наук, профессор,
зав. кафедрой немецкой филологии
МГУ им. Н.П. Огарева
E-mail: vpfurman@mail.ru

Шамов Александр Николаевич
доктор педагогических наук, профессор,
зав. кафедрой лингводидактики и
методики преподавания иностранных языков
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: metod@lunn.ru

УДК 378.662

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ БУДУЩЕГО СПЕЦИАЛИСТА ТЕХНИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ

А.А. Шолин

*Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород*

В данной работе рассматриваются основные взгляды на понятия «концепт» и «концептосфера», механизмы становления личности современного специалиста. В настоящее время существует необходимость совершенствования профессиональной подготовки специалиста в сфере смыслообразования. Это поможет развитию профессионального сознания и самосознания, созданию профессиональной идентичности.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, профессия, профессиональное становление личности.

Providing Pedagogical Support for the Professional Development of Engineering Specialists Artyom Sholin

The paper analyzes existing views on the notions of “concept,” “concept sphere” and “conceptualization” with their practical application for personality formation in training of modern technical professionals. Current professional training of engineering specialists requires improvement in terms of providing better training in meaning-making skills and a new emphasis on the development of professional understanding and self-understanding and creating professional identity.

Key words: concept, concept sphere, profession, becoming a professional specialist.

Профессиональное образование играет одну из важнейших ролей в становлении полноценной личности, и в настоящее время выходит на новый уровень своего развития. Изменения в образовании касаются всех сфер: функциональной, целевой, ценностной и т.п. Меняются и требования к процессу формирования личности специалиста. В различных нормативных документах (Закон РФ «Об образовании», Национальная доктрина образования в РФ) прописана необходимость подготовки высококвалифицированных специалистов, способных к профессиональному росту и профессиональной мобильности на современном этапе социокультурного развития

общества. На этапе информатизации общества важна способность специалиста эффективно включать в свою деятельность профессионально значимую информацию, получаемую как во время учебного процесса профессиональной подготовки, так и вне её, ставится задача создания специализированной системы подготовки, ориентированной на индивидуализацию образования и социализацию обучающихся с учетом реальных потребностей рынка.

Особенности трудового процесса в настоящее время предполагают способность специалиста понимать факты, ситуации, получать и осмысливать необходимую информацию и т.п. Современный специалист должен быть готов предложить свое решение в проблемной ситуации, а не только пользоваться уже отработанными механизмами. Для этого необходимо обеспечить педагогические условия для становления профессионального сознания специалиста в системе профессиональной подготовки. Совершенствование профессиональной подготовки специалиста должно проходить в сфере смыслообразования. Это поможет формированию профессиональной Я-концепции, нахождению в труде личностного смысла, развитию профессионального сознания и самосознания.

Механизмы профессионального становления личности рассматриваются в работах таких ученых, как Э.Ф. Зеер, Е.А. Климов, Г.Д. Бухарова, С.Я. Батышев и др. Теоретической основой концепции профессионального становления личности можно назвать работы К.А. Абульхановой-Славской, Б.Г. Ананьева, А.Г. Асмолова, Б.Ф. Ломова, В.Д. Шадрикова и др. Важную роль играют механизмы концептуализации понятий и собственно концепты, так как профессиональная идентичность формируется именно на основе взаимодействия концептов. В этой области значимы труды С.А. Аскольдова, Д.С. Лихачева, В.Н. Телия, З.Д. Поповой, И.А. Стернина. При современном темпе развития технологий и информатизации общества условием успешной профессиональной деятельности становится ориентация на многовариантное проектирование технологий, умение перестраивать профессиональную деятельность с учетом социально значимых целей. И здесь ведущим средством подготовки становятся такие формы

обучения, при которых характер деятельности обучающихся связан со свободой самоопределения личности.

Процесс профессионального становления личности охватывает длительный период онтогенеза человека с начала развития профессионально ориентированных интересов, он проходит всю жизнь и заканчивается лишь с прекращением профессиональной деятельности. Процесс тем успешнее и безболезненнее, чем более у человека развиты профессионально значимые смысловые образования личности. Профессиональная деятельность всегда вносит значительные изменения в жизнь человека.

Можно утверждать, что профессиональная деятельность начинается уже на этапе обучения в вузе, профессиональном училище, колледже и т.п. Но обучение прежде всего закладывает основы для дальнейшей профессиональной деятельности в рамках какой-либо специальности, для овладения какой-либо профессией.

Профессия является элементом социализации, способствует развитию новых качеств личности. У человека формируется определенная профессиональная картина мира, которая становится важным фактором направления развития личности. Также постоянно усложняются требования к представителю той или иной профессии.

Выпускник вуза или другого образовательного учреждения на современном рынке труда должен обладать высоким уровнем профессиональных компетенций, иметь практические навыки и умения. Именно поэтому моменту профессионального самоопределения и процессу становления личности специалиста технического профиля сейчас уделяется большое внимание на всех этапах обучения. Профессиональное становление личности предполагает развитие личности в сфере профессионального труда. Э.Ф. Зеер определяет это понятие как процесс прогрессивного изменения личности под влиянием социальных воздействий, профессиональной деятельности и собственной активности, направленной на самосовершенствование и самоосуществление [4. С. 29].

На основе работ таких ученых, как А. Маслоу и Дж. Сьюпер, Э.Ф. Зеер выделяет важные положения о профессиональном развитии личности:

10. Профессиональное становление личности имеет историческую и социокультурную обусловленность.

11. Процесс профессионального становления личности индивидуально своеобразен, неповторим, однако в нем можно выделить качественные закономерности.

12. Учебная и профессиональная деятельность позволяют человеку реализовать себя, способствуют самореализации личности.

13. Ядром профессионального становления является нахождение личностного смысла в профессии – профессиональное самоопределение.

14. Индивидуальная траектория профессиональной жизни человека определяется нормативными и ненормативными событиями, случайными обстоятельствами.

15. Значение психологических особенностей профессионального становления позволяет человеку осознанно проектировать свою профессиональную биографию [5. С. 12].

Нередко под профессиональным становлением личности может пониматься просто соответствие определенных личных качеств человека, его способностей требованиям какой-либо профессии. Формирование сознания специалиста происходит на более глубоком уровне, на уровне смыслов. Профессиональная подготовка должна способствовать порождению профессионально-личностных смыслов у будущих специалистов, которые образуют некоторую смысловую парадигму для профессионального развития.

Такой подход является наиболее актуальным, так как в системе образования наблюдаются тенденции к переходу от простого получения информации во время учебного процесса к смысловому постижению мира.

В этой области и лежат основные противоречия современной системы образования. В настоящее время подтверждается необходимость ценностно-смысловой ориентации обучения, но этот подход остается недостаточно разработанным с теоретической и практической точки зрения. Характер содержания профессиональной подготовки остается стандартизированным, несмотря на то, что в области информатизации ведутся исследования, которые могут способствовать разработке новых возможностей совершенствования профессиональной подготовки специалистов в том числе и

технического профиля (Р.Ф. Абдеев, М.Ю. Егоров, О.Е. Елчанинов и др.). Разрешение противоречий в этой области будет способствовать тому, что профессиональная подготовка технического специалиста будет проходить на основе сформированности его смысловой парадигмы, а не на основе системы обучения, носящей рецептурный характер.

Как видно из представленных положений, подход к становлению личности специалиста должен быть шире личностно-ориентированного подхода. Формирование смысловой парадигмы происходит в рамках познания мира. Одним из механизмов познания мира является концептуализация, отвечающая за формирование в человеческом сознании концептов, которые являются в некотором роде минимальными единицами опыта. Трактовкой понятия «концепт» занимаются многие ученые и философы, но единого мнения по вопросу о том, что же представляет собой концепт и каково его определение, до сих пор нет. Концепты оказывают влияние на сознание и личность человека, являются регулятивом поведения человека.

Многообразие трактовок такого явления, как концепт, зависит от его области применения. В настоящее время в понимании концепта можно выделить три основных направления: лингвистическое, культурологическое и когнитивное.

Лингвистический подход к пониманию концептов находит выражение, например, в работах С.А. Аскольдова, Д.С. Лихачева и В.Н. Телия. Так, С.А. Аскольдов трактует концепт как «мыслительное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» [6. С. 12]. В.Н. Телия же пишет, что концепт – это «все то, что мы знаем об объекте во всей экстенсии этого намерения» [7. С. 97] Она также делает упор на то, что концепт представляет собой категорию высокой абстракции. Из этого можно сделать вывод, что концепт, с данной точки зрения, понимается как весь потенциал значения слова вместе с его коннотативной составляющей.

Представители когнитивного подхода (З.Д. Попова и И.А. Стернин) относят концепт к ментальным явлениям. Они рассматривают концепт как глобальную мыслительную единицу, которая может быть выражена в языке лексемами, фразеологизмами,

словосочетаниями, предложениями, текстами и совокупностями текстов [8. С. 4]. В Кратком словаре когнитивных терминов концепты определяются как идеальные абстрактные единицы, смыслы, которыми оперирует человек в процессах мышления, и которые отражают содержание опыта и знания, результатов всей деятельности человека и процессов познания им окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов знания». При подобном рассмотрении этого понятия предполагается, что содержание концепта включает информацию о том, что индивид знает, предполагает, думает, воображает о том или ином фрагменте мира. Концепты в таком случае сводят все многообразие наблюдаемых явлений к чему-то единому, подходящему под определенные выработанные обществом категории и классы.

Культурологическому аспекту в трактовке понятия «концепт» уделяют особое внимание Ю.С. Степанов, Г.Г. Слышкин и др. Вся культура, по их мнению, представляет собой совокупность концептов и отношений между ними. Так, Ю.С. Степанов определяет концепты как «основные ячейки культуры в ментальном мире человека, существующие в виде понятий, знаний, ассоциаций, переживаний в сознании человека». Этого определения придерживается и Слышкин, а формирование концепта представлено им как процесс соотнесения результатов опытного познания действительности с ранее усвоенными культурно-ценностными доминантами, выраженными в религии, искусстве и т.д. Таким образом, концепт представляется с этой точки зрения неким концентратом культуры.

Понятие «концепт» используется в профессиональной педагогике. В этом ключе для описания концептов наиболее подходит определение Ю.С. Степанова: концепты – это «основные ячейки культуры в ментальном мире человека, существующие в виде понятий, знаний, ассоциаций, переживаний в сознании человека». Концепт – это базовая единица осознания действительности, понятий и т.п. Они помогают осуществлять общение. Речь идет не только о повседневном общении, но и о коммуникации в профессиональной среде. Они позволяют строить свое отношение к действительности. В профессиональной педагогике это выражается в формировании профессиональной картины мира.

Концепты отвечают за осуществление профессионального общения с использованием специальной терминологии, но прежде всего за самоидентификацию специалиста в профессиональной сфере и за мировосприятие через призму профессиональных отношений. Применительно к области педагогики можно говорить не просто о концептах, а скорее о профессиональных концептах. Можно сделать вывод, что профессиональный концепт представляет собой мысленное образование, содержащее разностороннюю информацию о своей профессии вообще или об отдельных ее аспектах, объектах, куда входят как энциклопедические знания об объектах и знания, полученные на основе опыта, так и индивидуальные переживания, ассоциации, связанные с профессиональной деятельностью.

Естественно, концепты не могут существовать в сознании человека разрозненно. Они образуют систему. Совокупность всех концептов, которыми оперирует человек, образуют концептосферу данного индивида. По отношению к профессиональной деятельности возможно говорить о профессиональной концептосфере. Концептосфера является индивидуальной для каждого человека, она отражает его картину мира и мировоззрение.

Профессиональная педагогика за последнее десятилетие претерпела определенные изменения, появились новые понятия и области исследований. В настоящее время профессиональное образование связано не столько с методологическими аспектами и формами обучения, сколько с развитием личности специалиста. Процесс формирования внутренних установок, направленных на осуществление успешной профессиональной деятельности, осуществляется в понятийной сфере обучающегося. Поэтому необходимо, чтобы профессиональные понятия не просто заучивались, а становились концептами. Это является наиболее важным моментом на этапе становления личности будущего специалиста технического профиля, так как обеспечивает формирование профессиональной идентичности.

Можно сделать вывод, что, педагогическое обеспечение профессионального становления личности специалиста вообще и специалиста технического профиля в частности, представляет собой поддержку и помощь в развитии и саморазвитии обучающихся, содействие в формировании определенной системы ценностей,

необходимой для специалиста того или иного профиля. К этому также относится формирование ценностно-смысловых компонентов сознания, благодаря которым субъект имеет возможность быть включенным в пространство какой-либо профессии и успешно выполнять свои профессиональные роли и функции.

Особенности педагогического обеспечения становления специалиста технического профиля состоят в его ориентации на будущую профессиональную деятельность, реализации себя в качестве специалистов и профессионалов, а также в гарантированности перспектив для личностного развития.

Библиографический список

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка, М.:АЗЪ, 1993. 750 с.
2. Климов Е.А. Психология профессионального самоопределения. М.: Издательский центр «Академия», 2007. 304 с.
3. Климов Е.А. Введение в психологию труда. М.: Издательство Московского университета, 1988. 200 с.
4. Зеер Э.Ф. Психология профессий. М.: Академический проект, 2008. 336 с.
5. Зеер Э.Ф., Павлова А.М., Садовникова Н.О. Профориентология. М.: Академический проект, 2006. 192 с.
6. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология. М., 1997.
7. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический, культурологический аспекты. М., 1996. 284 с.
8. Попова З.Д., Стернин И.А. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях. Воронеж, 1999. 189 с.
9. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. 245 с.

Сведения об авторе

Шолин Артём Александрович
аспирант кафедры педагогики и психологии
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова
E-mail: igel_im_nebel@list.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЛОСОФИИ, ИСТОРИИ И СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

УДК 1(38)(091)

ПРОБЛЕМА НЕБЫТИЯ В ФИЛОСОФИИ ПЛАТОНА И АРИСТОТЕЛЯ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

А.В. Богомолов

*Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина, Нижний Новгород*

Данная статья посвящена анализу взглядов Платона и Аристотеля на проблему небытия. В ней утверждается, что Платон признавал небытие существующим и фактически отождествлял небытие и ложь. Согласно Аристотелю, небытие существует в трех значениях. Эти значения суть отрицание, ложь и возможность. Таким образом, и Платон, и Аристотель небытие понимали как ложь. Но, по мнению Аристотеля, небытие – это еще и отрицание, и возможность.

Ключевые слова: небытие, идея небытия, ложь, возможность, отрицание.

The Problem of Non-Being in Plato's and Aristotle's Philosophy: A Comparative Analysis Aleksy Bogomolov

The article compares Plato's and Aristotle's views on the problem of non-being. It shows that Plato affirmed the existence of non-being and practically identified non-being with falsehood. According to Aristotle, non-being exists in three meanings: negation, falsehood and possibility. Thus, both Plato and Aristotle define non-being as falsehood, but Aristotle adds that non-being can also mean negation and possibility.

Key words: non-being, the idea of non-being, falsehood, negation, possibility.

Проблема небытия является предметом анализа многих исследований, опубликованных в научных изданиях к настоящему моменту. Н.М. Солодухо, М.С. Каган, В.А. Кутырев, Д.В. Воробьев – вот отнюдь не полный перечень имен ученых, обратившихся в своих трудах к указанной проблеме. В этих исследованиях затронуты многие вопросы, связанные с категорией «небытие», в том числе речь в них идет о развитии представлений о небытии в истории философии. Следует сказать, что проблема небытия в истории западноевропейской мысли берет свое начало в античности. Еще

досократик Парменид в тексте своей поэмы задался вопросом о реальности не-сущего. Опираясь на определенную доказательную базу, философ отверг существование небытия, предложив тем самым и свое видение решения данной проблемы. Разумеется, учитывая многообразие и продуктивность античной мысли, было бы наивно полагать, что Парменид был единственным мудрецом, размышлявшим о небытии. Но в силу того обстоятельства, что своего наивысшего расцвета античная мысль достигает в классический период, особого внимания заслуживают решения проблемы небытия, предложенные философами, чью деятельность традиционно относят к этому этапу. В период классики о небытии размышляли, в частности, Платон и Аристотель. Попытаемся дать сравнительный анализ взглядов именно этих двух философов на данную проблему.

Поиск решения проблемы небытия, предложенного Платоном, начинается с ответа на вопрос, существует ли идея небытия. Сомнения на этот счет исчезают при обращении к тексту диалога «Софист». Именно в этом произведении афинский мудрец не только постулирует бытие идеи небытия, но и наделяет ее особой функцией. Особенность заключается в том, что именно идее небытия отводится определяющая роль в обосновании положения, согласно которому каждая идея есть она сама и никакая из иных.

Актуальность проблемы тождественности любой из идей самой себе в платоновской версии объективного идеализма без труда прослеживается при обращении к диалектике идей, приводимой философом в упомянутом диалоге. Скажем, что в этой диалектике угадывается стремление философа придать миру идей внутреннюю иерархию. А для этого необходимо определение возможных вариантов взаимоотношений между любой одной идеей и всеми остальными. Изначально Платон очерчивает круг из трех типов отношений: «необходимо что-либо одно из всего этого: либо, чтобы все было склонно к смешению, либо ничто, либо одно склонно, а другое – нет» [1. С. 994]. Но первые два варианта самим философом тут же и отвергаются. Их несостоятельность, по его мнению, наиболее очевидна при рассмотрении диалектики бытия, покоя и движения. Отметим, что эти три идеи, кроме всего прочего, понимаются как «самые главные роды». Так вот, если ничто не склонно к смешению, то ни покой, ни движение не смешиваются с

бытием. Однако непричастность бытию будет означать, что ни покой, ни движение не существуют, но это не так. Стало быть, идеи склонны к смешению, но при этом Платон показывает, что отнюдь не все они смешиваются между собой. В противном случае, «само движение совершенно остановилось бы, а с другой стороны, сам покой задвигался, если бы они пришли в соприкосновение друг с другом» [1. С. 994]. Отсюда следует, что некоторые идеи склонны к смешению, а некоторые – нет. Очевидно также, что если некоторые идеи-роды смешиваются между собой, то возможно и смешение рода с видами другого рода, но не обязательно со всеми. Поэтому вывод у Платона звучит несколько иначе: «одни роды склонны взаимодействовать, другие же нет...некоторые лишь с немногими видами, другие – со многими, третьи же, наконец, во всех случаях беспрепятственно взаимодействуют со всеми» [1. С. 997]. Тот факт, что некоторые идеи смешиваются, или взаимодействуют между собой, и порождает проблему тождественности идей самим себе. Особенно показательна в этом отношении постулируемая зависимость существования всех умопостигаемых нечто от идеи бытия. К примеру, существование покоя и движения обусловлено взаимодействием, смешением с идеей бытия. Но, разумеется, подобная детерминация актуальна и для всех иных существующих идей. Поэтому возникает вопрос, является ли любая, кроме бытия, идея тождественной себе самой, либо любая идея есть единство ее самой и идеи бытия. Признание истинности последнего означало бы, что никакая из идей, кроме бытия, не есть она сама. И в этом смысле никакая из идей не есть.

С целью преодолеть указанные трудности Платон продолжает диалектику «самых главных родов», где к уже упоминавшимся бытию, покою и движению добавляются также тождественное и иное. Сразу отметим, что «иное» в «Софисте», прежде всего, понимается как нечто отличное от бытия. Вероятно, поэтому в диалоге мы находим следующее: «когда мы говорим о небытии, мы понимаем, как видно, не что-то противоположное бытию, но лишь иное» [1. С. 1002]. Стало быть, иное есть небытие, и в диалектике пяти идей присутствует идея небытия. Рассмотрим теперь, как при помощи идеи небытия в платонизме решается проблема тождественности любой идеи самой себе. Итак, для того, чтобы не просто быть, но быть самой

собой, некоторой идее необходимо быть иной по отношению к любой другой идее. И этот постулат соблюдается при условии причастности идей идее небытия. Вот как эта мысль выражена в диалоге: «каждое одно есть иное по отношению к другому не в силу своей собственной природы, но вследствие причастности идее иного» [1. С. 939]. При этом еще раз подчеркнем, что, согласно Платону, поскольку иное «есть иное по отношению к бытию», то «оно – совершенно ясно – необходимо должно быть небытием» [1. С. 1005]. Таким образом, существование любой идеи обусловлено взаимодействием с идеей бытия. Но любая идея не есть совокупность самой себя и бытия, а, в силу причастности идее небытия, она является только собой.

Бытие небытия-идеи обуславливает существование некоторого ее аналога в феноменальном мире. И в этой связи обращает на себя внимание следующее суждение: «имело бы смелость предположить существование небытия; ведь в противном случае и сама ложь была бы невозможна» [1. С. 970]. Данное утверждение позволяет заключить, что феномен лжи в человеческой речи объясняется существованием идеи небытия. Более того, у Платона, как мы полагаем, связь между небытием и ложью не следует понимать исключительно как связь сущности и явления. Философ утверждал, что речь необходимо бывает либо истинной, либо ложной. Так вот ложная речь «это нечто другое, чем существующее» [1. С. 1011]. При этом выше мы видели, что небытие было определено как «иное бытия». Подобная близость идеи и ее аналога в феноменальном мире, конечно, не характерна для платонизма, но здесь имеется свое объяснение. В рамках философии объективного идеализма существование лжи в речи было бы гораздо проще обосновать, утвердив существование соответствующей идеи. Но идеализм Платона – это еще и этический идеализм. Поэтому допустить, что в идеальном мире, где все подчинено идее блага, существуют идея лжи или, тем более, идея зла, философ не мог. Но поскольку сомнения в том, что суждения часто бывают ложными, быть не может, то необходимо было дать объяснение их существованию.

И, таким образом, можно заключить, что небытие в философии Платона признается существующим. Причем о небытии можно говорить как о подлинной онтологической реальности, поскольку существующей признана именно идея небытия. Но здесь нужно

помнить, что небытие – это не противоположность, а лишь иное бытия. В своей феноменальной ипостаси небытие являет собой ложь, и эти два понятия у Платона имеют очень схожие предикаты. Все это позволяет сказать, что в области имманентного небытия понимается античным мудрецом как ложь.

К проблеме небытия на страницах своих произведений обращался и выдающийся ученик Платона – Аристотель. В «Метафизике» Стагирит формулирует основной закон бытия: «невозможно, чтобы одно и то же вместе было и не было присуще одному и тому же и в одном и том же смысле» [2. С. 79]. Данное суждение состоит из двух частей. В первой Аристотель отрицает возможность принадлежности двух взаимоисключающих предикатов одному субъекту. Во второй он уточняет, что соблюдение этого постулата неукоснительно лишь в случае, когда речь идет о принадлежности субъекту противоположных предикатов, отображающих одну и ту же характеристику предмета. Следовательно, если два номинально взаимоисключающих предиката отображают разные характеристики, то запрет на их совместную принадлежность субъекту снимается. Исходя из приведенных только что посылок, обратимся теперь к диалектике бытия и небытия в философии Стагирита.

Опираясь на первую часть упомянутого суждения, можно предположить, что бытие либо существует, либо – нет. То же самое справедливо и по отношению к небытию. При этом, поскольку бытие как таковое и небытие как таковое суть противоположности друг друга, им обоим не может принадлежать один и тот же предикат. Иными словами, невозможно, чтобы и бытие, и небытие вместе либо существовали, либо не существовали. Отсюда следует, что возможна лишь одна пара истинных суждений: либо существует только бытие, а небытие не существует; либо небытие существует, а бытие – нет. Точка зрения Аристотеля такова: «говорить, что сущее не существует или не-сущее существует, это – ложь, а говорить, что сущее существует и не-сущее не существует, это – правда» [2. С. 101]. Следовательно, небытие как онтологическая реальность не существует. Однако сам философ не ограничивается лишь постулатом о небытии небытия, ибо в «Метафизике» мы читаем: «не-сущее есть, только не в непосредственном смысле, а в том, что оно есть не-

сущее» [2. С. 173]. Казалось бы, налицо противоречие. Суть его в том, что, с одной стороны, утверждается небытие небытия, а с другой, небытие признается существующим. Однако ни о каком противоречии в данной части учения Аристотеля о небытии говорить не приходится, ведь небытие в качестве противоположности бытию не существует, оно есть лишь в относительном смысле. Итак, мы выяснили, что Стагиритом небытие признается существующим, хотя и не в непосредственном смысле.

Но учение о небытии у Аристотеля получает дальнейшее развитие. А именно – философ утверждает, что относительное небытие существует в трех ипостасях: «о небытии в его различных вариантах говорится в том же числе значений, сколько есть категорий, а помимо него может быть речь о небытии в смысле лжи и о небытии как возможности» [2. С. 387]. Рассмотрим теперь более подробно, что собою представляют каждая из этих ипостасей по отдельности.

Согласно Аристотелю, категориями называются наиболее общие роды высказываний, далее несводимые друг к другу. И утверждение о том, что небытие существует по отношению к каждой из них, как мы полагаем, означает возможность их отрицания. Говоря иначе, речь идет о существовании относительного небытия в качестве частицы «не», или в качестве связки «не есть». Первой из десяти категорий, приводимых в одноименном сочинении, является «сущность», понимаемая философом в двух отношениях. Автор говорит о так называемой первичной сущности, о которой мы не получаем четкого представления. Но можно сказать, что под этим понятием следует понимать то ли единичную вещь, то ли понятие, обозначающее ту или иную вещь, то ли класс вещей. Помимо этого, по мнению Аристотеля, есть и вторичная сущность, которая представляет собой родовидовую характеристику первой сущности. Итак, если мы имеем некоторую сущность А, то можно предположить наличие некоторых ситуаций, предполагающих словосочетание не-А. К примеру, «не Сократ». И это сочетание не означает, что непосредственно существует некоторое нечто, именуемое «не Сократ». При этом, в известном смысле, любое из числа существующих нечто, которые не являются Сократом, существуют. Но существуют они как таковые, а не как «не Сократ». И, таким образом, небытие применительно к

первой сущности не только существует, но существует именно в относительном смысле. Если же говорить о вторичной сущности, то небытие здесь существует в качестве связки «не есть», т.е. когда отрицается причастность первичной сущности не свойственной ей родо-видовой характеристики. Можно также сказать, что небытие в качестве связки «не есть» необходимо существует, когда отрицается принадлежность субъекту некоторого предиката. И опять-таки небытие здесь имеет статус существующего лишь в относительном смысле, ибо «не есть» как таковое, т.е. непосредственно, не существует.

Выяснить, каким образом небытие явлено в рамках «сущности», надлежало в первую очередь. Это обстоятельство обусловлено тем, что подобный принцип существования небытия сохраняется и в рамках иных категорий. К примеру, «количество» также содержит в себе возможность отрицания. Обращаясь к некоторому числу, в своем суждении используем данную категорию. Но любое конкретное число есть оно само, а никакое другое, и очевидно, что единица не есть двойка. Подобным образом обстоит дело и с категорией «качество», т.е. белое не есть черное и пр. Следующая категория – «соотнесенное». К ней, согласно Аристотелю, обращаются в случае, когда речь идет о противоположностях. Сам философ приводит такой пример: знание противоположно неведению. Это также означает, что знание не есть неведение. И по отношению к «соотнесенному» небытие также существует в виде отрицания несоответствия некоторого нечего себе самому. Единственным уточнением здесь является то, что этот принцип существования небытия утверждается не в отношении всех иных нечего, а только лишь в отношении к тому нечему, которое является противоположностью данного. Остальные шесть категорий суть «действие», «претерпевание», «положение», «место», «время» и «обладание». В рамках категории «действие» допускается наличие противоположности. Следовательно, охлаждение не есть нагревание. Равным образом такой же подход применим и по отношению к категории «претерпевание», т.е. быть охлаждаемым значит не быть нагреваемым. Находиться в каком-то положении означает не находится в другом. Быть в одном месте - не быть в другом, так же как если что-то происходит в одно время, то оно не происходит в другое. И, наконец, под категорией «обладание»

понимается обладание чем-то, соответственно, быть вооруженным означает не быть разоруженным и т.д.

Иным видом относительного небытия является ложь. Разумеется, если утверждается соответствие лжи небытию, то необходимо постулируется и известная степень соответствия истины и бытия. И соответствие лжи небытию, и соответствие истины бытию обнаруживает себя при сопоставлении суждения о чем-то с действительностью. По Аристотелю, истинным является такое суждение, в котором установленное соединение между субъектом и предикатом не отлично от действительной характеристики предмета: «что же касается бытия в смысле истины и небытия в смысле лжи, то в одних случаях, если соединение происходит, мы имеем истину, если же нет – ложь» [2. С. 250-251]. Здесь важно обратить внимание на то, что если субъект соединен с предикатом, не отображающим характеристику предмета в действительности, то в данном суждении утверждается нечто не существующее, т.е. небытие. Но поскольку суждение произнесено, то оно есть. Однако несоответствие бытию указывает на относительность его существования.

Третий вид относительного небытия – возможность. Здесь необходимо обратиться к некоторым аспектам учения Аристотеля о материи. По мнению философа, материя есть «то, что само по себе не обозначается ни как определенное по существу, ни как определенное по количеству, ни как обладающее каким-либо из других свойств, которыми бывает определено сущее» [2. С. 169]. Это определение близко тому, что можно считать первоматерией, которая, таким образом, предстает как некое бесформенное, неопределенное вещество. Но вещи не возникают только благодаря материи. В частности, материя без формы есть чистая возможность. Потенциальное обретение материей формы, или потенциальное существование вещей и есть третий смысл, в котором существует небытие, поскольку «сущее в возможности может и стать, и не стать действительностью» [3. С. 379]. Но то, что не есть действительность, конечно, есть небытие. С другой стороны, возможность существует, так как «все, что возникает, возникает из существующего в возможности (ведь из невозможного оно не возникло бы и не могло из него состоять)» [2. С. 169].

Итак, рассмотрев учения Платона и Аристотеля о небытии, можно сделать вывод: небытие обоими философами признается существующим. Но у Платона небытие существует, прежде всего, в качестве идеи, а потому оно имеет статус подлинной онтологической реальности. Однако не-сущее в его концепции мыслится как иное бытия, а не как его противоположность. У Стагирита небытие существует лишь в относительном смысле. Далее, в платонизме существованием идеи небытия объясняется феномен лжи, причем ложь и небытие настолько близки по смыслу, что о лжи можно говорить как о небытии в имманентном. Стагирит же говорит о трех видах небытия, которые суть отрицание, ложь и возможность.

Таким образом, в результате проведенного сравнительного анализа были выявлены сходства и отличия в подходах к решению проблемы небытия в философии Платона и Аристотеля. Сходство заключается в том, что оба философа признают небытие существующим и говорят о нем, в том числе, и как о лжи. Противоположность взглядов на онтологический статус небытия, а также то, что Стагирит небытие понимает еще как отрицание, и как возможность, составляют различие.

Библиографический список

1. Платон. Диалоги. Книга первая М.: Эксмо, 2008. 1232 с.
2. Аристотель. Метафизика М.: Эксмо, 2006. 608 с.
3. Аристотель. Политика. Метафизика. Аналитика М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2008. 960 с.

Сведения об авторе

Богомолов Алексей Владимирович
аспирант кафедры философии
НГПУ им. Козьмы Минина
E-mail: ensestens@mail.ru

УДК 271.2(47+57):316.752.4

ПРОЦЕСС ГЛОБАЛИЗАЦИИ КАК УГРОЗА ПРАВОСЛАВНОМУ ОБРАЗУ ЖИЗНИ

В.Н. Казакова

*Нижегородский государственный педагогический университет
им. Козьмы Минина, Нижний Новгород*

В статье дается определение термина «православный образ жизни». Делается вывод, что глобализационные процессы угрожают существованию православного образа жизни и могут привести к потере культурной, национальной, религиозной и духовной самобытности России, а также предлагаются варианты ответа на вызов глобализации со стороны представителей русского православия и светских организаций.

Ключевые слова: православие, глобализация, православный образ жизни, национальная идентичность, унификация культур.

The Process of Globalization as a Threat to the Russian Orthodox Way of Life Victoria Kazakova

The article defines the term “the Russian Orthodox way of life” and concludes that modern globalization processes threaten the Russian Orthodox lifestyle and may lead to the loss of Russian cultural, ethnic, religious and spiritual identity. The author offers options for responding to the challenge of globalization on the part of the Russian Orthodox Church and secular organizations.

Key words: Orthodox Christianity, globalization, the Russian Orthodox way of life, national identity, unification of cultures.

Глобализация как процесс культурной унификации является одной из наиболее обсуждаемых тем в современном гуманитарном дискурсе. Многогранность проблемы воздействия глобализации на духовную жизнь современного общества актуализирует необходимость исследования отдельных ее аспектов, что поможет впоследствии проанализировать и осмыслить проблему целиком. В данной статье изучается влияние глобализации на православный образ жизни.

Глобализационные процессы, а также их последствия сегодня чаще всего воспринимаются как угрозы и вызовы национальной идентичности. Вот только несколько процессов, все чаще выделяемых как последствия глобализации: увеличение прозрачности межнациональных границ, западная культурная экспансия,

стандартизация процессов в духовной сфере жизни мирового сообщества. Исследователи также опасаются, что итогом глобальной унификации будет изъятие духовного компонента из человеческой жизни, что в свою очередь приведет к формированию атеистического и бездуховного общества. Показательны в этом плане слова американского исследователя М. Уотерса, который утверждает, что в условиях глобализации в мире установится единое общество и единая культура [1. С. 3]. Уже сейчас можно утверждать, что глобализация размывает географические и культурные границы государств. Причиной является, прежде всего, обусловленность данного процесса развитием средств коммуникации в современном обществе. И хотя с одной стороны, такая транснационализация создает новую цивилизационную общность, с другой стороны, этот процесс предполагает полный отказ от защиты своих национальных традиций и культурных ценностей.

Существует мнение, что глобализация является не просто процессом всемирной культурной интеграции, а «сочетанием процессов дезинтеграции и интеграции» [2]. Дезинтегрируются традиционные социальные институты, которые исторически поддерживали свободу человека — семья, церковь, государство, а интеграция общества происходит на основе совершенно иных принципов, которые в историческом смысле «не являются для человека родными и не обеспечивают его свободы, а наоборот, стараются его поработить» [2]. Ядро глобализации формируется свободой и независимостью человека от социальных норм и традиций. Подобные глобальные воздействия приводят к постмодернистскому сдвигу в духовной сфере в виде всеобщей разбалансированности сознания, отхода от христианских ценностей, нарушения преемственности национальных идеалов.

Традиционные религиозные ценности существуют постольку, поскольку воплощаются в религиозном образе жизни и становятся побудительным мотивом того или иного поведения индивида. Ценности эти есть ценности реальной религиозной и моральной жизни, которая существует здесь и сейчас [2].

По мнению Л.Е. Шапошникова, значение христианских ценностей возрастает в условиях глобализации. Христианство всей своей историей утверждало принцип единства во множестве, при

котором народы, принимающие христианство, принимали общие ценности, сохраняя свое национальное и культурное своеобразие, в то время как глобализация понимается как навязывание всем народам одного образа жизни [3. С. 250].

Очевидно, что православие, как и любая другая религия, определяет мировоззрение, а следовательно, и образ жизни своих последователей, моделируя сообразно своему вероучению и заповедям поведение человека не только в церковной, но и в светской жизни. Утверждается, что православие формирует специфический образ жизни людей, отличный от образа жизни людей неверующих и лиц, принадлежащих к другим конфессиям. Такой образ жизни в дальнейшем определяется как «православный образ жизни».

Традиционно образ жизни – это совокупность привычек и взглядов, мыслей и действий, это стиль жизни и способ жизни человека. Однако православный образ жизни – более глубокое и ценностное понятие. Это не просто совокупность процессов и явлений жизнедеятельности людей, но и синтез духовной деятельности человека, его нравственных устоев и аксиологических установок. При этом следует отметить, что исследователи не дают точных определений понятия «православный образ жизни», которое является в большей степени ценностно-ориентированным, так как его требования относятся не только к поведению, но и к внутренней, духовной жизни.

В то же время толкованием данного понятия активно занимаются представители Русской православной церкви (РПЦ), объясняя это тем, что «одной из самых главных задач православной миссии является утверждение православного образа жизни как нормы общественного бытия» [4]. Патриарх Кирилл (Гундяев) чаще других представителей церкви дает характеристики православного образа жизни. Причем говоря в контексте православия, он часто отождествляет понятия «православный образ жизни» и «религиозный образ жизни». В одной из своих публикаций Патриарх определяет религиозный образ жизни как «способ существования в мире человека, чей выбор мотивируется и определяется его вероисповедными принципами» [5]. Патриарх расширяет рамки содержания этого понятия, с его точки зрения – это «не только внешние действия человека, это не только культурные проявления

нашего исторического опыта, а это в первую очередь — содержание жизни» [5]. Предстоятель церкви также подчеркивает отличия религиозного образа жизни от нерелигиозного: «религиозный образ жизни отличается от нерелигиозного тем, что он <...> предполагает достижение двух целей: освобождение человека от пороков и стяжание добродетелей» [6]. Это дает нам возможность выделить наиболее существенные признаки православного образа жизни — приоритет духовных, нравственных ценностей, приверженность традициям, опирающимся на восточное христианство, нравственность, которая ведет ко внутреннему развитию личности, ее духовному росту, а не просто заключается в выполнении церковных ритуалов, внешней причастности к православной церкви и тем более не является просто совокупностью процессов и явлений жизнедеятельности.

При нерелигиозном же образе жизни, по мысли главы церкви, «в центре жизни находится сам человек, его собственное эго» [6], и служению этому эго отдаются все силы человека. Такая жизнь «по закону плоти» противостоит религиозному образу жизни. В другой публикации Патриарх дает и более точное и емкое, но при этом и более общее определение православного образа жизни — «если в центре жизни пребывает Бог, значит, человек живет религиозной жизнью» [6].

Можно сделать вывод, что человек формально может считаться верующим, быть крещеным и даже ходить в церковь, однако если в центре его индивидуального существования находится не Бог, то православным образом жизни его образ жизни назвать нельзя. С другой стороны, присутствие Бога в жизни человека переживается как реальность через молитву и участие в Таинствах Церкви, а значит, человек, который не участвует в Таинствах Церкви, тоже не может относить свой образ жизни к православному.

Определение православного образа жизни не раз приводилось не только Патриархом Кириллом (Гундяевым), но и другими представителями РПЦ, что свидетельствует об актуальности темы в первую очередь для самой православной церкви. Именно в распространении православного образа жизни православная церковь видит ответ вызовам времени — массовой унификации культур и жизненных стандартов. Протоиерей Всеволод Чаплин, председатель

Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества, исходя из методологических установок церковноначалия, включает в православный образ жизни «и общественные отношения, и дела милосердия, и построение отношений в семье и в разных субсоциумах, и правила поведения, и восприятие разного рода пороков» [7].

Современное понимание православного образа жизни Русской православной церковью также изложено и в соборных решениях, в частности, в «Основах социальной концепции Русской православной церкви». Социальная концепция отражает понимание православного образа жизни на более глубоком, религиозном уровне: Православный христианин призван любить свое отечество, имеющее территориальное измерение, и своих братьев по крови, живущих по всему миру. Такая любовь является одним из способов исполнения заповеди Божией о любви к ближнему, что включает любовь к своей семье, соплеменникам и согражданам. В данном случае, можно сказать, что это не столько образ жизни, сколько нравственный, моральный императив.

Можно дать следующее определение православного образа жизни – это способ существования в мире человека, в центре жизни которого пребывает Бог и поведение которого мотивируется и определяется православными вероисповедальными и христианскими нравственными принципами.

Перейдем к анализу влияния на православный образ жизни процесса культурной глобализации, так как этот процесс, прежде всего, угрожает культурно-национальной идентичности, ядром которой является культуuroобразующая религия.

Исследователи выделяют пять основных процессов, сопутствующих глобализации: 1) индивидуализация, когда на первое место выходит человек, свободный от семьи и народа; 2) гомогенизация, то есть стирание различных дифференцированных образов жизни и принятие все большим количеством людей стандартизированных образов жизни; 3) десакрализация, потеря духовности; 4) рационализация образа жизни; 5) универсализация, то есть всеобщее существование одних и тех же систем мышления и ценностей.

Безусловно, глобализация оказывает непосредственное влияние и на религиозный образ жизни человека. Она стремится изменить характер культуры, место и роль религии в жизни общества, стереть межкультурные различия, а также разрушить социальные отношения, которые исторически сложились у религии с другими институтами общества. Опасность западного стандарта жизни, который связывается с западными культурными ценностями, по мнению представителей русского православия, состоит в том, что либеральные ценности не подходят для православного человека, ведь в основе либеральной идеи «лежит идея свободы, освобождения человеческой личности от того, что сковывает эту личность» [8. С. 60]. Причем под этим «сковыванием» имеются ввиду установки, направленные на соблюдение норм евангельской морали. Либеральная идея не призывает к освобождению от греха, ибо само понятие греха в либерализме отсутствует. Подобная свобода не требует освободиться от греха, что неприемлемо для православия, тогда как православный образ жизни обеспечивает человеку возможность бороться с грехом, четко определяет понятие греха. Таким образом, следование либеральной модели поведения для православного человека недопустимо.

Именно христианская, православная мораль, по мнению представителей Русской православной церкви, сформировала систему ценностей русского народа, его мироощущение. Под влиянием глобализационных процессов возникает проблема не только усвоения и сохранения веры, но и в большей степени сохранения нормы жизни, образа жизни, определяемого верой.

Таким образом, если не сохранится православный базис нашей культуры, в контексте которого будут впитываться или отвергаться части других культур, это грозит распадом культурной идентичности России и ее растворением в глобальной культуре. «Технократизм, утилитаризм, эгоизм, формирующий отношение к другим людям как средству, а не как к цели, все эти явления не могут быть преодолены без союза религии и культуры» [3].

Глобализация в том виде, в каком она существует в наше время, является вызовом для всей христианской цивилизации и православного мира в частности. В таком случае РПЦ для сохранения православного базиса русской культуры и православного образа

жизни должна выработать ряд ответов на происходящие в российском обществе глобализационные процессы и реализовывать их в своих социальных практиках. Церковь должна не только изучать, как глобализация влияет на судьбу религиозно-нравственных ценностей, но и уметь противостоять чуждым воззрениям.

На данный момент представители РПЦ видят несколько моделей поведения в сложившихся обстоятельствах. Первая модель – изоляционистская, которая предполагает возможность изолировать наше общество от губительных воздействий глобализации. Вторая же модель, напротив, приветствует полное принятие «западного образа жизни», переноса его на российские условия, отбрасывание традиций. Очевидно, что первая модель нежизнеспособна, поскольку изоляционизм в условиях взаимопроницаемого мира невозможен. То, что самоизоляция в таких условиях невозможна, подтверждает и сам Патриарх Кирилл (Гундяев): «...никакая граница не способна сегодня оградить наш религиозный образ жизни от воздействия на него извне иных стандартов и образов жизни...» [8. С. 60]. Вторая модель также не является выходом, поскольку культурная идентичность и самобытность нивелируется под натиском глобальной культуры.

По нашему мнению, основными ответами православных христиан на вызов глобализации являются следующие инициативы: вычленение базисных для России ценностей путем поиска консенсуса, создание широких коалиций патриотически настроенных граждан, пусть и невоцерковленных. В рамках этого подхода также можно выделить модель поведения, одобряемую как Патриархом, так и многими независимым по отношению к РПЦ исследователями – миссионерство.

В таком ракурсе стоит заметить, что глобализация таит в себе не только новые риски, но и новые возможности. Поскольку наиболее конформистски на новые течения в культуре реагирует молодое поколение и при этом оно более активно использует новые коммуникационные технологии (Интернет и т.п.), РПЦ должна сделать их инструментом православной миссии, через механизмы которой Церковь может донести православные ценности до молодого поколения.

Предложенное нами направление действий совпадает с предложенным в концепции миссионерской деятельности Русской

православной церкви, когда на вызов информационного общества ответом предлагается овладение новыми информационными пространствами для противостояния информационной агрессии, осуществляемой деструктивными культурами и организациями. Об этом же говорил и Патриарх Алексий (Ридигер), когда призывал православных миссионеров «сделать современные средства коммуникации орудием православной миссии» [4], а также о том, что РПЦ не имеет права «не использовать огромный потенциал СМИ и современных средств коммуникаций» [4]. Необходимо формировать позитивный образ православия в СМИ посредством новых информационных технологий, распространение с их помощью православной веры, нравственных и иных традиционных ценностей.

В дополнение к этому РПЦ призывает противопоставить духовной и культурной экспансии совместные усилия Церкви, государственных структур, гражданского общества и международных организаций. Целью усилий провозглашается утверждение в мире подлинно равноправного взаимообразного культурного и информационного обмена, соединенного с защитой самобытности наций и других человеческих сообществ [9. С. 18]. В настоящее время проводятся многочисленные конференции, совместные заседания и круглые столы с представителями государственной власти, религиозных, общественных и образовательных организаций по вопросам сохранения и развития духовной культуры в различных регионах Российской Федерации.

В итоге можно сделать определенные выводы:

1. Процесс глобализации затрагивает и изменяет все аспекты жизни современного общества, но особенно страшна глобализация культурная. Глобализацию как культурный процесс в научном мире принято понимать как процесс взаимопроникновения культур, а также стандартизации образа жизни и поведения людей во всем мире.

2. Термин «православный образ жизни» имеет более глубокое содержание и не является одним из подвидов традиционного образа жизни. Существует множество определений «православного образа жизни», которые даются в основном лидерами РПЦ. Все дефиниции православного образа жизни являются ценностно-ориентированными

и делают акцент не на формальные признаки, а на реальное содержание данного понятия.

3. Глобализационные культурные процессы, безусловно, угрожают существованию православного образа жизни, поскольку в будущем это может привести к потере культурной, национальной, религиозной и духовной самобытности России.

4. Самоизоляция в условиях современной информационной эпохи и глобализационных процессов невозможна и не является выходом для сохранения культурной идентичности, образованной на православном базисе. Для сохранения духовной и культурной идентичности РПЦ должна использовать огромный потенциал СМИ и современных средств массовой коммуникации, чтобы транслировать и пропагандировать православные ценности в массы, особенно молодому поколению. Помимо этого основными ответами православных христиан на вызов глобализации являются вычленение базисных для России ценностей путем поиска консенсуса и создание широких коалиций патриотически настроенных граждан, пусть и невоцерковленных, а также миссионерство.

Проблема влияния глобализации на культурную и духовную жизнь российского общества и, в частности, на православный образ жизни, а также поиск выхода из этой опасной для культурной идентичности России ситуации продолжают быть актуальными и требуют дальнейшего, более глубокого изучения.

Библиографический список

1. Waters M. Globalization. London - New York: Routledge, 1995. 247 p.
2. Холмогоров Е.С. Православие и глобализация // Электронный ресурс Интернет: <http://www.pravaya.ru/column/5690>
3. Шапошников Л.Е. Религия в социокультурной системе общества: Культурология: Учебное пособие для вузов / Под ред. В.А. Фортунатовой, Л.Е. Шапошникова. М.: Высшая школа, 2003. С. 256–264.
4. Патриарх Алексей II. Православный образ жизни может стать нормой общественного бытия // Электронный ресурс Интернет: http://www.newsru.com/arch/religy/31oct2002/missia_ortho.html

5. Митрополит Кирилл (Гундяев). Православная церковь перед лицом мировой интеграции // Электронный ресурс Интернет: <http://www.ieras.ru/journal/journal4.2001/2.htm>

6. Патриарх Кирилл (Гундяев). Быть религиозным человеком в молодые годы есть свидетельство духовной одаренности // Электронный ресурс Интернет: <http://www.beebible.narod.ru/apologetika/byt-religioznym-chelovekom-v-molodye-gody.html>

7. Прот. Всеволод Чаплин. О дискуссиях вокруг дресс-кода, ночных клубов и православия в СМИ // Электронный ресурс Интернет: <http://www.pravmir.ru/vazhno-vse-prot-vsevolod-chaplin-o-diskussiyax-vokrug-dress-koda-nochnyx-klubov-i-pravoslavii-v-smi/>

8. Митрополит Кирилл (Гундяев). Роль религиозного образования в формировании образа жизни человека // Сборник пленарных докладов VIII Междунар. Рождеств. образ. чтений. М.: Московский Патриархат, 2000. С. 54–70.

9. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви. М., 2001. 127 с.

Сведения об авторе

Казакова Виктория Николаевна
аспирант кафедры философии
НГПУ им. Козьмы Минина
E-mail: Victoria-kazakova@mail.ru

ВЕСТНИК
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н.А. Добролюбова

Выпуск 18

Редакторы: Л.П. Шахрова
А.О. Кузнецова
А.С. Паршаков

Лицензия ПД № 18-0062 от 20.12.2000 г.

Подписано в печать 17.05.2012

Формат 60x90 1/16

Печ. л. 13,5

Тираж 500 экз.

Цена договорная

Заказ

Типография ФГБОУ ВПО «НГЛУ»
603155, Нижний Новгород, ул. Минина, 31а